

9(СЗРК)К63
Р 89

29 января 1879.
Два Лебедева

дѣ семнадцатый.

РУССКІИ АРХИВЪ

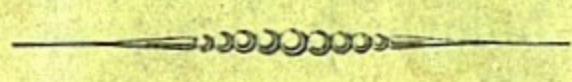
1879.

4.

В. В. Мещеряков

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Лицкое войско. Изслѣдованіе В. Н. Витевского. Главы 2 и 3-я (до царствованія Елисаветы Петровны). 401 2. Біографія графа С. Р. Воронцова. Главы 4 и 5-я (1801—1832). Д. Д. Рябинина. 444 3. Изъ писемъ князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову (1818—1820). 503	4. Urbі (Граду). Стихотвореніе К. С. Анснова. 521 5. Къ столѣтнему юбилею Московскаго Дворянскаго клуба. Историческая замѣтка Г. Н. Александрова. 523 6. Письмо князя В. Ө. Одоевскаго къ пріятелю-помѣщику (1850). 525

05

МОСКВА.

Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина
1879.

155161

11917—1968 г. ППФ Гознака.	Очерки и воспоминанія князя П. А. Вяземскаго.
писокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго.	. Старая Записная книжка. за- Записки оберъ-камергера графа Рибоньера.

КНИГА ВТОРАЯ 1877.

Записки графа Гордта о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ.	Разказы объ адмиралѣ Лазаревѣ. Н. И. Второвъ, біографическая статья
Записки графа А. И. Рибоньера (царствованія Александра и Николая Павловичей).	М. Ф. Де-Нуле. Самаринъ-ополченецъ, воспоминанія В. Д. Давыдова.
Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ.	Историческіе разказы, анекдоты и мелочи. Толычовой.

А ТРЕТЬЯ 1877.

Людое- Россіи.	Депеши князя Алексѣя Борисовича Буракина изъ Парижа въ 1810 году.
Вален- сьеви-	Разказы графа М. А. Дмитріева-Мамонова. Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 годовъ В. М. Еропкина и И. Г. Моливанова.

Яицкое войско

до появления Пугачева *).

Глава II.

Всѣ писавшіе объ Уральскомъ войскѣ полагаютъ, что казаки первоначально взволновались вслѣдствіе передачи ихъ изъ вѣдѣнія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдомство Военной Коллегіи. Такого мнѣнія держались Пушкинъ, Рябининъ, Анучинъ и другіе. Они говорятъ, что казаки, опасаясь за свою свободу, начали волноваться, зажгли Яицкій городокъ и уже собирались бѣжать въ Киргизскія степи, но въ это время подоспѣлъ полковникъ Захаровъ, которому было поручено произвести перепись казаковъ и усмирить ихъ. Такое мнѣніе принадлежитъ къ области догадокъ. Нерасположеніе Яицкихъ казаковъ къ Военной Коллегіи было подготовлено издавна; волненія и междоусобія среди Яицкаго войска открылись еще въ то время, когда Яицкіе казаки находились въ вѣдѣніи Казанскаго Приказа. За шесть лѣтъ до пріѣзда на Яикъ Захарова, къ казакамъ являются уже фискалы и разные сыщики, которые своею недобросовѣстностію кладутъ первыя сѣмена раздора среди Яицкаго войска. Появленіе фискаловъ и сыщиковъ на берегахъ быстрого Урала объясняется слѣдующими обстоятельствами, возникшими среди самихъ казаковъ.

Въ старину, въ Яицкомъ войскѣ бывали такіе случаи, что нѣкоторые казаки, промотавшись, надѣлавши долговъ, или спасаясь отъ кары за преступленія, словомъ «за воровавши», бѣжали съ Яика и, являясь въ города къ Русскимъ воеводамъ, особенно въ Казань, дѣлали доносы на атамановъ, ихъ совѣтниковъ, а иногда и на все Яицко-казацкое войско. Такихъ доносчиковъ, когда они снова являлись на Яикъ, казаки, по рѣшенію войсковаго круга, предавали смертной казни, а со временъ Петра Великаго, по войсковому же приговору, высылали во внутренніе города Россіи съ лишеніемъ званія и правъ казака. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что такіе доносы бывали нерѣдки. Въ 1717 г. Григорій Меркурьевъ, войсковой атаманъ, былъ вынужденъ послать къ Казанскому губернатору, Петру Самойловичу Салтыкову (какъ это значится въ справкѣ изъ дѣлъ Казанской Губернской Канцеляріи, отъ 16 Февраля того же года) отписку, въ которой, между прочимъ, гово-

*) См. выше стр. 273.

казнить смертію и, вмѣсто смерти, ~~тѣхъ въ~~ ^{по} ~~тѣхъ~~ казаковъ ссылаютъ въ Русь; и оныя, заворовавши, приносятъ доношеніе на ихъ войско ложно и обносятъ всякими неправдами, хотя видѣть государеву вотчину въ раззореніи; и чтобы имъ казакамъ, которые заворовавши бѣгають и войскомъ за воровство ихъ ссылаются вмѣсто смерти въ Русь,—не вѣрять» ¹⁾).

Сюда относится доносъ или, какъ значитъ въ дѣлѣ, «извѣтъ» Яицкаго казака Ивана Карташева на атамана Григорія Меркурьева, который потомъ первый изъ Яицкихъ атамановъ назначенъ былъ въ атаманы войска по царскому указу, а при Аннѣ Ивановнѣ сдѣланъ пожизненнымъ атаманомъ, пока не былъ смѣненъ за злоупотребленія. Извѣтъ Карташева имѣлъ важныя послѣдствія, послужившія главною причиною внутренняго разстройства, упадка и преобразованія Яицкаго войска послѣ Петра Великаго; поэтому необходимо передать въ существенныхъ чертахъ это дѣло.

Одновременно съ тѣмъ, какъ полторы тысячи Яицкихъ казаковъ отправились съ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хивинскую экспедицію, такое же число ихъ было командировано съ атаманомъ Матвѣемъ Ивановымъ въ Украинскій походъ, подъ команду боярина Петра Матвѣевича Апраксина. Въ составѣ этого отряда находился и знаменщикъ Карташевъ. На походѣ, близъ города Изюма или въ самомъ Изюмѣ, Карташевъ и еще другой Яицкій же казакъ Старченковъ «явились въ нѣкоторыхъ тамо преступныхъ дѣлѣхъ». Объ этомъ дошло до свѣдѣнія главнаго начальства. Старченковъ былъ схваченъ, подвергнутъ розыску и пытанъ, а Карташевъ бѣжалъ. По возвращеніи казаковъ на Яикъ, о побѣгѣ Карташева сдѣлалось извѣстно всему войску. За побѣгъ со службы виновный наказывался у казаковъ смертію, къ которой его и приговорили. Но, благодаря своему раскаянію, просьбѣ и заступничеству одного знатнаго и уважаемаго родственника, бывшаго атаманомъ, Карташевъ былъ прощенъ, при чемъ войско обязало его заслужить свои вины, держать себя «во всякомъ смиреніи и противъ Яицкихъ казаковъ претительныхъ словъ отнюдь не говорить». Не смотря на такое снисхожденіе войска и свое обязательство, Карташевъ, вскорѣ послѣ этого, бѣжалъ въ Казань, откуда снова явился на Яикъ, вѣроятно, съ цѣлью побольше и точнѣе собрать нужныя ему свѣдѣнія. За этотъ послѣдній побѣгъ, по приговору войсковаго круга, онъ былъ изверженъ изъ войска и сосланъ въ «Русь» ²⁾, съ лишеніемъ званія и правъ казака. Прибывъ снова въ Казань, Карташевъ явился въ Казанскую Губернскую Канцелярію и сдѣлалъ доносъ на войсковаго атамана,

¹⁾ Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1869 г. № 40.

²⁾ Это выраженіе «въ Русь» сохранилось доселѣ и употребляется казаками, когда они съ рыбою или другимъ извозомъ отправляются внутрь Россіи; иногородныхъ жителей они называютъ «Расейскіе».

- ..., такихъ оныхъ, «когда стаде» и по совѣту Матвѣя
 Бородинъ и товарищи, написавъ и
 1) Стан. Бородинъ, солдатъ, приказалъ атаману
 2) Есауль Иванъ Явильовъ, каго не объявилъ»⁵⁾. Женъ
 3) Казаки: Никита Зѣвакинъ, съ Бековичемъ Хивѣ,
 4) Герасимъ Погадаевъ (впослѣдствіи атаманъ б...
 5) Герасимъ Логиновъ,
 6) Степанъ Дементьевъ,
 7) Андрей Яковлевъ,
 8) Никифоръ Бородинъ,
 9) Василій Будановъ,
 10) Меркурій Заровскій,
 11) Василій Азовскій,
 12) Семень Пудовкинъ,
 13) Дмитрій Витошновъ и
 14) Михайль Горшковъ.

Сущность доноса состояла въ томъ, что Меркурьевъ и его приверженцы не хотѣли отдавать помѣщикамъ, въ томъ числѣ и князю Александру Даниловичу Меншикову, бѣглыхъ крестьянъ, поселившихся на Яикѣ, а когда казаки противной стороны совѣтовали имъ это сдѣлать, сторона Меркурьева грозила «перебить ихъ смертію» и отобрать ихъ имущество; взявъ съ бѣглыхъ крестьянъ взятку въ 400 рубл., Меркурьевъ, по совѣту казака Федора Силишникова, приказалъ всѣхъ являющихся на Яикѣ бѣглыхъ людей принимать и верстать въ казаки, какъ это дѣлалось прежде. Въ Январѣ 1717 г. распространилась молва, что атаманъ Меркурьевъ всѣхъ, кто «похвалится ѣхать въ Казань или другіе города о чемъ бить челомъ Государю, приказалъ побивать до смерти». Въ то же время Меркурьевъ отправилъ въ Петербургъ выборныхъ съ ходатайствомъ объ оставленіи бѣглыхъ на Яикѣ. Такимъ образомъ Меркурьевъ и его соумышленники, по доносу Карташева, представляются сторонниками людей бѣглыхъ, прищлыхъ на Яикѣ. Въ доносѣ Карташева, между прочимъ, говорится и о томъ, что осенью 1717 г. Меркурьевъ отправилъ въ Хиву четверыхъ юртовыхъ Татаръ; но какъ зовутъ тѣхъ Татаръ и съ какою цѣлью они отправлены въ Хиву, того, кромѣ атамана Меркурьева и казака Никиты Зѣвакина, никто не знаетъ; что старинные казаки и бывшіе атаманы, вѣрные государевы слуги, опасаются, нѣтъ-ли у нихъ какаго злаго умысла и согласія съ Хивинцами; что совѣтники Меркурьева похваляются во все войско: «мы-де найдемъ и другую воду»³⁾ и т. п.

Въ подтвержденіе своего доноса, Карташевъ выставилъ свидѣтелями «старинныхъ Яицкихъ казаковъ, которые прежде сего бывали атаманами, а нынѣ-де они на Яикѣ знатные люди и вѣрные слуги». По показанію Карташева это были слѣдующіе 8 человекъ:

- 1) Матвѣй Мироновъ (крестный отецъ Карташева),
- 2) Петръ Оадѣевъ,

³⁾ Тамъ-же № 40, стр. 5.

Такимъ образомъ на Яикѣ, по доносу Карташева, существовало двѣ противныхъ стороны: одна Григорія Меркурьева и другая, меньшая числомъ, сторона знатныхъ казаковъ, бывшихъ атаманами, имѣвшая во главѣ Матвѣя Миронова, или: Меркурьевцы и Мионовцы.

Вслѣдствіе этого доноса, въ 1718 году, изъ Казани былъ отправленъ на Яикъ поручикъ Наумовъ, съ порученіемъ взять и привезти съ собою какъ атамана Меркурьева, такъ и Миронова съ ихъ сторонниками. Наумовъ, явившись на Яикъ, въ сопровожденіи Самарскаго дворянина, Тихона Волкова, не упустилъ случая воспользоваться своимъ положеніемъ: взявъ съ казаковъ 200 р. деньгами «да харчемъ и питьемъ на 60 р. и 10 алтынъ», и подвѣлившись съ Волковымъ, онъ отправился въ Казань, вмѣстѣ съ Меркурьевымъ, Мионовымъ и ихъ сторонниками. Въ Казани извѣтчикъ Карташевъ, отвѣтчики и свидѣтели, въ числѣ 37 человекъ, были сданы Наумовымъ въ помытъ подъячему Ѳедору Сухареву, который (какъ потомъ показали казаки) взялъ съ нихъ «на падакою 200 р. да харчемъ и одеждою на 100 р., кромѣ 20 р., взятыхъ съ казака Перфиля Никифорова». Вскорѣ Сухарева смѣнилъ его братъ, Алексѣй Сухаревъ, которому казаки должны были отдать едва ли не послѣдніе 10 р. ⁴⁾.

Такимъ образомъ, Карташевъ заткалъ ту сѣть, въ которой очутились потомъ многіе Яицкіе казаки. Чтобы выпутаться изъ нея, они должны были платить деньгами, харчемъ, одеждою разнымъ фискаламъ, поручикамъ и другимъ сыщикамъ, являвшимся на Яикъ или сопровождавшимъ ихъ въ Казань, Астрахань, Москву, Петербургъ.

Въ Мартѣ 1719 г. отправляется изъ Казани на Яикъ поручикъ Егоръ Кротковъ, съ цѣлью розысковъ по доносу Карташева. Кромѣ солдатъ, сопровождавшихъ Кроткова, 17 Апрѣля того же года, и съ тою же цѣлю, явились въ Яицкій городокъ: фискаль Михайлъ Путиловъ, Самарскій дворянинъ Евдокимовъ, двое подъячихъ, Мансуровъ и Овчинниковъ, фискальный дѣлецъ Соболевъ, прикащикъ помѣщика Никифора Маркова, и нѣкоторые другіе, да отъ Казанскаго архіерея священникъ Семень. Казаки едва ли могли быть довольны подобными наѣздами слѣдователей и сыщиковъ: приходилось кормить и дарить ихъ совсѣмъ понапрасну. Сыщики распоряжались на Яикѣ безотвѣтно, попирая права чести, собственности, свободы и даже жизни. Вотъ что, между прочимъ, извѣстно о ихъ дѣйствіяхъ въ Яицкомъ городкѣ.

Явившись въ Яицкій городокъ, Кротковъ началъ допрашивать казаковъ, когда кто изъ нихъ пришелъ на Яикъ, и если кто заявлялъ,

⁴⁾ Тамъ-же № 47, стр. 7.

что лѣтъ 20, 30 и 40, такихъ онъ, «до ета» и по совѣту Матвѣя Мухоморова и атамана Никиты Бородину товарищи, напавъ иъ 2600 человекъ бѣглыхъ 700 солдатъ, приказалъ атаману Бородину отдать въ полки, а указа никакого не объявилъ»⁵⁾. Женъ и дѣтей тѣхъ казаковъ, которые погибли съ Бековичемъ въ Хивѣ, Кротковъ отбиралъ себѣ, показавъ ихъ своими бѣглыми крестьянами; а тѣхъ изъ нихъ, которые осмѣливались заявлять, что они природные казаки и никогда не были его крестьянами, приказывалъ казнить смертію. Тоже дѣлали знакомые и друзья Кроткова изъ дворянъ, и «отъ того учинилось Яицкому войску великое разореніе, и многіе дома запустѣли». Съ наступленіемъ весны и очищеніемъ Урала отъ льда, у казаковъ должно было начаться весеннее рыболовство, въ которомъ состояло для Яицкаго войска главное, если не единственное средство къ существованію. Между тѣмъ, Кротковъ и фискаль Путиловъ, забравъ всѣхъ, и большихъ и малыхъ, на сѣзжій дворъ, продолжали свои допросы и розыски. Казаки, опасаясь лишиться залова рыбы, вынуждены были дать Кроткову взятку. Получивъ 200 р., Кротковъ отпустилъ ихъ на рыболовство. Кромѣ того, Кротковъ собралъ съ казаковъ, въ разное время, деньгами, лисьими мѣхами, лошадьми и т. п. на 206 р. 31 алтынъ и 4 деньги. Въ числѣ взятокъ Кроткова, между прочимъ, значится: «съ казачьей жены Анны Филиповой 5 р., у казака Димитрія Макарова азбуку скорописную золотомъ въ рубль, и не заплатилъ за сдѣланныя ему работы». Впослѣдствіи на допросахъ казаки также показали, что, «по его же Кроткова нападкѣ и велѣнію, дано фискалу Путилову 200 р., дворянину Евдокимову 5 р., да ему же съ казачьей вдовы Елены Черновой банныхъ денегъ рубль⁶⁾, да подъячимъ—одному 50 р., другому 20 р., да всѣмъ имъ вмѣстѣ харчемъ, питьемъ, за подводы, на сѣно и на дрова, дано 200 р. и 12 алтынъ». Исчисляя взятки фискала Путилова, казаки, между прочимъ, показали, что Путиловъ не пощадилъ и вдовы Варвары Семеновой, отнявъ у нея послѣдніе 23 алтына и 2 деньги. Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ взятокъ и поборовъ натурою и деньгами, казаки заплатили еще подъячимъ особо 13 р., 16 алт. и 4½ д., да Путилову 11 р.

Изъ полутора ста тысячъ казаковъ, отправленныхъ Бековичемъ въ Хивинскій походъ, 33 человека бѣжали и снова явились на Яикѣ. Казаки, переловивъ своихъ собратьевъ, донесли о нихъ Казанскому губернатору, который приказалъ войску «учинить надъ бѣглецами судъ на Яикѣ, по ихъ казачьему обыкновенію». Мы уже знаемъ, что за побѣгъ со службы казаки подвергали виновныхъ смертной казни. Поэтому четверо изъ бѣжавшихъ, на страхъ другимъ, были преданы смерти, а остальныхъ «били въ рычажья». Кротковъ приказалъ всѣхъ этихъ казаковъ розыскать и держать подъ арестомъ

⁵⁾ Тамъ-же № 47.

⁶⁾ Въ лѣтнее время бани было запрещено топить, но старшины и другія должностныя лица не стѣснялись этимъ и свободно топили свои бани, когда хотѣли.

взялъ ихъ, въ сѣдлѣхъ и на коняхъ, и роздалъ знакомымъ помещикамъ, а другихъ—въ солдаты; отцовъ же, матерей, женъ и дѣтей этихъ казаковъ захватилъ себѣ, дома ихъ продалъ, а пожитки и деньги также забралъ себѣ. Кромѣ того, Кротковъ захватилъ до 40 человекъ пріѣзжихъ людей изъ лавокъ и немало казаковъ, для исполненія писарской обязанности, и «тѣмъ учинилъ войску великую изневагу», такъ какъ помянутымъ писарямъ войско должно было платить по багренью ⁷⁾ и по два, а багренье продавалось у нихъ по 4 рубля.

Фискаль Путиловъ также не упускалъ ни одного случая, гдѣ только можно было придратъся къ казакамъ и поживиться на счетъ ихъ кармана. Казакъ Аѳанасій Назаровъ (впослѣдствіи разстрѣлянный по приговору войсковаго круга), порядочно задолжавъ живучи «въ прикрытѣхъ», подалъ Путилову доношеніе, въ которомъ значилось, что нѣсколько человекъ Яицкихъ казаковъ, отпущенныхъ къ Калмыкамъ для мѣны про свой обиходъ лошадей, взяли съ собой сколько-то свинцу и пороху. Путиловъ приказалъ этихъ казаковъ нагнать и произвести у нихъ обыскъ; не смотря на то, что у казаковъ не оказалось ни свинцу, ни пороху, фискаль держалъ ихъ въ степи двѣ недѣли, требуя выкупа. Казаки, опасаясь попасть въ руки барандачей и потерять свой скарбъ и людей, вынуждены были дать Путилову 100 р., послѣ чего и получили свободу. Вообще все содержаніе комиссіи Кроткова на Яикѣ, по исчисленію казаковъ, въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, стоило войску 1500 р., за исключеніемъ 260 р., данныхъ казаками Наумову, и 100 р., волчьей шубы въ 20 р. и 2-хъ кумачей, взятыхъ съ казаковъ Самарскимъ дворяниномъ Волковымъ, пріѣзжавшимъ на Яикъ въ 1717 году съ указомъ о крестьянахъ князя Меншикова, а въ слѣдующемъ году сопровождавшимъ въ Яицкій городокъ Наумова.

Вотъ чего стоилъ пока казакамъ доносъ Карташева, а розыскъ еще только начинался! Нужно замѣтить, что вообще лица, являвшіяся на Яикъ съ цѣлю розыска, получали содержаніе, освѣщеніе и отопленіе отъ казаковъ. Всѣ расходы подобнаго рода должны были записываться, для взысканія впослѣдствіи съ виновныхъ, по рѣшеніи дѣла; но въ дѣйствительности ихъ несли не столько виновные, сколько невинные.

Между тѣмъ, поручикъ Кротковъ, набивъ карманы и силою присвоивъ себѣ нѣсколько казачьихъ семействъ, прибылъ въ Казань и представилъ дѣло о произведенномъ имъ слѣдствіи въ Казанскую Губернскую Канцелярію, которая препроводила это дѣло, вмѣстѣ съ извѣтчикомъ Карташевымъ, атаманами Меркурьевымъ и Филимоновымъ и нѣкоторыми казаками, въ Преображенскій Приказъ, куда всѣ эти лица и прибыли 28 Августа 1720 года, и вскорѣ препровождены въ Астрахань, а отсюда колодниковъ переслали снова на Яикъ, въ сопровожденіи конвоя изъ 50 солдатъ, подъ командою поручика Кустова.

⁷⁾ О багреньѣ будетъ сказано дальше.

коменданту г. Ахмидо ~~и поручику Кустову~~ ~~и поручику Кустову~~ для розыска ⁸⁾ и поручика Кустова подчинила Воейкову. Между тѣмъ атаманъ Бородинъ получилъ отъ Астраханскаго губернатора на имя всего войска указъ, чтобы маіору Воейкову, поручику Кустову и ихъ людямъ были отведены квартиры; чтобы казаки были послушны ему, Воейкову, и отдавали ему безъ всякой противности всѣхъ, до кого коснется дѣло по уликамъ доносителя и по сыску; также давать безъ замедленія по его требованію изъ Войсковой Избы бумагу на розыскъ, чернила, свѣчи и подводы, когда кончится розыскъ или понадобится повѣзка и безъ розыску.

Маіоръ Воейковъ писалъ въ Астраханскую Канцелярію, что Яицкій войсковой атаманъ съ товарищи словесно приказалъ передать ему, чтобы онъ на Яикъ для розыску не ѣздилъ, такъ-какъ-де Яицкое войско находится въ вѣдѣніи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а не Астраханской и Казанской губерній. Кустовъ вскорѣ донесъ Астраханской Губернской Канцеляріи, что казаки не даютъ ему подводъ, свѣчъ, бумаги, чернилъ и т. п., а привезенныхъ имъ туда казаконъ, которые не были скованы, атаманъ взялъ къ себѣ ⁹⁾. Маіоръ Воейковъ всѣми мѣрами старался отклонить свою повѣзку на Яикъ подъ разными благовидными предлогами. Изъ его писемъ къ губернатору Артемію Волынскому видно, что онъ не рѣшался ѣхать въ Яицкій городокъ, во первыхъ, потому, что Каракалпаки и Киргизы, какъ ему сообщаютъ о томъ изъ Самары, «появились въ большомъ многолюдствѣ въ степи и могутъ подойти подъ Его Императорскаго Величества города», и что Яицкая станица ¹⁰⁾ отправляется съ Япка къ Самарѣ и Сызрану, по чему производить слѣдствіе будетъ не съ кѣмъ, и что, кромѣ того, казаки заявили, что они «къ Астрахани не присудны и ему для розыска у нихъ не быть». Вовторыхъ, та станица пріѣхала на Батрацкую пристань (подъ Сызраномъ) для торговли и стала разѣзжаться за своими промыслами въ другіе города. При этомъ Воейковъ замѣчаетъ, что онъ не разъ говорилъ лично и два раза писалъ станичному атаману, Степану Сумкину, чтобы онъ казаконъ въ дальнія мѣста не отпускалъ, а чтобы, расторгавшись, казаки ѣхали обратно на Яикъ, такъ какъ ихъ отсутствіе можетъ затянуть дѣло розыска по извѣсту Карташева; но Сумкинъ, явившись къ Воейкову, отвѣчалъ, что Яицкіе казаки подвѣдомы Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что розыскъ по дѣлу Карташева былъ уже произведенъ въ Казани, и потому вторично они подъ розыскъ не пойдутъ. Далѣе Воейковъ пишетъ, что онъ отправился бы на Яикъ съ станицею казаконъ; но такъ-какъ указа изъ Астрахани еще нѣтъ, то не можетъ и этимъ воспользоваться, ѣхать же степью одному, безъ казаконъ, небезопасно, особенно потому, что въ улусы Калмыцкихъ владѣльцевъ Даржина и Лекомбеева прибыло 500 Каракал-

⁸⁾ Тамъ-же № 47 стр. 5.

⁹⁾ Тамъ-же № 42, стр. 7.

¹⁰⁾ Партія обозныхъ казаконъ съ рыбою, икрою, клеємъ, солью, мѣхами и т. п.

наковъ, которые и теперь тамъ. Воейковъ почему-то ждалъ извѣстїи хани указа въ отвѣтъ на свое письмо, содержаніе котораго основывалось на слухахъ, полученныхъ Воейковымъ отъ Волкова, который сообщалъ ему, будто атаманъ Бородинъ просилъ его передать коменданту, чтобы онъ на Яикъ не ѣздилъ для розысковъ, такъ какъ казаки подвѣдомы Иностранной Коллегіи. Въ виду этихъ соображеній Воейковъ и не рѣшился воспользоваться казачьей станицею, съ которою бы онъ могъ отправиться на Яикъ.

Между тѣмъ поручикъ Кустовъ, находившійся въ Яицкомъ городкѣ, писалъ станичному атаману Сумкину, чтобы онъ оставилъ Воейкову изъ числа станичныхъ казаковъ людей для сопровожденія его на Яикъ, о чемъ просилъ Сумкина и самъ Воейковъ; но Сумкинъ отказалъ, ссылаясь на полученное «отъ войсковаго атамана съ товарищи» письмо, въ которомъ значилось, чтобы Воейкову проводниковъ не давать и ему на Яикъ не ѣздить, «понеже Яицкіе казаки Астрахани неподсудны, указовъ Астраханскаго губернатора слушать не будутъ и къ розыску не пойдутъ». Раздраженный такимъ отвѣтомъ, Воейковъ приказалъ схватить казака Ивана Лукьянова, чтобы отправить его въ Астраханскую Губернскую Канцелярію, какъ главнаго подстрекателя станичныхъ казаковъ; но атаманъ Сумкинъ, во главѣ 200 казаковъ, бросился отнимать Лукьянова, осыпая Воейкова бранью и угрожая побоями. Казаки, чтобы выручить своего собрата, готовы были взяться за ружья. Воейковъ поспѣшилъ сѣсть въ лодку и удалился, захвативъ съ собою и Лукьянова. Такимъ образомъ слухи, сообщенные Воейкову Самарскимъ дворяниномъ Волковымъ, оправдались. Впрочемъ если бы не трусость Воейкова, онъ могъ-бы отправиться на Яикъ безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ Волковымъ и станичнымъ атаманомъ Сумкинымъ, такъ какъ два гонца отъ Кустова—одинъ къ Сумкину и другой къ Воейкову (съ извѣстіемъ, что Каракалпаки и Калмыки дѣлаютъ въ улусахъ порохъ и ружья) свободно проѣхали съ Яика на Волгу¹¹⁾. Схваченный и арестованный Воейковымъ казакъ Лукьяновъ отправленъ былъ въ Астрахань, въ сопровожденіи солдатъ, писчика Степана Солодовникова и Татарина, присланнаго отъ Кустова. На пути Лукьяновъ подговорилъ солдатъ и бѣжалъ съ ними на Яикъ, подъ защиту войска.

10 Юля 1720 г., изъ Сената въ Астраханскую Канцелярію, къ генералъ-аудитору Кикину, послѣдовалъ указъ, которымъ предписывалось всѣ слѣдственные и сыскныя дѣла о Яицкихъ казакахъ представлять въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ: «понеже именнымъ Его Императорскаго Величества указомъ велѣно вѣдать оныхъ казаковъ въ той Коллегіи». Астраханская Губернская Канцелярія 17 Сентября сообщила объ этомъ Воейкову, присовокупивъ, что ему ни писать къ станичному атаману Сумкину, ни ѣздить къ казакамъ на Батрацкую пристань, а тѣмъ болѣе ловить и арестовать ихъ не слѣдовало, а что нужно-бы давно отправиться на Яикъ для производства розыс-

¹¹⁾ Ур. Войск. Вѣд. 1869 г., № 42, стр. 8.

дѣлу Карташевъ (послѣдствіи долговъ) и т. п. и т. п. и что все это «впредь возметъ на немъ, Воейковъ»¹²⁾.

Въ то же время Астраханская Канцелярія предписала Яицкому войску, чтобы оно во всемъ было послушно Воейкову, такъ какъ онъ отправляется туда вслѣдствіе распоряженія Преображенскаго Приказа, а 20 Ноября того же года посланъ на Яикъ указъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы войско во всемъ безпрекословно повиновалось маіору Воейкову.

Пока производилась эта переписка, Воейковъ отправилъ на Яикъ подъячаго Попова, который долженъ былъ объявить войску указъ Астраханской Канцеляріи о послушаніи ему. Поповъ, прибывъ въ Яицкій городокъ, вскорѣ сообщилъ Воейкову, что когда онъ читалъ указъ въ войсковомъ кругу, то Григорій Меркурьевъ и другіе казаки заявили, что они подвѣдомы Иностранной Коллегіи, а не Астраханскому губернатору, и чтобы маіоръ Воейковъ для розыску на Яикъ не ѣздилъ; казакъ же Ѳеодоръ Рукавишниковъ прибавилъ: «долго-ли еще розыщикамъ въ казачій городокъ ѣздить и ихъ разорять? что онъ, Рукавишниковъ, пойдетъ къ Его Императорскому Величеству и будетъ бить челомъ имянно, дабы онаго розыску не было; понеже Царское Величество вѣдаетъ его имянно и не промѣняетъ на лучшаго генерала». Далѣе Поповъ сообщаетъ, что Рукавишниковъ въ его присутствіи что-то шепталъ многимъ казакамъ на ухо и три дня сряду, являясь въ войсковой кругъ, выбиралъ въ челобитчики, кого захочетъ, имѣя при себѣ для обороны челоуѣкъ до двадцати вооруженныхъ казаковъ.

Почти одновременно съ этимъ поручикъ Кустовъ извѣщалъ Воейкова, что Рукавишниковъ просилъ въ кругу, чтобы ему дали желѣза сковать поручика и солдатъ, называя его, Кустова, чертомъ и мошенникомъ¹³⁾.

Обо всемъ этомъ Воейковъ не замедлилъ донести генераль-аудитору Кикину. Вслѣдъ затѣмъ, Яицкое войско уведомило Воейкова, что изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ къ Казанскому губернатору Салтыкову прислана грамота, которой ему предписывалось произвести слѣдствіе по дѣлу Карташева и «учинить указъ»; но что Салтыковъ, отклонивъ отъ себя это дѣло, велѣлъ войску бить челомъ Иностранной Коллегіи, чтобы дѣло о Карташевѣ и объ офицерахъ, бравшихъ съ казаковъ взятки, было разсмотрѣно тамъ, почему войско и отправило въ Петербургъ выборныхъ съ челобитьемъ. Вскорѣ Воейковъ получилъ новое доношеніе отъ Попова, который писалъ, что казаки продолжаютъ стоять на своемъ: «если маіоръ Воейковъ пойдетъ къ намъ съ розыскомъ, то мы всею войскою

¹²⁾ Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 42, стр. 8.

¹³⁾ Тамъ же, стр. 9-я.

встрѣтимъ что указанъ мѣ. Воейковъ и почему «Истимъ». Вмѣстѣ съ этимъ Поповъ извѣщаетъ Воейкова, что Яицкимъ атаманъ, Матвѣй Мироновъ, находится у казаковъ подъ карауломъ, и что его уже три раза приводили въ кругъ и приговаривали къ смертной казни, «понеже-де онъ, Мироновъ, имъ воспрещалъ во всякихъ противностяхъ, которыя они чинили указамъ».

Поповъ препроводилъ также къ Воейкову «извѣтъ съ Яику на Рукавишниковъ съ товарищи отъ казаковъ Ивана Елисѣева и Аѳанася Назарова», содержавшихся тамъ подъ арестомъ. Елисѣевъ показалъ, что онъ въ 1719 году подалъ Казанскому губернатору за царственною печатью ¹⁵⁾ доношеніе на Яицкихъ казаковъ, поименованныхъ въ самомъ доношеніи; вслѣдствіе чего Елисѣевъ былъ отправленъ изъ Казани въ Астрахань съ Яицкимъ атаманомъ, Игнатѣемъ Мусатовымъ и есауломъ Гаврилою Старцевымъ, которые, по совѣту атамана Никиты Бородина, привезли Елисѣева «воровски» на Яикъ «къ убійству, и били въ кругу смертнымъ убійствомъ и спрашивали, что написано у него за царственною печатью, и приговаривали разъ подъ-двадцать казнить»; и что казаки, которые «съ Яику ушли уходомъ» — челобитчики они или доносчики — по возвращеніи изъ Петербурга, возмутили все войско, заявивъ, что будто «канцлеръ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ войску Яицкому приказалъ, кто скажетъ за собою царское слово или дѣло, и такихъ-де людей не объявляйте, а сами казните, кто будетъ доносить».

Аѳанасій Назаровъ заявилъ, что онъ въ томъ же 1719 г. подалъ Казанскому губернатору доношеніе объ укрывательствѣ Яицкими казаками бѣглыхъ солдатъ и другихъ «причинныхъ» людей; и что по тѣмъ его доношеніямъ такіе люди сысканы, и причинный чело-вѣкъ Сибирянинъ Иванъ Прянишкинъ битъ кнутомъ, и опредѣлили его на старое жилище жить; а которые явились солдаты, подпрапорщикъ Василій Константиновъ, Самаряне: Михайло Чумаковъ, Михайло Мелентьевъ да Иванъ Дехтеревъ, отпущены были, по ихъ просьбѣ, въ прежнія мѣста жительства. Но возмутители, Ѳедоръ Рукавишниковъ, Трифонъ Новиковъ и Макаръ Коловертинцевъ, поставили ихъ въ казаки, сказывая въ войсковомъ кругу, что имъ Царь изъ своихъ устъ приказалъ оныя принимать людей всякихъ чиновъ, кто чей и откуда бы ни былъ. Въ извѣтѣ Назарова также упомянуто, что его доношеніе хранится въ станичной избѣ, а его, Назарова, бьютъ и хотятъ казнить, оболгавъ взятками, и что онъ находится съ Елисѣевымъ подъ однимъ арестомъ. Воейковъ, получивъ этотъ извѣтъ, копію съ него препроводилъ въ Астрахань.

Такимъ образомъ, изъ этой переписки видно, что Воейковъ, нерѣшаясь вѣхать самъ, посылалъ отъ себя на Яикъ разныхъ подъячихъ, писалъ на Яикъ Кустову, въ Астрахань къ Волынскому и

¹⁴⁾ Переметный уметъ находится въ 20 верстахъ отъ Уральска на Сѣверо-западъ.

¹⁵⁾ Печать царства Казанскаго, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ.

да Рукавишниковъ—казаки Коловертинцевъ и Новиковъ съ товарищи; что Рукавишниковъ отправляясь въ Петербургъ, взялъ самовольно 800 рублей войсковыхъ денегъ и 50 казаковъ, и приказалъ всему войску не пускать Воейкова въ ихъ городокъ, а «для подтвержденія въ томъ» оставилъ на Яикѣ своихъ совѣтниковъ, Новикова и Коловертинцева. Далѣе казаки показали, что войско во всемъ слушаетъ его, Рукавишниковъ, и его совѣтниковъ, дѣйствуя согласно ихъ желаніямъ, и потому казаки единогласно положили въ своемъ кругу: «все конечно его, Воейкова, въ казачій городокъ не пускать». Воейковъ обо всемъ этомъ донесъ Волынскому и Кикину, присовокупивъ, что Рукавишниковъ—бѣглый съ каторги ¹⁷⁾. Онъ уже умалчиваетъ объ опасностяхъ проѣзда на Яикъ, но замѣчаетъ, что «за тою противностью казаковъ, малолюдствомъ пріѣхавъ на Яикъ, оному розыску изслѣдовать въ существо невозможно, понеже у нихъ въ казакахъ бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ и другихъ всякаго чина пришлыхъ людей умножилось, и посланныхъ указовъ не слушаютъ». Впрочемъ Воейковъ, помня замѣчаніе Астраханской Канцеляріи, сдѣланное ему относительно голодавшихъ на Яикѣ солдатъ Кустова ¹⁸⁾, въ Январѣ слѣдующаго года отправилъ на Яикъ подъячаго Ив. Акимова съ хлѣбнымъ запасомъ и, наконецъ, вслѣдъ за нимъ рѣшился отправиться самъ.

Казаки, въ числѣ 200 человекъ, встрѣтили Акимова за двѣ версты отъ Яицкаго городка, обозъ съ хлѣбомъ остановили, а самого Акимова подъ карауломъ привели къ станичной избѣ. Затѣмъ собранъ былъ войсковой кругъ, на которомъ постановлено: «хлѣбнаго запаса въ городъ не допускать и вощикамъ сѣна для ихъ лошадей не продавать». Акимовъ былъ отпущенъ къ обозу, а на городскихъ воротахъ и валу поставленъ караулъ, который никого не долженъ былъ пропускать въ городъ. Вскорѣ къ обозу прибылъ и самъ Воейковъ. «Для сущаго увѣренія», онъ поѣхалъ было въ городъ; но казаки, въ числѣ уже 500 человекъ, съ ружьями, пиками и бунчуками, вышли къ нему на встрѣчу. Воейковъ послалъ спросить, почему они не хотятъ пустить его въ городъ, и требовалъ, чтобы съ отвѣтомъ явились къ нему старшины и есаулъ. Атаманъ Ив. Ивановъ, Никита Зѣвакинъ, Григорій Меркурьевъ и ихъ соумышленники отвѣчали, что они есаула и старшинъ посылать не желаютъ, а его, Воейкова, въ городъ не пустятъ. Между тѣмъ, поручикъ Кустовъ, находившійся въ городѣ, извѣстилъ Воейкова, что казаки всѣхъ его солдатъ изъ квартиръ выгнали и самого его высылаютъ изъ города. Воейковъ, въ отвѣтъ на это, приказалъ Кустову, забравъ колодниковъ и дѣла, выйти съ солдатами къ нему въ степь. Кустовъ такъ и сдѣлалъ, но привелъ съ собою только двоихъ колодниковъ, Ив. Карташева и Федора Бухарева, прочихъ же казаки не дали; не дали и лошадей, чтобы вывезти вещи Кустова за городъ. Вслѣдъ за

¹⁷⁾ Этого, какъ увидимъ, Рукавишниковъ впоследствии, на вопросахъ въ Военной Коллегіи, не призналъ.

¹⁸⁾ Отъ 17 Сентября 1720 г.

этимъ, казаки, отъ имени всего войска, написали Воейкову, что они не пускаютъ его въ городъ и не идутъ подъ рознь къ нему потому, что у нихъ съ нимъ «зазвѣдана ссора», и что они послали въ Петербургъ съ челобитьемъ на него «во всякихъ его налагахъ на нихъ», а также просили въ челобитной и о томъ, чтобы дѣло о Карташевѣ было рассмотрѣно и разобрано въ Петербургѣ. Получивъ такой отвѣтъ, Воейковъ не хотѣлъ дальше оставаться въ виду Яицкаго городка и возвратился въ Сызрань, потравивъ, по словамъ казачьей челобитной, казачьи сѣна и разоривъ конскія стойла по р. Чагану, при урочищѣ Чувашскіе Усады и у Краснаго Колка, гдѣ казаки находились на звѣриной охотѣ. 19 Января 1721 г., Воейковъ донесъ о своей Яицкой поѣздкѣ Астраханской Канцеляріи, откуда уже были посланы указы ему и Кустову, которыми предписывалось, чтобы колодники изъ Яицкихъ казаковъ содержались въ Сызранской канцеляріи; а 21 Января того же года Астраханская Канцелярія донесла въ Преображенскій Приказъ, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и въ Сенатъ объ упорствѣ и неповиновеніи казаковъ, представивъ при этомъ и копіи съ донесеній Воейкова и Кустова.

Между тѣмъ, казаки, озлобленные непомѣрными и непрерывными взятками отъ наѣзжавшихъ къ нимъ чиновниковъ и фискаловъ изъ Казани и Самары, съ цѣлю розыска, арестами казаковъ, пріѣзжавшихъ на Батрацкую пристань, а также, желая, вѣроятно, запугать Воейкова, въ началѣ Декабря 1720 г., послали двѣ челобитныя въ Петербургъ, гдѣ въ это время находился съ зимовой станицею атаманъ Рукавишниковъ, на имя котораго и были отправлены челобитныя. Казаки писали Рукавишникову, что если онъ получитъ отъ Государя и его канцлера, графа Головкина, грамоту о ихъ войсковыхъ нуждахъ, то прислалъ бы ее скоро. Настаивая на томъ, чтобы дѣло о Карташевѣ разбиралось въ Петербургѣ, казаки думали, что лучше заплатить одинъ разъ, чѣмъ кормить голодныхъ комиссіи, пріѣзжавшія къ нимъ на Яикъ, и потомъ платить въ Казани, Астрахани, Самарѣ, Сызранѣ, платить и въ столицѣ, когда слѣдствіе по розыску поступитъ туда на рассмотрѣніе. Въ милостивцахъ недостатка не было: чиновники Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ давно имъ были знакомы, а обычные презенты съ рыбою и икрою отъ войска могли довершить это дѣло. Такой ходъ дѣлу о Карташевѣ далъ Рукавишниковъ, который съ этою цѣлю и отправился въ Петербургъ, во главѣ зимовой станицы. Чиновники того времени не только отличались крайнею жадностью, но и особеннаго рода искусствомъ въ изобрѣтеніи средствъ и поводовъ для взятокъ. Такъ, на примѣръ, въ 1718 году, Самарскій дворянинъ Волковъ, присланный на Яикъ, для приведенія казаковъ къ присягѣ царевичу Алексѣю Петровичу, взялъ за это съ нихъ 600 р., угрожая удержать ихъ отъ предстоявшаго рыболовства. Впрочемъ, подобное случилось и гораздо позже: чуть не полвѣка спустя, Екатерина въ своемъ указѣ, изданномъ чрезъ три недѣли по восшествіи на престолъ, противъ взятокъ, говоритъ о своемъ «содроганіи», когда узнала, что за приводъ къ присягѣ ей въ вѣрности, и притомъ съ бѣднаго народа, чиновники брали

зайственныхъ рѣкъ—казаки Коловерти и Новиковъ
лова и другихъ добросовѣстныхъ слѣдователей, въ Петербургъ, взялъ
на Яикъ, по дѣлу Карташева.

Атаманъ Рукавишниковъ, который сталъ теперь во главѣ ходо-
таевъ за казаковъ, отличался замѣчательной энергіей, здравой Рус-
ской смѣткой и преданностью войску. Происходя, по свидѣтельству
Воейкова, изъ Сибирскихъ каторжниковъ, онъ былъ достойнымъ
предшественникомъ извѣстнаго впоследствии своей неукротимостью и
способностями, сподвижника Пугачева, Хлопуши. Онъ скоро приобрѣлъ
великое вліяніе въ Яицкомъ войскѣ: казаки не разъ отправляли его
отъ войска въ зимовой станицѣ въ Петербургъ и, благодаря этому,
безграмотный Рукавишниковъ узналъ всякія нужныя вещи и всѣ под-
ходы, а впоследствии, какъ увидимъ, сдѣлался лично извѣстенъ Петру
Великому. Войско всегда покорно и послушно относилось къ нему,
уважало и цѣнило его способности и совѣты, которые были для ка-
заковъ словно законъ писанный. Въ то время, какъ обычная пере-
мѣна прежнихъ атамановъ и выборы новыхъ шли своимъ чередомъ,
Рукавишниковъ имѣлъ такую силу въ войскѣ, что и въ его отсут-
ствіе, по однимъ его письмамъ изъ Петербурга, войсковые атаманы
предавали смертной казни тѣхъ изъ казаковъ, которыхъ почему-либо
онъ считалъ вредными для войска¹⁹⁾. Понятно, что, при такомъ зна-
ченіи Рукавишникова среди войска, бунтъ казаковъ, если бы онъ
дѣйствительно былъ въ это время на Яикѣ, какъ писалъ о томъ
Пушкинъ и за нимъ повторили другіе, не могъ бы быть неизвѣстенъ
и въ другихъ мѣстностяхъ, кромѣ маленькаго Яицкаго городка.

Въ описываемое нами время Рукавишниковъ, отправляясь въ Пе-
тербургъ, имѣлъ въ виду и другія нужды войска, изъ которыхъ глав-
ною была—возобновленіе царской «владѣнной» грамоты войску
на р. Яикъ со всѣми впадающими и выходящими изъ него «рѣки и
протоки», грамоты, оригиналь которой сгорѣлъ въ пожаръ, бывшій
между 1680—1690 годами и уничтожившій почти весь Яицкій горо-
докъ. Въ эту-то поѣздку въ Петербургъ, Рукавишниковъ далъ и из-
вѣстное показаніе о началѣ и происхожденіи Яицкаго войска, при-
веденное Рычковымъ, въ его «Топографіи Оренбургской губерніи».
Тогда же онъ подалъ и челобитную слѣдующаго содержанія.

Державнѣйшій царь, Государь милостивѣйшій!

Въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ (тому будетъ лѣтъ съ сорокъ), били че-
ломъ мы, нижеименованные, Вамъ Царскому Величеству: за прежнія наши
рабовъ твоихъ службы чтобъ Ваше Царское Величество пожаловалъ бы насъ,
рабовъ твоихъ, что на которой мы, раби твои, рѣкѣ Яикѣ за Вашу Царскаго
Величества волю набрались на житье вольными людьми, пожаловалъ бы насъ,
рабовъ твоихъ, тою помянутою рѣкою Яикомъ съ вершинъ и до устья, и

¹⁹⁾ Ур. Войск. Вѣдом. 1869 г., № 31; сличи № 44.

Сенатъ, но вслѣдствіи этой челобитной ГИТГ. Судъ, и въ эти поиски кончились ничѣмъ. Челобитная важна въ томъ отношеніи, что она можетъ служить исторически-вѣрнымъ опроверженіемъ тѣхъ нелѣпыхъ толковъ, которые въ настоящее время распространены на Уралѣ. Сущность этихъ толковъ заключается въ томъ, будто «владѣнная» грамота на р. Яикъ, полученная войскомъ отъ царя Михаила Феодоровича, сохранилась доселѣ и сберегается, какъ величайшая тайна, у кого-то изъ казаковъ. Вѣра въ существованіе этой «владѣнной» у нѣкоторыхъ казаковъ до того сильна, что многіе рѣшались пожертвовать имуществомъ, званіемъ и правами казака и отправлялись въ Аму-Дарьинскій край, въ надеждѣ возвратиться на берега роднаго Яика и зажить привольно старинною жизнію, когда защитница «владѣнная» изъ сокровенныхъ тайниковъ своихъ попадетъ въ руки верховной власти. Главными распространителями толковъ о «владѣнной» были казаки Гузиновъ и Стяговъ, которые и получили должное возмездіе, — оба сосланы въ Сибирь. Подъ вліяніемъ ихъ среди казаковъ распространились толки о томъ, что «владѣнная» на р. Яикъ не сгорѣла, какъ думаютъ другіе, а что она была спасена во время пожара дьякономъ Архангело-Михайловскаго собора, гдѣ будто она хранилась; что этотъ дьяконъ, умирая, передалъ ее другому, обязавъ подъ клятвою не казать никому, кромѣ самого Государя, и притомъ непосредственно; что «владѣнная» эта хранится въ особомъ чугунномъ футлярѣ, зарытомъ въ землю и т. п. Объ этихъ толкахъ мы лично слышали отъ одного урядника Уральскаго войска, который также сообщилъ намъ, что на волненіе казаковъ особенно сильное вліяніе имѣли женщины-казачки.

Въ 1721 году атаманъ Рукавишниковъ, находившійся съ зимовой станицей въ Петербургѣ, получилъ отъ войска новую челобитную, въ которой казаки, жалуясь на взяточничество и произволь сыщиковъ, просили Государя «послать для подлиннаго розыску къ нимъ на Яикъ отъ своея пресвѣтлыя державы изъ правовѣрныхъ и праводушныхъ рабовъ своихъ, кромѣ Казанскихъ офицеровъ, розыскать». Рукавишниковъ подалъ челобитную въ Сенатъ, а вслѣдъ затѣмъ состоялся указъ, въ силу котораго челобитчики должны были явиться къ Государю. Выслушавъ внимательно казаковъ, Петръ пожаловалъ ихъ саблями и благодарилъ, что они «не дали раззорить его Государеву вотчину, Яицкое войско и, не допустили до напраснаго кровопролитія».

Глава III.

Мы уже знаемъ, что Яицкое войско, въ лицѣ своихъ депутатовъ, неоднократно выражало желаніе, чтобы на Яикъ былъ присланъ для розыска кто-либо «изъ правовѣрныхъ и праводушныхъ рабовъ отъ пресвѣтлыя державы Государя». Вслѣдствіе этого, 30 Іюня 1721 г., В. Коллегія положила отправить на Яикъ полковника Ерголь-

приготовивъ ему особую инструкцію; но поѣздка Ергольскаго на Яикъ послѣдствіемъ и отправленіе полковника Ив. Вас. Болтиннаго, почему-то не состоявшееся, послѣдствіемъ 1го сентября 1722 г. рѣшилось отправить на Яикъ, для производства слѣдствій по доносу Карташева, полковника Казанскаго гарнизона Ивана Захарова, придавъ къ нему изъ «заполошныхъ» (сверхъкомплектныхъ) маіора Якова Протасова и капитана Астраханскаго гарнизона Никиту Коробова ²⁵⁾. Всѣ бумаги, касавшіяся Яицкаго войска по доносу Карташева, были препровождены изъ В. Коллегіи въ Казань къ Захарову съ канцеляристомъ Ильею Тарабынинымъ, которому приказано отправиться съ Захаровымъ на Яикъ и состоять при немъ до окончанія дѣла; Тарабынину были подчинены и Казанскіе подъячіе. Полковникъ Захаровъ обязывался: 1) предъ отъѣздомъ изъ Казани, въ присутствіи губернатора принять присягу; 2) взять съ собою двѣ роты драгунъ или одну роту драгунъ, а другую пѣхоты; 3) если оговоренные казаками офицеры и фискаль Путиловъ сознаются во взяткахъ и другихъ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ, то не отправляя ихъ на Яикъ, держать подъ арестомъ въ Казани; имущество ихъ конфисковать, а о производствѣ надъ ними слѣдствій представить въ В. Коллегію экстрактъ; 4) въ случаѣ же ихъ упорства или заперательства, «пытать накрѣпко», особенно фискала Путилова, если будутъ ясны улики; 5) которые и послѣ пытокъ не сознаются, взять ихъ на Яикъ, а имущество ихъ описать; 6) по прибытіи на Яикъ, не приступая еще къ слѣдствію, атамана, старшинъ и казаковъ привести къ присягѣ; 7) къ производству слѣдствій по доносамъ Карташева и другихъ приступить немедленно и, если дѣло дойдетъ до пытокъ, «пытать накрѣпко»; 8) подозрительныхъ изъ казаковъ и иногородныхъ арестовать и немедленно донести о томъ въ Военную Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ; 9) произвести перепись казаковъ; 10) составить именныя списки ихъ и прислать въ В. Коллегію «за своею рукою»; 11) запретить казакѣмъ принимать бѣглыхъ, подъ опасеніемъ смертной казни; 12) по окончаніи розыска, донести обо всемъ въ В. Коллегію и оставаться на Яикѣ до полученія особаго указа; 13) уведомить В. Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ о времени начала слѣдствія въ Казани, о времени выѣзда изъ Казани, о прибытіи на Яикъ и другихъ дѣлахъ, касающихся слѣдствія и его производства; 14) выданные изъ В. Коллегіи деньги 300 рублей «держать съ запискою и росписками имянно»; бумагу, чернила, свѣчи и дрова брать въ Казани отъ губернатора, а на Яикѣ изъ Войсковой Избы; 15) на отправленіе курьеровъ по тракту отъ Казани до Яицкаго городка требовать на станціяхъ опредѣленное число лошадей; 16) квартиры на Яикѣ для себя, приказныхъ людей и драгунскихъ ротъ занимать по своему усмотрѣнію; 17) драгунъ и солдатъ содержать на счетъ казаковъ, объявивъ послѣднимъ, что всѣ расходы, необходимыя для

²⁵⁾ Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 45 и 1870, № 44. Это тотъ самый Коробовъ, который сопровождалъ Карташева и другихъ колодниковъ изъ Астрахани въ Преображенскій Приказъ.

этого, взысканы будутъ съ виновныхъ. Вотъ въ существѣнныхъ чертахъ содержаніе инструкціи, которая заканчивается слѣдующимъ образомъ: «Въ силу повелѣній государя императора и по сей инструкціи, вышеписанныхъ В. Коллегіи приговорахъ и въ вышепоказанныхъ пунктахъ изъяснено, и притомъ поступать по сущей правдѣ, не наговя, ниже посягая на кого, со всякою надлежащею ревностію, какъ честнымъ и заслуженнымъ, добрымъ офицерамъ надлежитъ, подъ опасеніемъ воинскаго суда»²⁶⁾.

5-го Октября 1722 года майоръ Протасовъ, капитанъ Коробовъ и 28 казаковъ станичниковъ приглашены были въ В. Коллегію и здѣсь приведены къ присягѣ. Изъ всего числа присягавшихъ казаковъ грамотныхъ оказалось только пятеро, которые и росписались за всѣхъ, въ томъ числѣ за двоихъ атамановъ и троихъ есауловъ, такъ-какъ и эти почтенныя лица оказались безграмотными²⁷⁾. Надобно полагать, что при этой присягѣ находился и мулла, потому что въ числѣ присягавшихъ казаковъ былъ Татаринъ Тлюнбетъ, за котораго приложена Киргизская тамга, а затѣмъ слѣдуетъ подпись: «къ сей роспискѣ вмѣсто Тлюнбета Татарина по его велѣнію Федоръ Березинъ знамя подписалъ».

По принятіи присяги, Протасовъ и Коробовъ, въ силу резолюціи В. Коллегіи, немедленно должны были отправиться въ Казань, къ полковнику Захарову и вручить ему инструкцію, какъ поступать съ виновными во время слѣдствія, а также обстоятельный экстрактъ изъ дѣла по доносу Карташева и сто рублей денегъ на отправленіе курьеровъ и другіе расходы. Всѣ лица, замѣшанные Карташевымъ въ дѣло, станичные атаманы и казаки, также должны были отправиться въ Казань «безъ всякаго мотчанія». Съ этою дѣлію Кригсъ-Коммиссаріату велѣно купить или нанять особое судно и отправить колодниковъ въ Казань, въ сопровожденіи капральства солдатъ Московскаго гарнизона, выдавъ имъ, кромѣ заслуженнаго жалованья, провіанту и денегъ впередъ на два мѣсяца. По прибытіи въ Казань, проводники-солдаты должны были поступить въ составъ Казанскаго гарнизона, а на ихъ мѣсто велѣно опредѣлить изъ новыхъ рекрутъ.

Между тѣмъ, Кригсъ-Коммиссаріатъ сообщилъ Военной Коллегіи, что судна или струга, требуемаго для отправленія колодниковъ, въ Коммиссаріатѣ нѣтъ, а если и есть суда, то они куплены, по распоряженію Военной Коллегіи, для перевоза «мундира и аммуниціи въ Низовый корпусъ, и ни на какую дачу ни Протасову, ни Коробову и на покупку судна денегъ въ Коммиссаріатъ ни откуда не прислано». При этомъ Кригсъ-Коммиссаріатъ ссылается на царскій указъ и опирается

²⁶⁾ Инструкція подписана княземъ Александромъ Меншиковымъ, Лефортомъ и еще троими, фамиліи которыхъ трудно разобрать.

²⁷⁾ Безграмотность не служила казаку препятствіемъ къ тому, чтобы выдвинуться заслугами и занять почетное мѣсто въ войскѣ; такъ, Герасимъ Погадаевъ и Григорій Меркурьевъ, будучи безграмотными, были одинъ за другимъ войсковыми атаманами.

о Крѣпостномъ Указѣ постановила: «понеже по доношенію Яицкаго полковника ²⁸⁾ Протасова, въ которомъ означено, что въ имѣніи казачьихъ дворовъ въ горахъ не имѣли ни помѣстій, ни вотчинъ, тогда какъ у Протасова по справкѣ оказалось 16 крестьянскихъ дворовъ. Руководясь этими соображеніями, Крѣпостной Комиссаріатъ, въ отвѣтъ на промеморію В. Коллегіи объ отпускѣ Протасову и прочимъ лицамъ денегъ, 20 Сентября, сообщилъ В. Коллегіи, что Протасову слѣдуетъ выдать деньги изъ Штатскаго Контр-офицера на счетъ той губерніи, при полкахъ которой онъ служилъ ²⁸⁾. Между тѣмъ, въ В. Коллегіи денегъ на лицо оказалось только 10 рубл., 11 алтынъ и 4 деньги; почему В. Коллегія сочла нужнымъ спросить Крѣпостной Комиссаріатъ, сколько тамъ въ наличности денегъ, присланныхъ «на дачу Донскимъ казачкамъ»; по справкѣ оказалось, что къ 22-му Сентября этихъ денегъ было 6,393 руб. 20 коп. Затѣмъ, 24-го Сентября, В. Коллегія опредѣлила выдать полковнику Захарову на посылку курьеровъ и другія нужды, вмѣсто ста, 300 рублей, полагая, что безъ этой суммы ему, во время розыска, обойтись невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, В. Коллегія предписала Крѣпостному Комиссару выдать эти деньги изъ вычетныхъ ²⁹⁾ денегъ, ассигнованныхъ на содержаніе В. Коллегіи; но Крѣпостной Комиссаріатъ 9-го Октября донесъ, что «выдать не изъ чего», представивъ при этомъ въ В. Коллегію и приходо-расходную запись вычетной суммы за 1721 и 1722 годы, изъ которой видно, что въ 1721 г. вычетной суммы поступило въ Комиссаріатъ 7383 руб. 43 коп. и столько же въ слѣдующемъ году, такъ что цифра всей вычетной суммы за означенные два года равнялась 15,766 р. 86 коп. Въ статьѣ расходовъ значится: въ 1721 году на жалованье чиновникамъ В. Коллегіи отпущено 10,151 р. 80 коп. съ деньгою, на штатъ канцеляріи президента В. Коллегіи, князя Меншикова, 1,415 рубл.; на расходы по той же канцеляріи 2,000 р., на ремонтъ зданія В. Коллегіи 3,000 р., на другіе нѣкоторые расходы 605 рубл. 88 коп.,—итого въ 1721 году израсходовано 17,172 рубл. 68 коп. съ деньгою, а въ 1722 г. по тѣмъ же статьямъ—17,941 рубл. 4³/₄ коп. Такимъ образомъ, изъ приходо-расходной записки Крѣпостной Комиссаріата видно, что общій расходъ за 1721 и 1722 г. равнялся 35,113 р. 73¹/₄ коп.; слѣдовательно дефицитъ превышалъ всю вычетную сумму за тѣ же годы на 19,346 р. 87¹/₄ коп., не включая въ это число жалованья, которое нужно было выдать чиновникамъ В. Коллегіи, занимавшимся въ 1722 г. въ Петербургѣ.

Не смотря на все это, В. Коллегія, въ отвѣтъ на отношеніе Крѣпостной Комиссаріата, предписала: «приказать Комиссаріату выдать майору Протасову 300 р. изъ наличныхъ суммъ, которыя пополнить послѣ изъ вычетныхъ за отпуски, когда таковыя поступятъ

²⁸⁾ Протасовъ числился въ Кіевскомъ гарнизонѣ.

²⁹⁾ Вычетными деньгами называлась сумма, которая составлялась изъ вычетовъ за отъездъ въ дома штабъ и оберъ-офицеровъ, или же за временные отпуски по домашнимъ обстоятельствамъ.

и имъ велѣтъ у нихъ служить по прежней до указу въ тѣхъ мѣстахъ, кто гдѣ живетъ В. Коллегія, получивъ отъ казначейства, изъ казенной переписки съ казначейства комиссаріатовъ и Штатсъ-Конторокъ относительно означенныхъ 300 р., которые были выданы Протасову для передачи полковнику Захарову только 17 Октября, слѣдовательно чрезъ 12 дней послѣ присяги, данной Протасовымъ въ В. Коллегіи. Замѣчательно, что со всѣми указами, промеморіями и доношеніями по этому дѣлу маіоръ Протасовъ прогуливался изъ мѣста въ мѣсто самолично.

Подобною же проволочкою сопровождалось и снаряженіе капральства для сопровожденія колодниковъ изъ Москвы въ Казань. Московская губернія ³⁰⁾ донесла В. Коллегіи, что для сопровожденія колодниковъ наряжено 12 драгунъ и столько же солдатъ; но Протасовъ, осмотрѣвъ этотъ конвой, обратился въ В. Коллегію съ заявленіемъ, что конвойные не вооружены, не обмундированы и безъ необходимыхъ аммуничныхъ вещей. Вслѣдствіе этого заявленія, началась новая переписка съ Московскимъ губернаторомъ и артиллерійскимъ начальствомъ о снабженіи сторожеваго конвоя оружіемъ, порохомъ, свинцомъ и аммуниціей. Между тѣмъ, станичный атаманъ, Федоръ Рукавишниковъ, предвидя, какія затрудненія предстоятъ для комиссіи Захарова въ продовольствіи, заявилъ В. Коллегіи, что у нихъ «на Яикъ заготовленнаго провіанта не бываетъ, понеже Яицкіе казаки хлѣба не сѣютъ, а отъ прилежащихъ городовъ живутъ въ дальнемъ разстояніи и ходятъ за хлѣбными припасами по мѣсяцу и по два съ великимъ трудомъ, и къ тому-же волею Божіей жилища ихъ, и хлѣбные припасы, и всякая рухлядь погорѣли безъ остатку, и казаки находятся въ такой великой крайности и голодѣ, что женъ и дѣтей своихъ принуждены высылать для прокормленія на прилежащія городы» ³¹⁾. В. Коллегія, предупрежденная Рукавишниковымъ, распорядилась, чтобы казакамъ, при отправленіи ихъ изъ Москвы, выдано было провіанту на два мѣсяца, а конвойнымъ ротамъ и Захарову съ его свитою, при выѣздѣ ихъ изъ Казани, — на четыре мѣсяца, и впредь чтобы провіантъ былъ высылаемъ на Яикъ также изъ Казани или же изъ Самары. Не обошлось безъ хлопотъ и переписки и при снаряженіи струга подъ колодниковъ. Протасовъ и Коробовъ 15 Октября донесли В. Коллегіи, что стругъ хотя и данъ, но ни гребцовъ, ни кормщика, ни денегъ на случай починки судна не дано. При этомъ Протасовъ указалъ и на то, что скованными велѣно вести только извѣтчиковъ, или доносчиковъ; что же касается станичнаго атамана и казаковъ, то о нихъ ничего не сказано, и если послѣдуетъ распоряженіе о томъ, чтобы и ихъ вести подъ карауломъ, то конвойныхъ оказывается недостаточно. В. Коллегія на другой день разрѣшила производить расходы на починку струга и на наемъ гребцовъ изъ 300 р., выданныхъ Протасову для передачи Захарову; относительно же содержанія казаковъ, во время пути отъ Москвы

³⁰⁾ Московская губернія употреблена здѣсь въ смыслѣ присутственнаго мѣста, какъ штабъ и нынѣшнее военное управленіе.

³¹⁾ Уральск. Вѣд. 1870 г., № 47 и 48.

до Императора. Императорская повелительная грамота постановила: «понеже по доношенію Яицкаго полковника Карташева, въ которомъ доложено, что въ то время, когда майоръ Протасовъ и капитанъ Коробовъ на судно со всѣмъ уберутся, тогда у всѣхъ казаковъ ружье отобрать и посадить за карауломъ, сковавъ, пока они въ томъ дѣлѣ очистятся и о томъ имъ, майору и капитану, дать особливый указъ»³²⁾. Казаки отправились изъ Москвы 30 Октября, въ числѣ 34 человекъ, одни скованными, а другіе просто за карауломъ; но есть основаніе предположить, что и сіи послѣдніе были или скованы или же въ колодкахъ, потому что всѣ они, какъ въ донесеніяхъ Протасова и Коробова съ пути слѣдованія, такъ и въ рапортѣ Захарова о прибытіи ихъ въ Казань, называются «колодниками».

Протасовъ и Коробовъ изъ Москвы доплыли на стругѣ до Коломны, а оттуда на подводкахъ черезъ Нижній-Новгородъ, въ началѣ Декабря 1722 г. прибыли въ Казань и тотчасъ-же сдали арестантовъ Захарову, поступивъ и сами въ его распоряженіе.

Между тѣмъ, еще 9 Октября, В. Коллегія отправила на Яикъ повелительный указъ, въ которомъ подробно изложенъ весь ходъ дѣла по доносамъ Карташева и другихъ казаковъ. Указъ заключается слѣдующимъ внушеніемъ: «И какъ вамъ ся наша Императорскаго Величества грамота придетъ, а полковникъ и лейбъ-гвардіи нашего Семеновскаго полку капитанъ Захаровъ съ товарищи на Яикъ придутъ, и вамъ бы, атаману³³⁾ и казакамъ, быть имъ во всемъ послушнымъ безъ всякаго прекословія».

Зная хорошо объ отношеніяхъ Яицкаго войска къ майору Воейкову, оберъ-секретарь Волковъ предложилъ В. Коллегіи на обсужденіе вопросы: 1) Съ какаго года начинать разборъ дѣлъ о высылкѣ съ Яика пришлыхъ изъ крестьянъ, солдатъ и другихъ чиновъ, записавшихся въ казаки? 2) Что дѣлать съ Яицкими казаками, если они полковника Захарова для розыска на Яикъ не пустятъ?

В. Коллегія сдѣлала по этому поводу запросъ Сенату, который, въ самый день отъѣзда колодниковъ изъ Москвы, отвѣчалъ, что если казаки полковника Захарова на Яикъ не пустятъ, то немедленно донести о томъ Государю, въ Сенатъ и В. Коллегію; въ противномъ же случаѣ, произвести розыскъ надъ ними, донести о результатахъ въ В. Коллегію и, покуда не послѣдуетъ указа на это доношеніе, сдѣлать перепись всѣмъ казакамъ мужескаго пола, «и если у казаковъ какіе бѣглые солдаты и прочихъ чиновъ, и крестьяне чьи явят-

³²⁾ Этотъ приговоръ В. Коллегіи подписанъ оберъ-секретаремъ Волковымъ, но подпись зачеркнута, а на оборотѣ его рукою помѣчено: «тайную по сему дѣлу инструкцію и съ приговоромъ взялъ секретарь Семенъ Поповъ, Декабря 12 дня 1723 г., и потомъ объявилъ, что тоѣ инструкцію и съ приговоромъ отдалъ онъ оберъ-секретарю Волкову того числа, который оную хотѣлъ положить въ свой кабинетъ». Почему этотъ приговоръ взятъ былъ изъ дѣла, неизвѣстно.

³³⁾ Изъ дѣла видно, что атаманомъ въ это время былъ Герасимъ Погадаевъ, котораго въ Декабрѣ того же года смѣнилъ Григорій Меркурьевъ.

ся, и имъ велѣть у нихъ служить по древнему до указу въ тѣхъ мѣстахъ, кто гдѣ жилъ». В. Коллегія, получивъ такой отвѣтъ, на другой же день отправила указъ по опредѣленію на Яикъ, приводя въ основаніе вышеизложенное мнѣніе вѣдъ, грамотѣ, отправленной на Яикъ съ нарочнымъ офицеромъ Московскаго гарнизона, В. Коллегія старалась уяснить и дѣлать Яицкому войску, что перепись казаковъ, которую предложено дѣлать Захарову, направлена къ общей пользѣ войска, такъ-какъ жалованье до сихъ поръ отпускается по прежнему только на 600 человекъ; если же окажется, что въ дѣйствительности казаковъ больше, то и жалованье будетъ увеличено, соразмѣрно наличному числу Яицкаго войска. Далѣе В. Коллегія старается поставить на видъ и то, что розыскъ по доносу Карташева велѣно произвести вслѣдствіе челобитья всего Яицкаго войска, «и понеже Его Императорскому Величеству вѣдомо учинилось, что отъ разныхъ посылокъ на Яикъ изъ Казанской и Астраханской губерній Яицкому войску многая обида и разореніе причинялись, того ради Его Императорское Величество, всемилостивѣйше милосердуя ко всему Яицкому войску, указомъ отправить на Яикъ полковника Захарова повелѣлъ... «и ежели онъ, Карташевъ, явится виненъ, велѣно его на Яикѣ казнить смертію, чтобы атаманъ и все Яицкое войско, взирая на такое къ нимъ Его Императорскаго Величества милосердіе, въ томъ розыскѣ и переписи показали свою вѣрность, и ежели какихъ знаютъ возмутителей и воровъ, чтобы такихъ, взявъ, держали скованными за крѣпкимъ карауломъ до пріѣзда къ нимъ полковника Захарова, и о томъ-бы къ нему въ Казань и на сію грамоту отвѣтствовали чрезъ сего посланнаго къ нимъ офицера немедленно».

Григорій Меркурьевъ, бывшій въ это время войсковымъ атаманомъ, донося В. Коллегіи о полученіи грамоты, между прочимъ, говоритъ: «Во всемъ вѣрное извѣстіе показать желаемъ, какъ прибудетъ къ намъ полковникъ Захаровъ, а при Яицкомъ войскѣ возмутителей и воровъ не явилось; а доноситель Карташевъ на кого и на сколько человекъ покажетъ и какое дѣло, о томъ мы Яицкимъ войскомъ неизвѣстны»³⁴⁾.

Между тѣмъ, Захаровъ, принявъ колодниковъ, получилъ отъ Протасова и инструкцію относительно производства слѣдствія. В. Коллегія обратила строгое вниманіе въ этой инструкціи на дѣйствія фискала Путилова и посылавшихся въ разное время на Яикъ сыщиковъ изъ Казанскихъ и Астраханскихъ офицеровъ, дворянъ и приказныхъ людей и, въ случаѣ надобности, дозволялось «пытать накрѣпко». Получивъ эту инструкцію, Захаровъ дѣйствительно повелъ дѣло очень строго. Въ числѣ лицъ, подлежащихъ розыску за взятки, былъ дьякъ Ѳедоръ Сухаревъ, опредѣленный потомъ Сенатскимъ указомъ къ корабельнымъ лѣсамъ и строенію судовъ въ Казани. Захаровъ арестовалъ Сухарева и, конфисковавъ его имущество, отпускалъ къ должности не иначе, какъ въ сопровожденіи 4-хъ караульныхъ сол-

³⁴⁾ Уралск. В. Вѣд. 1870 г., № 48-й.

до Казани, и не постановила: «понеже по доношенію Яицкаго полка, когда маю и Казанскія власти; но Захаровъ былъ непреклоненъ: Сухаревъ попрежнему прогуливался изъ города въ Адмиралтейскую слободу въ сопровожденіи сторожевыхъ солдатъ. Казанскій вице-губернаторъ, завѣдывавшій корабельною канцеляріей, опасаясь, что Захаровъ увезетъ Сухарева на Яикъ, донесъ въ В. Коллегію, что Сухаревъ «какъ прежнимъ дѣламъ корабельныхъ лѣсовъ, такъ и къ нынѣшнимъ судовымъ строеніямъ на все въ расходъ деньги держалъ, которыхъ чрезъ немалыя тысячи произошло, и если онъ, Сухаревъ, полковникомъ Захаровымъ взятъ будетъ на Яикъ, то тѣ суда и другія дѣла всеконечно остановятся, и интересъ императорскій многій пропадетъ»³⁵⁾. Вслѣдствіе этого, В. Коллегія предписала Захарову отдать Сухарева на поруки, «буде важнѣе прежняго дѣла, которое показано на него отъ Яицкихъ казаковъ во взяткахъ, до него не касается»; но Захаровъ настойчиво требовалъ Сухарева съ собою на Яикъ для очныхъ ставовъ и не освобождалъ его изъ подъ ареста. Наконецъ, Сухаревъ подалъ прошеніе на высочайшее имя, объяснивъ, что онъ уже былъ на допросахъ у Захарова и объявилъ ему, что «такихъ великихъ взятокъ никогда съ Яицкихъ казаковъ не имывалъ; только-де когда казаки пріѣзжали въ Казань, въ каждомъ годѣ, по древнему своему обычаю приваживали съ Яику въ Казань въ гостиныцы рыбу и прочее харчевое приказнымъ людямъ, и къ нему, Сухареву, рыбы по малому числу изъ воли своей, а не изъ какой неволи и не по запросу его, приносили, а, напротивъ, противъ покупной цѣны года въ два и больше рублевъ на десять, за что онъ, Сухаревъ, казаковъ, въ бытность ихъ въ Казани, поилъ и кормилъ».

Въ Мартѣ того же 1723 года, Захаровъ отправился на Яикъ съ одной ротой драгунъ (127 человекъ) и другой—пѣхоты (182 человека). Кромѣ того, Захарову дано 6-ть деньщиковъ и Протасову—трое. Порціоны и раціоны³⁶⁾ выдавались полковому штабу отъ кавалеріи и инфантеріи. Изъ дѣла видно, что 30 Сентября на Яикѣ началась уже перепись. Сохранившіяся бумаги показываютъ, что и по смерти Петра Великаго Захаровъ оставался еще на Яикѣ. Въ инструкціи ему было сказано: «ежели Карташевъ явится въ чемъ виновенъ, казнить его на Яикѣ смертію». По всей вѣроятности, извѣтчикъ Карташевъ, въ награду за все, и былъ казненъ; потому что Захаровъ по его доносу ничего не могъ найти новаго, а Меркурьевъ, главный предметъ извѣта Карташева, въ 1723 году утвержденъ высочайшею грамотою въ званіи войсковаго атамана. Безъ

³⁵⁾ Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 44.

³⁶⁾ Въ своей землѣ выдавались только раціоны, а въ чужой—порціоны и раціоны. Порціонъ состоялъ изъ 2 ф. хлѣба, 1 ф. мяса, 2 чарокъ вина, 1 гарнца пива, 1½ гарнца крупъ и 2 ф. соли на мѣсяць. Раціонъ (содержаніе на лошадей) состоялъ изъ 2 гарнцевъ овса, 16 ф. сѣна, 2 гарнцевъ сѣчки и одного снопа соломы.

ся, и имъ вѣдѣть у нихъ служить по границѣ до тѣхъ
 мѣстъ, кто гдѣ жилъ». В. Коллегія, получивъ такою отвѣтъ,
 пожительно же деньго касается прочихъ казачковъ, то, по опредѣле-
 нію В. Коллегіи отъ 23 Марта 1725 г., главныхъ зачинщиковъ велѣно
 сослать въ отдаленные города Сибири съ опредѣленіемъ въ казаки.

Такъ кончился розыскъ по «извѣту» казака Карташева, стоив-
 шій большихъ матеріальныхъ затратъ для Яицкаго войска и много-
 численныхъ арестовъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ пришлось
 поплатиться не только всѣмъ своимъ имуществомъ и казацкою
 вольностью, но и жизнью.

Захаровъ, кончивши порученный ему розыскъ, приступилъ къ про-
 долженію переписи Яицкаго войска.

Согласно данной ему инструкціи, въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ
 города, онъ приказалъ наклеить особые листы, сущность которыхъ
 заключалась въ томъ, чтобы «Яицкіе казаки у переписи въ сказ-
 кахъ своихъ писали противъ указу сущую правду безъ утайки».

Атаманъ Меркурьевъ представилъ Захарову именныя списки ка-
 заковъ. Но Захаровъ еще не успѣлъ приступитъ къ дѣлу, какъ уже
 болѣе 200 казаковъ бѣжало, да во время самой переписи 88 человекъ
 умерло. Всего по переписной книгѣ Захарова оказалось въ Яицкомъ
 войскѣ: 5771 казаковъ и 353 пришлыхъ, которые живутъ своими до-
 мами, всего же 6124 человекъ мужеска пола.

Перепись Захарова и его слѣдствіе надъ казаками возбудили въ
 нихъ сильное озлобленіе противъ него, такъ что было даже поку-
 шеніе на его жизнь; но, благодаря предусмотрительности атамана
 Меркурьева, Захаровъ былъ спасенъ, а Меркурьевъ, вопреки жела-
 нію войска, назначенъ пожизненно войсковымъ атаманомъ и награж-
 денъ портретомъ Государыни (т. е. Екатерины I-й), золотымъ ков-
 шомъ, саблею и ста рублями денегъ³⁷⁾. Казаки, разумѣется, были
 недовольны назначеніемъ Меркурьева въ атаманы и злоумышляли
 противъ него. Меркурьевъ, происходившій изъ дворцовыхъ крестьянъ
 Сѣвскаго уѣзда³⁸⁾, имѣлъ 58 лѣтъ отъ роду и принадлежалъ къ числу
 тѣхъ лицъ, которыя смотрятъ на свое мѣсто, какъ на средство для
 удовлетворенія личныхъ выгодъ. Онъ направлялъ всѣ усилія къ то-
 му, чтобы выслужиться предъ В. Коллегіей и войти въ довѣріе пра-
 вительства.

Полковникъ Захаровъ, какъ извѣстно, раздѣлилъ Яицкое войско
 на сотни и десятки, назначивъ въ годъ жалованья 1500 рублей на
 всѣхъ наличныхъ и годныхъ къ службѣ казаковъ и по осминѣ
 хлѣба на каждаго человека³⁹⁾. Надобно замѣтить, что казаки были
 недовольны этимъ подраздѣленіемъ, не смотря на то, что оно было
 сдѣлано Захаровымъ по приказанію Императора. Между тѣмъ В.
 Коллегія поставила себѣ цѣлю преобразовать внутренней строй
 Яицко-казацкой общины и сдѣлать изъ казаковъ постоянную воен-

³⁷⁾ Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 3.

³⁸⁾ Уральск. В. Вѣд. 1869 г. № 20.

³⁹⁾ Всего служилыхъ казаковъ было 3196 человекъ, включая сюда и атамана.

въ общую государственную систему управленія, уничтожить всякое отдѣльное право, нарушающее преимущества верховной власти, слить всѣ отдѣльныя общины въ одну массу вѣрноподанныхъ: вотъ задача, которую стремилась выполнить В. Коллегія и на осуществленіе которой направлены были всѣ ея усилія въ продолженіи цѣлаго столѣтія. Но казаки, страшась, какъ огня, солдатчины и всякихъ нововведеній, не согласныхъ съ ихъ нравами и обычаями, не хотѣли уступать. Съ грустною ироніей, казаки говаривали другъ другу: «живите, братцы, пока Москва не узнала!» Изъ этихъ словъ видно, насколько казаки дорожили положеніемъ вольнаго, самостоятельнаго человѣка и какъ боялись вмѣшательства Московскаго правительства въ ихъ общинныя старинныя права. Но скоро они должны были почувствовать, что Москва и-ихъ узнала. Выборъ войсковаго атамана, хотя по прежнему былъ предоставленъ казакамъ, но утвержденіе его съ 1723 г. зависѣло отъ высочайшей власти. Съ другой стороны эти, повидимому, неважныя измѣненія, введенныя Петромъ, налагали правительственную опеку на представителя общины, войсковаго атамана. В. Коллегія начинаетъ мало-по-малу осаждать казаковъ разными нововведеніями и преобразованіями, которыя казались на первый взглядъ мелкими, въ сущности же прямо клонились къ ограниченію казацкаго самоуправства. Казаки чуяли, что старый вѣчевой порядокъ ихъ общины долженъ рушиться, и поэтому всячески отстаивали свои права. Они ясно выражались: «Не можно сего принять, понеже войско Яицкое населилось на Яикѣ изъ вольныхъ людей». Или: «Не можно сему быть, понеже войску Яицкому даровано отъ царя Михаила Ѳеодоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять». Иногда же они уклончиво заявляли: «Не бывало сего при нашихъ дѣдахъ и отцахъ, не бывать и у насъ!» Или: «Терпѣть сего не можемъ, понеже дѣло новое, необычайное», и т. п. въ этомъ духѣ ⁴⁰⁾.

Но при тѣхъ распряхъ, которыя раздѣлили войско на двѣ стороны, казакамъ трудно было рассчитывать на какой-либо успѣхъ въ ихъ намѣреніи отстоять свои старинныя права и вѣчевое устройство; единство выгодъ и казацкая равноправность все болѣе и болѣе разрушались. Существовавшая въ Яицкомъ войскѣ, вмѣсто очередной службы, наемка неминуемо привела къ тому, что казаки, оставаясь равными въ гражданскихъ правахъ, не могли поддержать имущественнаго равенства. Извѣстно, что у Яицкаго войска изстари и понынѣ владѣніе землею, лугами и другими природными богатствами страны—общинное. Но, чтобы извлечь ту или другую пользу изъ земли, луговъ, рѣкъ и т. п., необходимо, кромѣ многихъ другихъ условій, имѣть средства, на которыя можно бы было записаться съ-

⁴⁰⁾ См. бумаги Уральскаго казач. войска, связка дѣлъ покойнаго Желѣзнова, по описи № 92, стр. 10.

свѣдѣніи о томъ, что въ тѣхъ
 емъ существующимъ, между казачьими родами, каждаго изъ нихъ
 стоитъ не менѣе 160 р. для каждаго казака, къ себрюжьему—на ата. ^в
 ѣе 30 рубл. ⁴¹⁾; а, между тѣмъ, ни одинъ казакъ не можетъ опредѣ-
 ить впередъ, сколько онъ наловитъ рыбы; нерѣдко случается, что
 ловъ рыбы не покрываетъ даже расходовъ по приготовленію къ
 боловству. Поэтому бѣднякъ, рискуя или не имѣя возможности
 зяться за хозяйство (въ обширномъ смыслѣ) и права располагать
 своею частію въ войсковыхъ угодьяхъ, шель въ службу за себя и,
 о окончаніи срока этой службы, за тѣхъ, кто былъ въ состояніи
 занять его, оставляя въ пользу сихъ послѣднихъ свой пай земли,
 луговъ и улова рыбы; богатые же выигрывали отъ этого вдвойнѣ:
 пользуясь спокойствіемъ и сравнительно большею безопасностію, они
 увеличивали капиталъ, съ помощію котораго потомъ и забирали
 бѣдняковъ въ свои руки. Всякому извѣстно, что богатство и богачи
 всегда имѣли и имѣютъ у себя немало поклонниковъ и обожателей;
 поэтому неудивительно, что и въ Яицкомъ войскѣ богатые казаки
 стали все болѣе и болѣе пріобрѣтать вліянія на остальныхъ каза-
 ковъ и чрезъ то на ходъ дѣлъ въ войскѣ. Находясь въ равныхъ иму-
 щественныхъ условіяхъ, богачи стали сближаться другъ съ другомъ,
 иногда вступая въ родство посредствомъ браковъ. Къ богачамъ ско-
 ро присоединились, разумѣется изъ корыстныхъ цѣлей, и люди знат-
 ные, отличавшіеся чѣмъ-либо по службѣ, какъ-то: станичные и по-
 ходные атаманы, полковники и войсковые старшины, которые почти
 всегда являлись посредниками между войсковыми атаманами и на-
 родомъ. Занимая въ мирное время различныя должности, эти лица
 получали отъ войска приличное, судя по тому времени, вознаграж-
 деніе за свой трудъ, а при «раздуваніи» ⁴²⁾ на ихъ долю
 всегда выпадалъ большій пай, чѣмъ на долю простыхъ казаковъ.
 Благодаря такому положенію дѣлъ, старшины и другіе знатные лю-
 ди также могли постепенно скопить себѣ значительныя средства къ
 независимому существованію. Богатство и знатность отъ отцевъ пе-
 реходили къ дѣтямъ, которые старались идти по дорожкѣ, проторен-
 ной ихъ дѣдами и отцами. Въ силу этихъ условій, съ теченіемъ вре-
 мени, въ Яицкомъ войскѣ образовалось нѣсколько родовъ, пользо-
 вавшихся постояннымъ и рѣшительнымъ вліяніемъ почти во всѣхъ
 войсковыхъ дѣлахъ.

Такимъ образомъ люди, отличавшіеся знатностію и богатствомъ,
 образуютъ особый классъ, какъ-бы имѣющій аристократическій ха-
 рактеръ; остальная же часть,—люди маломочные и незнатные, со-
 ставляютъ совершенно противоположную партію: это, такъ сказать,

⁴¹⁾ Если казакъ будетъ состоять въ артели человекъ изъ 10-ти, а иначе—
 ему не обойтись и 200 рублями: одна будара съ весельщикомъ и сѣтями будетъ
 стоить около 100 рублей, не говоря о другихъ расходахъ.

⁴²⁾ «Раздуваніе» — дѣлежъ добычи, полученной казаками на «про-
 мыслахъ», т. е. при грабежѣ и разбояхъ въ сосѣднихъ лугахъ или въ дру-
 гихъ мѣстахъ.

лѣнному Гузикову за сказанье Ея Императорскаго Величества наказанье, бить кнутомъ: поуже ему дѣлать своимъ землянцамъ обязанности, называвась у казаковъ атаманскою или чаще старшинскою, вторая—была известна подъ именемъ народной. Возникаетъ борьба двухъ началъ, на которой правительство и основало свой планъ преобразованія Яицкаго войска и его отождествленія съ остальными частями государства. Но при этомъ надобно замѣтить, что правительство въ своемъ стремленіи не могло встрѣтить живаго и искренняго сочувствія ни въ одной изъ партій: члены обѣихъ сторовъ, не смотря на ихъ противоположность, одинаково не хотѣли разстаться съ своимъ народоправствомъ и, ради общечеловѣческихъ и государственныхъ цѣлей, лишиться своихъ вольностей. Если «старшинская» партія не протестовала противъ правительства и, повидимому, старалась служить его цѣлямъ, то это только потому, что Яицкіе аристократы ставили выше всего на свѣтѣ удовлетвореніе личныхъ выгодъ, въ сущности же это были такіе же закрубѣлые и полудикіе, хотя и храбрые, сыны Яика, какъ и прочіе казаки. Примкнувъ къ правительству «старшинская», или, какъ ее потомъ называли, «согласная» партія приобрѣла такую силу надъ противной «несогласною» партіей, что перевѣсъ тотчасъ же склонился на ея сторону. Неравенство средствъ въ этой борьбѣ повело къ тому, что старшины и атаманы, видя свое превосходство и поддержку въ правительствѣ, вопреки чувству долга и справедливости, стали самымъ безсовѣстнымъ и жестокимъ образомъ притѣснять и обирать своихъ противниковъ, чѣмъ, какъ увидимъ, и доводили ихъ до ожесточенія и кровопролитныхъ возстаній. Страхъ общиннаго казацкаго суда исчезъ, явились безпорядки въ распредѣленіи и расходованіи войсковыхъ суммъ, взяточничество и воровство войсковыхъ денегъ завелись въ огромныхъ размѣрахъ, атаманы и старшины замѣнили теперь Московскихъ фискаловъ и Казанскихъ сыщиковъ. Само собою понятно, что народная партія, по чувству самозащиты, должна же была что-нибудь дѣлать и, разумѣется, въ крайнемъ случаѣ, она обращалась за помощью къ тому же правительству.

Въ 1730 г. Яицкій казакъ, Денисъ Гузиковъ является обличителемъ атамана Григорія Меркурьева. Гузиковъ, какъ сказавшій за собою «слово» и «дѣло», въ концѣ Декабря 1730 г., былъ препровожденъ въ Казань, гдѣ на допросахъ показалъ, что Меркурьевъ принимаетъ и опредѣляетъ въ казаки изъ взятковъ бѣглыхъ людей и крестьянъ и посылаетъ ихъ въ крѣпость Святаго Креста ⁴³⁾.

⁴³⁾ Крѣпость Святаго Креста заложена собственноручно Петромъ Великимъ 20 Сентября 1722 года, во время Персидскаго похода, на мѣстѣ, гдѣ рѣка Аграганъ отдѣляется отъ рѣки Сулака, въ 20 верстахъ отъ его устья. Свое названіе эта крѣпость получила, вѣроятно, оттого, что Греки называли эту землю «Ставрополь» (ὁ σταυρος-крестъ, πόλις-городъ); окрестные Татары называли эту крѣпость по своему Хучь (или Качь), что значитъ крестъ. (См. Голикова, т. IX). Служба на Кавказѣ, въ томъ числѣ и служба въ крѣпости Св. Креста, называлась службою казаковъ въ Низовомъ корпусѣ.

ва и съ этою цѣлю, 10 Октября, собравшись въ кругъ, пригласило старшию Алексѣя Калмыкова, на котораго послѣднее донесеніе въ своемъ донесеніи Калмыковъ указывалъ, что когда походный атаманъ Иванъ Турыбринъ отправлялся съ пятисотеннымъ отрядомъ въ Низовый корпусъ, то Меркурьевъ дѣйствительно включилъ въ этотъ отрядъ нѣсколько бѣглыхъ «изъ пришлыхъ на Яикъ людей», но сколько именно, Калмыковъ не показалъ, а замѣтилъ только, что нѣкоторые «изъ оныхъ бѣглыхъ и нынѣ съ онымъ Турыбринымъ къ намъ въ войско Яицкое прибыли». Далѣе Калмыковъ показалъ, что, въ послѣднихъ числахъ Юня 1730 г., онъ получилъ письмо отъ походнаго атамана Михайла Купреянова, смѣниваго его въ Низовомъ корпусѣ, и что при письмѣ приложенъ реестръ пришлыхъ на Яикъ, бѣглыхъ людей, которыхъ Меркурьевъ «отправилъ съ нимъ Купреяновымъ изъ взятковъ». Калмыковъ представилъ войску и копію съ помянутаго реестра бѣглыхъ, изъ котораго видно, что въ отрядѣ Купреянова бѣглыхъ, зачисленныхъ въ казаки, было 68 человекъ; съ нихъ Меркурьевъ взялъ 310 рубл., полагая отъ 4—7 рублей на cadaго. На основаніи показаній Калмыкова и Меркурьева, войско составило отвѣтъ и препроводило его въ В. Коллегію съ особою депутаціей, которая на этотъ разъ состояла изъ 10 человекъ: станичнаго атамана Василья Андреева, старшины Петра Гаврилова, есаула Силантъя Матвѣева и изъ семи рядовыхъ казаковъ. Вручивъ депутатамъ копію съ доношенія Меркурьева и «именного списка» Купреянова, войско, между прочимъ, говоритъ въ своемъ отвѣтѣ: «Какъ оной войсковою атаманъ Меркурьевъ пришлыхъ бѣглыхъ людей ставилъ въ казаки и посылалъ въ службу въ Низовый корпусъ изъ взятковъ, мы старшины и все Яицкое войско о томъ неизвѣстны. Нынѣ онъ по прибытіи своемъ изъ Москвы, съ посланнымъ атаманомъ Иваномъ Щолкинымъ, который отправленъ нынѣшняго 1731 году въ Маѣ мѣсяцѣ въ Низовый корпусъ на смѣну атаману Купреянову, безъ нашего старшинскаго совѣту и всего войска, отправилъ же изъ пришлыхъ бѣглыхъ людей, изъ которыхъ и пойманы сидятъ подъ карауломъ въ Сызранѣ и Саратовѣ; да какъ отъ насъ, Яицкаго войска, отправлены бывають въ Москву зимовыя и легкія станицы и которые казаки въ оныхъ станицахъ посылаются, съ оныхъ беретъ взятки, не смотря на то, хотя кто изъ оныхъ и заслужить». Далѣе войско говоритъ о командировкахъ и о службѣ Яицкихъ казаковъ въ Низовомъ корпусѣ, начиная съ 1724 года. Командировки на Кавказъ, какъ видно, были нерѣдки, и служба въ Низовомъ корпусѣ—не легка: изъ 1000 чел., отправившихся въ 1724 г., съ атаманомъ Сидоромъ Дурмановымъ, на Яикъ вернулось только 748 чел., а 252 «побиты и померли»; да изъ пришедшихъ около ста чел. «осрамѣли и померли-жь»; изъ 500 казаковъ, командированныхъ въ 1729 г., при атаманѣ Ив. Турыбринѣ, возвратилось только 310 чел., а 191 или убиты или померли.

лѣно онъ Лукикову за сказанье Ея Императорскаго Величества
~~мнѣ мерзавца въ Ицкѣ казанье, бить пощечку ему,~~
~~и казнить, ахъ, какъ писанъ въ архивѣ Ур. войскъ.~~
 Изъ архивнаго бумага Ур. войска видно, что Меркурьевъ
 весьма часто посѣщалъ Петербургъ во главѣ зимовой станицы, а
 сынъ его Илья, впоследствии бывший войсковымъ атаманомъ,
 постоянно сопровождалъ своего отца въ качествѣ станичнаго атамана.
 По существовавшему тогда положенію, станичникамъ, прѣзжавшимъ
 въ столицу, выдавались изъ казны деньги, сабли, ковши и другія
 награды.

Меркурьевъ 25 Ноября явился въ Военную Коллегію и подалъ про-
 шеніе на Высочайшее имя, въ которомъ писалъ:

Изъ давнихъ лѣтъ отецъ мой служилъ предкамъ Вашего Императорскаго
 Величества, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великому Царю Алексѣю
 Михайловичу, на Яикѣ казачью службу, и былъ въ Польшѣ и подъ Ригою
 и въ другихъ многихъ походѣхъ—вѣрно и безпорочно; а потомъ и я, Вашего
 Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ, началъ служить казацкую
 службу тому нынѣ болѣе пятидесяти лѣтъ, и во всѣхъ случающихся войско-
 выхъ походѣхъ какъ рядовымъ казакомъ и есауломъ, такъ и атаманомъ за Кал-
 мыками и Кубанцами, служилъ вѣрно-жъ и безпорочно; а потомъ, во время
 Азовской службы, нѣсколько бралъ языковъ, которые объявлены были Все-
 милостивѣйшему Государю Императору Петру Первому, и послѣ того былъ во
 многихъ походѣхъ противъ Киргизовъ и Каракалпаковъ, гдѣ потому же имѣлъ
 со всякою ревностію побѣду и взятіе въ плѣнъ непріятелей, о чемъ извѣстно
 было въ Казанскомъ дворцѣ. И во время тѣхъ моихъ службъ принялъ нема-
 лья раны и понесъ великія службы; къ тому же, во время отвращенія изъ
 Россійской протекціи Башкирцовъ, былъ въ пересылкѣ, которые и обратились
 по прежнему, за что я пожалованъ былъ сукномъ и объярью и пятьдесятъ
 рублевъ деньгами; а въ 726 году, въ бытность у насъ на Яикѣ полковника
 Захарова, имѣя неусыпное мое раченіе вѣрной и должной Вашему Император-
 скому Величеству службы, и видя, что нѣкоторые явились бунтовщики⁵⁰⁾ на
 него Захарова, объявилъ о томъ подлинно, которое и сыскалось достоверно,
 за что Ея Величество, Всемилостивѣйшая Государыня Императрица Екатерина
 Алексѣевна и пожаловала меня, раба своего, дабы быть мнѣ въ войскѣ
 Яицкомъ по мою смерть войсковымъ атаманомъ и на знакъ
 всякой своей Императорской милости, портретомъ, золотымъ ков-
 шомъ и саблею и денегъ сто рублевъ. А съ начала войска Яицка-
 го, какъ всѣмъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнымъ извѣстно
 есть, что отъ войска нашего посылались казаки на службу, какъ во время
 Шведской войны, такъ и нынѣ въ Низовой корпусъ, по общему нашему дре-
 нему казацкому обыкновенію, выбирая въ войсковомъ кругу. И въ прош-
 ломъ 730 году, по Вашему Императорскаго Величества указу, отправляли мы

⁴⁸⁾ 18 Октября 1731 г.

⁴⁹⁾ См. Ур. Войск. Вѣд. за 1869 г. начиная съ № 20.

⁵⁰⁾ Какаго рода былъ бунтъ на Яикѣ при Захаровѣ,—трудно сказать, такъ какъ положи-
 тельныхъ свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ, а встрѣчаются только неясныя, отрывочныя ука-
 занія на это. На основаніи самаго хода событій, можно предположить, что собственно
 бунта не было, а былъ со стороны нѣкоторыхъ казаковъ протестъ противъ переписи и фор-
 мулярныхъ списковъ.

ва и съ этою цѣлю, 10 Октября, собравшись въ кругъ, пригласило старшину Калмыкова на котораго и послало одного изъ старшинъ, и по тому совѣту, чего за малолюдствомъ нашимъ въ указное число не достало, Яицкіе казаки приводили ко мнѣ въ Станичную Избу людей такихъ, которые мнѣ показали себя Донскими казаками и Поляками, Башкирцами, и Уфимцами⁵¹⁾, и Мордвами новокрещены, и сказывали про себя, что иные были на Яикѣ до переписи полковника Захарова, и притомъ были въ той Станичной Избѣ и старшины. И, по желанію ихъ, въ тотъ корпусъ они и отправлены были, понеже и по указу Вашего Императорскаго Величества велѣно пришедшимъ до онаго Захарова быть по указу на Яикѣ. Къ тому же отъ начала Яицкаго войска таковыя въ службы посылались, и при отправленіи томъ оныя всѣ, при походномъ атаманѣ и старшинахъ, по одному человѣку были перекликаемы, и спрашиванъ походный атаманъ, что оныя всѣ въ службу годны-ли? На что оный атаманъ, такожъ и вся старшина, въ томъ не спорили, и при томъ смотрѣ бѣглыхъ и пришлыхъ они никому не показали. И при отправленіи томъ, по древнему нашему обыкновению, для провожанья довольствовалъ я ихъ питьемъ, за что они, по тѣмъ же нашимъ обыкновеніямъ, дарили меня малымъ числомъ изъ денегъ и приносили рыбою и мясомъ, а насильства въ томъ никакого не было; а ежели-бъ было, то-бъ, надѣюсь, что явились и просители. Къ тому-жъ, по прежнимъ нашимъ обыкновеніямъ, никакого насилія чинить невозможно; а оныя отъ казаковъ малые подарки ихъ происходятъ отъ начала войска того ради, что напредъ бывшіе меня войсковые атаманы и я получаемъ Вашего Императорскаго Величества жалованье равно съ казаками, и другихъ, случающихся у казаковъ, добычей не имѣемъ; и въ томъ никогда, во всѣхъ казачьихъ правленіяхъ, просьбъ и обидъ никакихъ не было. Что же по присланному нынѣ отъ войска Яицкаго отвѣтствію показано, яко бы я одинъ безъ старшинъ отправлялъ въ Низовый корпусъ пришлыхъ людей, а они о томъ не вѣдали, и то учинено на меня напрасно проискомъ и по злобѣ одного старшины Алексѣя Калмыкова; ибо они, за незнаніемъ грамотѣ и необыкновенію такихъ дѣлъ, какъ всѣмъ извѣстно, что того и понынѣ не знаютъ, а когда-бъ кто что зналъ про какихъ бѣглыхъ, то-бъ можно было доносить тогда въ Станичной Избѣ при запискѣ и при смотрѣ оныхъ. Еще-жъ показано на меня о взятѣ съ казаковъ, кои посылаются въ Москву въ станицахъ, самыхъ подарковъ. И тѣ происходили изъ ихъ же самоизвольнаго хотѣнія, смотря на прежніе наши обычаи; и въ томъ запрещенія, тако-жъ и отъ казаковъ ни отъ кого, никакой жалобы не бывало, да и просить «невозможно»: понеже то изъ давнихъ лѣтъ во всѣхъ казацкихъ мѣстахъ происходитъ, по ихъ же хотѣніямъ. Что же показано, яко бы изъ посланныхъ въ службу казаковъ два человѣка содержатся одинъ на Сызранѣ, а другой въ Саратовѣ: и изъ тѣхъ одинъ освобожденъ и обрѣтается по прежнему на Яикѣ, а другой человѣкъ присланъ былъ изъ Сакмарскаго городка отъ атамана Арапова съ прочими, варяженными въ Низовый корпусъ казаками, и показанъ былъ отъ него Арапова казакомъ.

⁵¹⁾ Въ другихъ бумагахъ вмѣсто Уфимцами, встрѣчается: Финцами или Финскими новокрещены.

...иная Государыня Императрица прошу Вашу милость
 милости, да по...
 Государственную Военную Коллегию принять и, въ всемъ невинности разсмотрѣ-
 отъ таковыхъ напрасныхъ и затѣйныхъ дѣлъ оборонить: понеже, какъ...
 вѣстно, что я чрезъ такую многолѣтнюю службу ни въ какомъ пороку не
 бывалъ и служилъ вѣрно; а оныя разночинцы не помѣщичья, и не
 сіе, такъ и прочее чинилось по нашимъ обыкновеніямъ, и въ томъ никакъ
 просителей не имѣется, и вины моей никакой не находится ⁵²⁾.

Старикъ-атаманъ, указавъ на заслуги своего отца и свои соот-
 ственныя, довольно основательно опровергаетъ обвиненія, введенныя
 на него Гузиковымъ, если только допустить справедливость того,
 что казаки дѣйствительно дарили Меркурьева рыбой,
 мясомъ и деньгами. Есть основаніе думать, что въ числѣ казаковъ,
 отправлявшихся на службу и въ станицахъ, были и приверженцы
 и противники Меркурьева. Первые могли дѣйствительно дарить сво-
 его атамана добровольно и искренно, какъ говорится, безъ задней
 мысли; а вторые, желая до благопріятнаго случая скрыть свое не-
 расположеніе къ атаману, дарили Меркурьева для того, чтобы впо-
 слѣдствіи, когда это будетъ удобно, обличить его «во взятѣ съ
 нихъ силою» денегъ, рыбы, мяса и т. п.

Между тѣмъ В. Коллегія, получивъ доношеніе Яицкаго войска,
 отъ 18 Октября 1731 г., препроводила къ генераль-маіору Еропкину
 указъ, которымъ предписывалось всѣхъ «обрѣтающихся въ Низо-
 вомъ корпусѣ Яицкихъ казаковъ спросить, кто изъ нихъ пришлые,
 и давно-ль, отъ кого въ казаки приняты, и въ Низовой корпусъ,
 съ общаго-ль войсковаго совѣта наряжены и отпра-
 влены, и при томъ отправленіи войсковою атаманъ за что съ кого
 взятки бралъ, или они въ почестъ ему приносили» ⁵³⁾. Еропкинъ
 отвѣчалъ, что походный атаманъ Купреяновъ, доставившій списокъ
 бѣглыхъ старшинъ Калмыкову, отправился, вмѣстѣ и съ командою,
 въ Яицкій городокъ еще до полученія указа В. Коллегіи ⁵⁴⁾, а на его
 мѣсто прибылъ походный атаманъ Щелкинъ съ 400 Яицкихъ каза-
 ковъ, которые и были допрашиваемы, согласно указу В. Коллегіи,
 при чемъ Еропкинъ препроводилъ въ Коллегию самые отвѣты каза-
 ковъ, равно какъ и отвѣты ихъ атамана Щелкина.

⁵²⁾ Смотри Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39. Сличь рукопись въ Ур. вой-
 сковомъ архивѣ (по описи № 5-й), заимствованную въ коніи изъ Архива В.
 Коллегіи. (Каз. пов. кн. 8, стр. 436). Все прошеніе написано отличнымъ
 почеркомъ, но никѣмъ не подписано, годъ обозначенъ, мѣсяць тоже, а числа
 нѣтъ. Изъ переписки по этому дѣлу видно, что Меркурьевъ подалъ это про-
 шеніе лично въ В. Коллегію, а тому, можетъ быть, и нѣтъ подписи, или же
 потому, что самъ Меркурьевъ не умѣлъ писать, а грамотныхъ казаковъ, ко-
 торыя бы могли за него подписаться, на этотъ разъ не случилось.

⁵³⁾ См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., стр. 5, № 39. Сличь въ Урал. в. архивѣ (по
 описи № 5) копію съ указа В. Коллегіи, отъ 2 Апрѣля 1734 г., изъ архива
 В. Колл., каз. пов. кн. 8, стр. 567.

⁵⁴⁾ Указъ 2 Апрѣля 1734 г., которымъ предписывалось произвести допросъ
 казакамъ команды Купреянова.

Данъ въ 1722 г. Бродкина оказалось, что въ командѣ
 новъ людей, посланныхъ ре-и-еи-полковника Захарова», было 33
 терновѣка, а именно: 8 человекъ изъ дворцовыхъ, 4 изъ монастыр-
 скихъ и 6 изъ помѣщичьихъ крестьянъ, 2 изъ солдатскихъ дѣтей,
 человекъ изъ Мордвы, Чувашъ и Черемисъ и 5 человекъ разныхъ
 ндій. Всѣ эти лица на допросахъ заявили, что они опредѣлены въ
 казаки отъ войскового атамана, за что давали ему «въ взятокъ»
 рубли по четыре и больше, а всего 251 р. 50 коп. Когда В. Колле-
 гія сообщила объ этомъ Меркурьеву, то онъ заявилъ, что пришлыхъ
 на Яикъ людей онъ не принималъ, взятки съ нихъ не бралъ, кро-
 мѣ добровольныхъ приношеній «въ почестъ», а если въ командѣ
 Щелкина оказались пришлые изъ бѣглыхъ, то это произошло безъ
 его вѣдома, такъ какъ казаки, нанявшіе ихъ за себя въ службу,
 показали, что они пришли на Яикъ еще до переписи полковника
 Захарова⁵⁵⁾; если же онъ не навелъ справокъ о времени прихода
 этихъ людей на Яикъ, то сдѣлалъ это «съ простоты и недозна-
 нія своего и въ томъ приносить Ея Императорскому Величеству
 вину».

Вслѣдствіе этого В. Коллегія постановила: 1) пришлыхъ на Яикъ,
 послѣ переписи полковника Захарова, дворцовыхъ, монастырскихъ
 и помѣщичьихъ крестьянъ, сколько ихъ есть, вывести изъ Яика
 въ Казань на войсковомъ коштѣ, безъ всякой утайки, и отдать гу-
 бернатору съ товарищами, съ роспискою, а ихъ, по силѣ состояв-
 шихся о томъ указовъ, разослать на прежнія жилища, — и сколь-
 ко съ Яику въ Казань, и изъ Казани на прежнія жилища разослано
 будетъ, о томъ въ В. Коллегію рапортовать; 2) а которые пришлые
 же люди, солдатскіе дѣти, Шведы⁵⁶⁾ и Татары записаны въ казаки
 и дѣйствительно служатъ, тѣмъ, по силѣ 1722 г. указа, быть на
 Яикѣ». Далѣе, въ пунктѣ третьемъ своего мнѣнія, В. Коллегія замѣ-
 чаетъ, что такъ какъ Меркурьевъ заперся въ приверстываніи бѣг-
 лыхъ въ казаки и во взяткахъ съ нихъ, то «довлѣло еще по тому
 слѣдованію продолжить, и въ спорныхъ рѣчахъ, кому съ кѣмъ над-
 лежить, очныя ставки давать, а по очнымъ ставкамъ можетъ и до
 розыску дойти, и для того изслѣдованія довелось послать туда на-
 рочнаго съ командою; ибо слѣдованіе то касается какъ до атамана,
 такъ до старшинъ и до всѣхъ казаковъ; а понеже нынѣ войска онаго
 старшины и казаки обрѣтаются въ командированіяхъ, а именно: въ

⁵⁵⁾ Всѣ пришлые на Яикъ до переписи Захарова, на основаніи указа 1722 г.,
 зачислены были въ составъ Яицкаго войска и, слѣдовательно, могли оста-
 ваться въ предѣлахъ его территоріи.

⁵⁶⁾ Эти Шведы-Финны, завоеванные казаками, какъ выражались они пол-
 ковнику Захарову, во время четырехъ Свейскихъ походовъ, въ кото-
 рыхъ казаки должны были участвовать. Здѣсь, безъ сомнѣнія, казаки разу-
 мѣютъ походы 1701, 1703, 1704 и 1707 гг.; въ первомъ изъ этихъ походовъ
 было 600 Яицкихъ казаковъ, а въ остальныхъ трехъ по 500 въ каждомъ. См.
 Ур. В. Вѣд. 1869, № 35, стр. 6 и 7.

Государыня Императрица прошу Вашу милость и милости
личества, да помяну... Государственную Военную Коллегию принять и, въ деле невинности разсмотрѣть
отъ таковыхъ напрасныхъ и затѣйныхъ дѣлъ оборонить: понеже, какъ
вѣстно, что я чрезъ такую многолѣтнюю службу ни въ какомъ пороку не
бывалъ и служилъ вѣрно; а оныя разночинцы не помѣщиковы, и ка
сіе, такъ и прочее чинилось по нашимъ обыкновеніямъ, и въ томъ никак
просителей не имѣется, и вины моей никакой не находится ⁵²⁾.

Старикъ-атаманъ, указавъ на заслуги своего отца и свои собственныя, довольно основательно опровергаетъ обвиненія, взведенныя на него Гузиковымъ, если только допустить справедливость того, что казаки дѣйствительно добровольно дарили Меркурьева рыбой, мясомъ и деньгами. Есть основаніе думать, что въ числѣ казаковъ, отправлявшихся на службу и въ станицахъ, были и приверженцы и противники Меркурьева. Первые могли дѣйствительно дарить своего атамана добровольно и искренно, какъ говорится, безъ задней мысли; а вторые, желая до благопріятнаго случая скрыть свое нерасположеніе къ атаману, дарили Меркурьева для того, чтобы впоследствии, когда это будетъ удобно, обличить его «во взятыѣ съ нихъ силою» денегъ, рыбы, мяса и т. п.

Между тѣмъ В. Коллегія, получивъ доношеніе Яицкаго войска, отъ 18 Октября 1731 г., препроводила къ генераль-маіору Еропкину указъ, которымъ предписывалось всѣхъ «обрѣтающихся въ Низовомъ корпусѣ Яицкихъ казаковъ спросить, кто изъ нихъ пришлые, и давно-ль, отъ кого въ казаки приняты, и въ Низовой корпусѣ, съ общаго-ль войсковаго совѣта наряжены и отправлены, и при томъ отправленіи войсковою атаманъ за что съ кого взятки бралъ, или они въ почестъ ему приносили» ⁵³⁾. Еропкинъ отвѣчалъ, что походный атаманъ Купреяновъ, доставившій списокъ бѣглыхъ старшинъ Калмыкову, отправился, вмѣстѣ и съ командою, въ Яицкій городокъ еще до полученія указа В. Коллегіи ⁵⁴⁾, а на его мѣсто прибылъ походный атаманъ Щелкинъ съ 400 Яицкихъ казаковъ, которые и были допрашиваемы, согласно указу В. Коллегіи, при чемъ Еропкинъ препроводилъ въ Коллегию самые отвѣты казаковъ, равно какъ и отвѣты ихъ атамана Щелкина.

⁵²⁾ Смотри Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39. Сличь рукопись въ Ур. войсковомъ архивѣ (по описи № 5-й), заимствованную въ копію изъ Архива В. Коллегіи. (Каз. пов. кн. 8, стр. 436). Все прошеніе написано отличнымъ почеркомъ, но никѣмъ не подписано, годъ обозначенъ, мѣсяць тоже, а числа нѣтъ. Изъ переписки по этому дѣлу видно, что Меркурьевъ подалъ это прошеніе лично въ В. Коллегію, а тому, можетъ быть, и нѣтъ подписи, или же потому, что самъ Меркурьевъ не умѣлъ писать, а грамотныхъ казаковъ, которые бы могли за него подписаться, на этотъ разъ не случилось.

⁵³⁾ См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., стр. 5, № 39. Сличь въ Урал. в. архивѣ (по описи № 5) копію съ указа В. Коллегіи, отъ 2 Апрѣля 1734 г., изъ архива В. Колл., каз. пов. кн. 8, стр. 567.

⁵⁴⁾ Указъ 2 Апрѣля 1734 г., которымъ предписывалось произвести допросъ казакамъ команды Купреянова.

Имя воеводы Ерошкина, оказалось, что въ командѣ пришлыхъ людей, посланныхъ имъ полковника Захарова, было 33 человека, а именно: 8 человекъ изъ дворцовыхъ, 4 изъ монастырскихъ и 6 изъ помѣщичьихъ крестьянъ, 2 изъ солдатскихъ дѣтей, 1 человекъ изъ Мордвы, Чувашъ и Черемись и 5 человекъ разныхъ націй. Всѣ эти лица на допросахъ заявили, что они опредѣлены въ казаки отъ войсковаго атамана, за что давали ему «въ взятку» по четыре и больше, а всего 251 р. 50 коп. Когда В. Коллегія сообщила объ этомъ Меркурьеву, то онъ заявилъ, что пришлыхъ на Яикъ людей онъ не принималъ, взятку съ нихъ не биралъ, кромѣ добровольныхъ приношеній «въ почестъ», а если въ командѣ Щелкина оказались пришлые изъ бѣглыхъ, то это произошло безъ его вѣдома, такъ какъ казаки, нанявшіе ихъ за себя въ службу, показали, что они пришли на Яикъ еще до переписи полковника Захарова⁵⁵⁾; если же онъ не навелъ справокъ о времени прихода этихъ людей на Яикъ, то сдѣлалъ это «съ простоты и незнанія своего и въ томъ приносить Ея Императорскому Величеству вину».

Вслѣдствіе этого В. Коллегія постановила: 1) пришлыхъ на Яикъ, послѣ переписи полковника Захарова, дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ, сколько ихъ есть, вывести изъ Яика въ Казань на войсковомъ коштѣ, безъ всякой утайки, и отдать губернатору съ товарищами, съ роспискою, а ихъ, по силѣ состоявшихся о томъ указовъ, разослать на прежнія жилища, — и сколько съ Яику въ Казань, и изъ Казани на прежнія жилища разослано будетъ, о томъ въ В. Коллегію рапортовать; 2) а которые пришлые же люди, солдатскіе дѣти, Шведы⁵⁶⁾ и Татары записаны въ казаки и дѣйствительно служатъ, тѣмъ, по силѣ 1722 г. указа, быть на Яикѣ». Далѣе, въ пунктѣ третьемъ своего мнѣнія, В. Коллегія замѣчаетъ, что такъ какъ Меркурьевъ заперся въ приверстываніи бѣглыхъ въ казаки и во взяткахъ съ нихъ, то «довлѣло еще по тому слѣдованію продолжать, и въ спорныхъ рѣчахъ, кому съ кѣмъ надлежитъ, очныя ставки давать, а по очнымъ ставкамъ можетъ и до розыску дойти, и для того изслѣдованія довелось послать туда нарочнаго съ командою, ибо слѣдованіе то касается какъ до атамана, такъ до старшинъ и до всѣхъ казаковъ; а понеже нынѣ войска онаго старшины и казаки обрѣтаются въ командированіяхъ, а именно: въ

⁵⁵⁾ Всѣ пришлые на Яикъ до переписи Захарова, на основаніи указа 1722 г., зачислены были въ составъ Яицкаго войска и, слѣдовательно, могли оставаться въ предѣлахъ его территоріи.

⁵⁶⁾ Эти Шведы-Финны, завоеванные казаками, какъ выражались они полковнику Захарову, во время четырехъ Свейскихъ походовъ, въ которыхъ казаки должны были участвовать. Здѣсь, безъ сомнѣнія, казаки разумѣютъ походы 1701, 1703, 1704 и 1707 гг.; въ первомъ изъ этихъ походовъ было 600 Яицкихъ казаковъ, а въ остальныхъ трехъ по 500 въ каждомъ. См. Ур. В. Вѣд. 1869, № 35, стр. 6 и 7.

Всеподданнейшая Государыня Императрица, прошу Ваше Императорское Величество, чтобы по указу Вашему от 1725 г. о казачьих войсках, а именно о Яицком войске, и о неупокоенных Калмыках в партиях: того ради по нынешним конъюктурам (обстоятельствам) может оное следование оставлено, а войскового атамана Меркурьева вина, за прежнюю его вѣрность, отпущена быть; понеже онъ въ прошломъ 1725 г., «увѣдавъ о зломъ намѣреніи нѣкоторыхъ казаковъ, полковнику Захарову доносилъ, и тотъ доносъ его явился правый. А впредъ пришлыхъ принимать имъ на Яикъ отнюдь не велѣть, подъ опасеніемъ Ея Императорскаго Величества гнѣва, какъ и Донскимъ казакамъ пришлыхъ принимать запрещено, и для того оному атаману и будущимъ при немъ старшинамъ и казакамъ въ В. Коллегіи объявить указомъ съ запискою, дабы впредъ невѣдѣніемъ не отговаривались, и сверхъ того послать на Яикъ о неприемѣ томъ подтвердительную грамоту»⁵⁷⁾. Военная Коллегія представила свое заключеніе по этому дѣлу въ Сенатъ, требуя указа и резолюціи. Сенатъ постановилъ: «быть по тому Военной Коллегіи мнѣнію».

Такимъ образомъ Григорій Меркурьевъ, благодаря своей изворотливости, опытности и, пожалуй, расположенію къ нему В. Коллегіи, видѣвшей въ немъ помощника въ выполненіи своихъ плановъ по отношенію къ Яицкому войску, остался на своемъ мѣстѣ, вопреки желанію войска, представившаго съ своей стороны довольно вѣскія указанія на его злоупотребленія. Меркурьевъ, безъ сомнѣнія, какъ и его предшественники, принималъ бѣглыхъ и за деньги приверстывалъ ихъ въ казаки. Яикъ издавна былъ притономъ бѣглыхъ. Это, по выраженію казаковъ, золотое донышко въ особенности было привлекательно для тѣхъ, кому становилось жутко на родинѣ. Сюда бѣжали господскіе и государственные крестьяне, солдаты, разнаго рода преступники и другіе, чтобы только избѣжать господскаго деспотизма, тяжести возросшей недоимки, испытанія суровыхъ мѣръ военной дисциплины или же заслуженнаго наказанія. Число бѣглыхъ еще больше увеличилось, когда воздвигнуто было гоненіе на раскольниковъ; послѣдніе цѣлыми толпами уходили въ Исетскую провинцію, Сибирь и землю Яицкихъ казаковъ, представлявшія всѣ выгоды для укрывательства бѣглыхъ; особенно любимыми мѣстами бѣглыхъ сдѣлались берега рѣкъ: Большаго и Малаго Иргизовъ, Камедика, Чижей, Чагры, Узеней и Сакмары. Обширныя пространства Приуральскихъ степей, гдѣ теперь съ трудомъ можно встрѣтить только одинокіе пни подъ коренья подрубленныхъ деревьевъ, въ описываемое время были покрыты непроходимыми лѣсами. Вся обширная долина Урала, берега Узеней и всѣхъ степныхъ рѣчекъ, впадающихъ съ правой стороны въ Уралъ, а также и всѣ склоны Общаго Сырта представляли собою непроходимую тущобу⁵⁸⁾, въ которой легко

⁵⁷⁾ См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 6.

⁵⁸⁾ Ур. В. Вѣд. 1870 г., № 20, стр. 2.

Изъ дѣла ~~Бродкина~~ Бродкина оказалось, что въ командѣ ~~примави~~ принимавшихся въ ~~Яицкѣ~~ Яицкѣ и, въ ~~Турдахъ~~ Турдахъ ~~освѣщен~~ освѣщенности, посылали ихъ въ разныя службы по нарядамъ правительства и не только безъ подмоги отъ войска, но брали съ нихъ же, а бѣглецы охотно давали, лишь бы остаться на волѣ и избѣгнуть законной кары за свои преступленія, содѣяныя ими въ прежнемъ состояніи. Неудивительно послѣ этого, что пріемъ бѣглыхъ былъ обыкновеннымъ и часто повторявшимся явленіемъ среди Яицкаго войска; бѣглецы, платя казакамъ за свой пріютъ, отбывали за нихъ нерѣдко службу и незамѣтно становились въ зависимое положеніе отъ войска. Понятно, что такое отношеніе бѣглыхъ къ казакамъ въ высшей степени было выгодно для послѣднихъ, почему казаки, не смотря на цѣлый рядъ грозныхъ и запретительныхъ указовъ, не переставали принимать всѣхъ, кто только приходилъ подъ ихъ покровительство. Бѣглецы, въ свою очередь, также были довольны новымъ положеніемъ, потому что оно сравнительно было гораздо лучше прежняго, не говоря уже о преступникахъ, которые должны были понести наказаніе и, можетъ быть, очень жестокое. При такомъ положеніи дѣла, трудно было надѣяться, чтобы казаки отказались отъ своихъ выгодъ и рѣшились отдавать бѣглыхъ въ руки правительства; не легко было уговорить и самихъ бѣглецовъ вернуться на прежнія мѣста жительства. Между тѣмъ, правительство въ каждомъ бѣгломъ теряло плательщика, а дешевизна труда бѣглаго человѣка вредно отзывалась на трудахъ осѣдлаго населенія, чего нельзя было не замѣтить. Вслѣдствіе этого правительство не могло оставаться равнодушнымъ къ этому шатанію экономической жизни народа и цѣлаго государства.

Еще въ Ноябрь 1727 года былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось послать изъ Казанскаго гарнизона одного штабъ-офицера съ конвоемъ на Яицъ, чтобы взять оттуда 100 чел. казаковъ «конныхъ и оружейныхъ» и идти въ Сакмарскій городокъ, который считался притономъ бѣглыхъ крестьянъ заводскихъ, дворцовыхъ, помѣщичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ. Всѣхъ бѣглыхъ велѣно захватить и отправить въ Уфу, а оттуда разослать подъ конвоемъ въ прежнія мѣста жительства⁵⁹⁾. Чтобы пополнить число рабочихъ и мастеровыхъ во вновь устроенныхъ городкахъ и крѣпостяхъ Оренбургскаго края, въ 1736 г. правительство предписало Кирилову⁶⁰⁾ «разглашать подъ рукою», что всѣ вышедшіе съ Яика бѣглецы будутъ записаны на службу въ Оренбургъ. Когда такихъ охотниковъ набралось довольно много, ихъ раздѣлили на партіи и разослали подъ конвоемъ, а прежнимъ ихъ владѣльцамъ были выданы за нихъ зачетныя рекрутскія квитанціи. Вскорѣ послѣ того, въ Сызранѣ и Самарѣ были устроены крѣпкія заставы, на которыхъ приказано наблюдать, чтобы люди, отправлявшіеся съ обозами на Яицъ, возвращались въ прежнія

⁵⁹⁾ П. С. З. т. VII, № 5197.

⁶⁰⁾ Сличи Пам. книжку Уфимск. губ. на 1873 г., ч. II, стр. 144, § 9.

подтверждались. «...и не успо-
россійскихъ людей»⁶²⁾. Несмотря, однакожъ, на всѣ эти истребитель-
имъ мѣры, количество бѣглыхъ постепенно увеличивалось; на дѣлѣ,
особенно стремились раскольники, противъ которыхъ, какъ уже
димъ, и было воздвигнуто гоненіе какъ со стороны гражданскаго,
такъ и духовной власти.

Между тѣмъ какъ правительство было озабочено пріисканіемъ
мѣръ и средствъ къ прекращенію побѣговъ на Яицъ, равно какъ и
въ другія мѣста, борьба партій въ Яицкомъ войскѣ не прекращалась.
Неудачный исходъ дѣла по доносу казака Дениса Гузикова на ата-
мана Меркурьева, безъ сомнѣнія, не могъ заглушить въ казакахъ
желанія удалить Меркурьева отъ занимаемаго имъ поста. Мы видѣли,
что одно уже назначеніе Меркурьева въ войсковые атаманы оттол-
кнуло отъ него большую часть войска; злоупотребленія Меркурьева
поддержали эту ненависть войска къ своему атаману и дали ей даль-
нѣйшій ростъ, а указанный неудачный исходъ борьбы окончательно
вооружилъ казаковъ противъ Меркурьева, который, выигравъ дѣло,
сталъ еще болѣе и смѣлѣе злоупотреблять своею властію, надѣясь
на снисхожденіе къ нему Военной Коллегіи и покровительство, ока-
занное ему правительствомъ. Понятно, что, при такомъ положеніи
дѣла, трудно было рассчитывать на спокойствіе внутри войска, тѣмъ
болѣе, что озлобленіе противъ Меркурьева теперь обхватило почти
все войско. Въ Ноябрь 1737 года, Военная Коллегія получила но-
вую жалобу на атамана Меркурьева и его сыновей: Ивана и Андрея
Меркурьевыхъ. На этотъ разъ жалоба была почти отъ всего войска:
старшины, сотники, десятники и 2700 повѣренныхъ изъ казаковъ⁶³⁾
жаловались Военной Коллегіи, что Меркурьевъ отправилъ зимовую
станицу «не по совѣту и приговору войска, а по своей власти, и
дѣлаетъ съ своими единомышленниками, по своимъ легкомысленнымъ
прихотямъ, и отписки посылаетъ именемъ войсковымъ, яко бы отъ
войска ложно». Далѣе изъ жалобы войска видно, что въ Ноябрь
1737 года, Меркурьевъ сообщилъ тайному совѣтнику, В. Н. Тати-
щеву, «якобы среди войска имѣется замѣшаніе», при чемъ Мер-
курьевъ представилъ Татищеву реестръ тѣхъ казаковъ, которые смѣ-
ло и открыто заявляли въ кругу о понесенныхъ ими обидахъ. Войско
въ своей жалобѣ опровергаетъ ложность этого доноса, ссылаясь на
инородныхъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Яицкій городокъ, и замѣ-
чаетъ: «у насъ можетъ всякій казакъ о дѣлѣ своемъ го-
ворить, что намъ войску отъ Государственной Военной Колле-
гій указомъ не запрещается». Войско не ограничилось жалобой на
одного атамана,—оно не забыло и его сыновей, равно какъ и тѣхъ

⁶¹⁾ П. С. З. т. IX, № 6893. Сличи Рябинина «Уральское войско», часть I, стр. 50.

⁶²⁾ П. С. З. т. X, № 7514, 3.

⁶³⁾ Смолр. въ Уральск. войск. архивѣ по описи № 22. Извлечено изъ кн. каз. пов. № 33, стр. 258.

Изъ дѣла старшина Еропкина оказалось, что казакъ хотѣлъ выдѣлать изъ казеннаго скота, принадлежащаго отцу, выкосить казенныя покосы, вопреки указу Военной Коллегіи; безъ позволенія войска, ловить подъ учужемъ рыбу; собираетъ силою съ каждаго казака по 35 коп., указывая то, что войско задолжало его отцу 900 рубл.; городскіе вѣсы самовольно отдалъ на откупъ Ивану Лобину и Никитѣ Акутину за 160 рублей, въ ущербъ войсковымъ доходамъ. Другой сынъ Меркурьева, есауль Андрей Меркурьевъ, явившись ночью на учугъ, гдѣ всякая ловля рыбы строго воспрещена, избилъ до полусмерти часового, оберегавшаго учугъ, при чемъ ему помогалъ въ этомъ «смертномъ боѣ» деньщикъ его брата (Ивана) Ѳедоръ Шумихинъ⁶⁴⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, войско жалуется на Турыбырина, который, отправляясь въ 1737 году, въ качествѣ походнаго атамана, въ Низовый корпусъ съ 500 казаковъ, получилъ изъ Военной Коллегіи по рублю на каждаго казака, а выдалъ по 60 коп., 40 же коп. удержалъ себѣ; когда войско стало требовать отъ него отчета, куда онъ употребилъ удержанные имъ 200 рублей, то «Турыбыринъ, скача съ рундука, сказалъ, что имѣется въ нихъ недоброе».

Между тѣмъ, противная партія, — партія Меркурьева, — не дремала: она не оставила вышеприведенной жалобы казаковъ безъ возраженій. На сторонѣ Меркурьева оказалось восемьдесятъ восемь старшинъ⁶⁵⁾, которые 10 Декабря того же (1737) года отправили въ Военную Коллегію прошеніе на имя Императрицы. Старшины жаловались въ своемъ прошеніи на тѣ безпорядки, которые происходили, при обсужденіи разныхъ дѣлъ, въ войсковомъ кругу; главнымъ виновникомъ этихъ неурядицъ и агитаторомъ народной партіи старшины выставили войсковаго старшину Ив. Логинова. «А нынѣ въ войскѣ Яицкомъ», — говорится, между прочимъ, въ прошеніи, — «совѣтники Ивана Логинова Михайло Кукляевъ, Аѳанасій Черноноговъ и Ив. Торшиловъ съ товарищи учинили немалое разглашеніе, отчего въ народѣ нашемъ учинилось великое несогласіе». Упоминаемыя здѣсь лица, какъ видно изъ прошенія старшинъ, распространили въ народѣ слухъ, что съ атамана Григорья Меркурьева, въ бытность его въ Военной Коллегіи, «жалованная патреть и сабля снята», и что самъ Меркурьевъ находится подъ арестомъ. Народная партія, не любившая Меркурьева, подъ вліяніемъ этихъ ложныхъ слуховъ, ликовала и еще смѣлѣе и энергичнѣе выражала свое недовольство дѣйствіями старшинъ: въ кругахъ постоянно слышался

⁶⁴⁾ Третій сынъ Григорья Меркурьева, Илья Меркурьевъ, былъ по смерти своего отца войсковымъ аманомъ, а Иванъ Меркурьевъ еще раньше былъ замѣшанъ, какъ увидимъ дальше, въ дѣлѣ о разграбленіи каравана Хивинца Абазы и Бухарца Джабора, въ 1732 году. (Смотри архивъ Уральск. войска по описи № 31. Выписка изъ кн. каз. пов. № 9, стр. 386).

⁶⁵⁾ Имена и фамиліи всѣхъ этихъ старшинъ значатся въ подписи прошенія. Смотри въ Уральск. войсков. архивѣ дѣло по описи № 22, стр. 23—26.

Въ началѣ Сентября 1737 г., на Яикъ прибылъ, для разбирательства войсковыхъ несогласій и безпорядковъ, майоръ Казанъ Фридрихъ Гарнизона Алекянъ. Когда Алекянъ собралъ казаковъ въ кругу стани-приступилъ къ разбирательству дѣла, сторонники Логинова съ возмущать казаковъ; въ кругу начался шумъ, крикъ; казакъ Землянушиновъ, одинъ изъ сторонниковъ Логинова, «при всемъ честномъ казацкомъ кругѣ», обругалъ старшинъ ворами; Алекянъ приказалъ схватить его и представить въ Станичную Избу «для сыску». Указывая на это обстоятельство, старшины жалуются на обиду Землянушинова, — «понеже за собою воровства никакого не знаемъ», — прибавляютъ, что Землянушиновъ и Копѣчекнинъ, безъ вѣдома атамана и старшинъ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, въ числѣ 12 человекъ, явились къ майору Алекяну и говорили, «что де кланяемся вашему благородію скотиною, такожъ и солдатамъ команды вашей другою». Между тѣмъ, Логиновъ, воспользовавшись отсутствіемъ изъ Яицкаго городка Алекяна, началъ ходить «съ своими совѣтниками, невѣдомо для какова вымыслу, во всякихъ кругахъ» и возмущать казаковъ, показывая имъ какія-то письма. Логиновъ требовалъ, чтобы его, вмѣстѣ съ приверженцами, допустили въ Станичную Избу «для спросу вѣхъ казаковъ»; но атаманъ и старшины не согласились на это. Послѣ того, Логиновъ отрядилъ къ Станичной Избѣ сотниковъ Бориса Чирова и Ивана Торшилова, а сотникамъ Ивану Абрамову и Ивану Толоконникову приказалъ отправиться по дворамъ казаковъ, чтобы «записывать казаковъ и руки брать», но для какой цѣли, неизвѣстно. Волненіе въ кругахъ, особенно между молодежью, усилилось, такъ что, по выраженію старшинъ, «въ такомъ ихъ самовольномъ крику никакого присутствія производить стало невозможно»; вмѣсто отцевъ, стали являться въ кругъ дѣти и братья, чего прежде не бывало; правильное рѣшеніе дѣла стало невозможнымъ; наконецъ, замѣчаютъ старшины, «между собою стало чиниться смертное убивство». Старшины, какъ противники подобныхъ безпорядковъ, произведенныхъ Логиновымъ и его партіей, просятъ, чтобы имъ не поставили въ вину такого самовольства протестующихъ казаковъ, и выражаютъ искреннее желаніе, чтобы «такихъ самовольниковъ» не было. При этомъ старшины составили реестръ протестовавшихъ казаковъ, и препроводили его въ В. Коллегію съ войсковымъ атаманомъ, Григорьемъ Меркурьевымъ, который отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи старшинъ: Ивана Григорьева, Василья Севрюгина, Тимоея Кирилова и Якова Мокѣева. Военная Коллегія получила это прошеніе старшинъ 27 Января 1738 года, а 4 Марта того же года на Яикъ былъ отправленъ указъ Императрицы, съ приложеніемъ копии съ доношенія войска, на имя майора Алекяна, которому приказано было произвести слѣдствіе, «по указамъ и по данной инструкціи»; немедленно, такъ-чтобы въ Мартъ же мѣсяцъ этого года дѣло было представлено въ Военную Коллегію. Въ случаѣ надобности, Алекяну велѣно обра-

Итакъ, дождавшись прощенья, почему-либъ... также послалъ указъ. Отъ бунты подь угрозою жестокаго наказанія, строго воспрещаять безчинный крикъ и драки», во время слѣдованія по дерзкихъ поступкахъ. Посланнымъ отъ Логинова въ Оренбургъ съ доношеніемъ, казакамъ Андрею Мухину и Степану Хромову, велѣно было выдать изъ Статсъ-Канторы на проѣздъ до Ямскаго городка по 12 рублей каждому, «изъ положенной привъзжимъ отъ того войска станицамъ суммы», и давать имъ отъ Петербурга Самары по одной ямской лошади и прогонныя деньги изъ той же суммы, «а что онымъ казакамъ выдано будетъ, и тѣ деньги, по рѣшенію атаманскаго дѣла, возвратитъ съ виновныхъ»⁶⁶). Предписавъ Алекину произвести слѣдствіе, Военная Коллегія приказала до окончанія дѣла устранить Меркурьева отъ должности атамана и поручить ее временно другому, избранному войскомъ. Но вліяніе Меркурьева въ войскѣ было такъ велико, что онъ успѣлъ образовать сильную партію и, не смотря на протестъ народа, постарался убѣдить Татищева⁶⁷), чтобы онъ приказалъ арестовать и отправить въ Самару избраннаго казаками наказнаго атамана Андрея Карпова, какъ человѣка неблагонадежнаго въ политическомъ отношеніи. Приски Меркурьева увѣнчались успѣхомъ: вмѣсто Карпова назначенъ былъ войсковою станичный атаманъ Прытковъ, — человѣкъ вполне преданный Меркурьеву, — который приказалъ арестовать Карпова и старшину Семена Землянушинова и, заковавъ въ кандалы, отправить ихъ въ Самару къ тайному совѣтнику Татищеву. Понятно, что послѣ этого дѣла Меркурьева пошли лучше, и обвиненія, возводимыя на него, стали оказываться бездоказательными. Этому помогло и то, что счетная часть велась у казаковъ на словахъ, или на лоскуткахъ бумаги, которые легко было уничтожить во всякое удобное время. Казаки, подь вліяніемъ интригъ Меркурьева и его сторонниковъ, раздѣлились на двѣ части: одни стояли за Меркурьева, другіе — большинство, за Логинова. Наконецъ, Алекинъ представилъ въ В. Коллегію экстрактъ о произведенномъ имъ слѣдствіи, Военная же Коллегія, при особомъ мнѣніи, передала его въ Кабинетъ Ея Величества. Изъ этого экстракта видно, что Меркурьевъ обвинялся во-первыхъ въ томъ, что онъ удержалъ у казаковъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья двѣнадцать тысячъ триста пятьдесятъ пять рублей; 2) не хотѣлъ давать никакого отчета въ расходѣ сборныхъ войсковыхъ денегъ; 3) изъ окладнаго на все войско вина употреблялъ съ старшинами на свои расходы. Старшина Логиновъ обвинялся, во-первыхъ въ томъ, что не могъ основательно доказать взведеннаго имъ на Меркурьева обвиненія, будто бы послѣдній удержалъ у казаковъ деньги за хлѣбное жалованье на 1724 г.; 2) отрекся отъ своего по-

⁶⁶) Смотри въ вѣст. каз. пов. (№ 33, стр. 258) указъ В. Коллегіи за № 3538-мъ.

⁶⁷) Татищевъ В. Н. былъ въ это время главнымъ начальникомъ Оренбургской Экспедиціи и Мензелинской Башкирской Комиссіи.

мандировъ прудъ... (61). Въ Фунду Вай...
 въ Низовомъ корпусѣ, удержанъ около 450 рубл. и отъ...
 дать о томъ отчетъ, когда его потребовали въ войсковой су...
 у казака Погребина удержанъ жалованье и, кромѣ того, 4 р...
 взятые имъ у Погребина на сбереженье. Указавъ на эти об...
 тельные пункты, Военная Коллегія опредѣлила: атамана Меркурья
 лишить чина и взыскать съ него удержанныя у казаковъ ден...
 12,355 рублей; съ старшины Логинова удержанныя имъ деньги тамъ
 взыскать. Въ отвѣтъ на это опредѣленіе Военной Коллегіи 25 Ав...
 ста того же 1740 года состоялся именной высочайшій указъ, въ...
 торомъ, между прочимъ, говорится: «Понеже оное между ними (ка...
 заками) несогласіе чрезъ много время продолжается и съ обви...
 сторонъ по слѣдствію вины явились, отъ чего прочимъ казакамъ б...
 малая обида и убытокъ причинены и дабы впредь такихъ обидъ та...
 мошніе командиры (68) не чинили и надлежащихъ на раздачу каза...
 камъ денегъ не удерживали и ими не корыстовались и по своимъ
 прихотямъ казаковъ обижать не могли, и казаки-бъ въ
 такомъ случаѣ на своихъ атамановъ судъ и управу сыскать могли,
 того ради указали мы учинить слѣдующее: 1) атамана Меркурьева,
 за учиненныя имъ казакамъ обиды, атаманства лишить, а за служ...
 бы отца его, такожь и его показанныя извѣстныя вѣрности, отъ взы...
 сканія вышеупомянутой положенной на него по мнѣнію Военной
 Коллегіи суммы освободить; а Логиновъ, хотя по слѣдствію въ иномъ
 и самъ виноватъ и подлежалъ штрафу, однакожь чиненныя отъ Мер...
 курьева Яицкому войску обиды чрезъ него открылись и для того и
 его Логинова отъ штрафа освободить же, и все то дѣло оста...
 вить и уничтожить. И чтобъ между ними памятозлобія и отъ
 того впредь вражды быть не могло, того ради обоихъ ихъ съ Яика
 вывести и поселить жить въ тамошнихъ же городкахъ порознь, и
 именоваться имъ обоимъ тѣхъ городковъ, гдѣ они будутъ жить,
 старшинами» (69). Далѣе указъ гласитъ о томъ, чтобы назначеніе
 атамана предоставлено было высочайшей волѣ, войско же обязано
 избирать на эту должность трехъ кандидатовъ изъ «заслуженныхъ,
 богобоязливыхъ, вѣрныхъ и въ воинскомъ дѣлѣ искусныхъ людей»;
 обиженнымъ предоставить право являться съ жалобою въ В. Колле...
 гію, но если обвиненія ихъ окажутся неосновательными, то посту...
 пать съ ними по всей строгости законовъ. Указъ предписываетъ
 также ввести въ войскѣ приходорасходныя книги за шнуромъ и вой...
 сковою печатью, а В. Коллегіи собрать свѣдѣнія о Яицкихъ каза...
 кахъ и составить новый проектъ управления войскомъ.

Но такого рода мѣры не могли привести правительство къ дости...
 жению предположенной цѣли. Демократическая воля въ Яицкомъ
 казачествѣ до того была сильна, что они по прежнему не хотѣли

68) Замѣтно, что Кабинетъ недоволенъ былъ и дѣйствіями Татищева, дер...
 жавшаго сторону Меркурьева.

69) П. С. З., т. XI, стр. 226—227, № 8215.

Изъ документахъ видно, почему-либо не было принято въ виду также постановления 1740 года, въ которомъ казаки провозглашены слѣдовать прежнимъ обычаямъ народа, а по восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны всѣ указы и постановленія предшествовавшаго правительства были уничтожены или объявлены недействительными.

Такимъ образомъ, прежнее устройство Яицкой общины къ началу 80-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, когда въ управленіе Оренбургскимъ краемъ вступилъ И. И. Неплюевъ, которому были подчинены и Яицкіе казаки, оставалось въ полной своей силѣ. В. Коллегія также не успѣла еще собрать затребованныя ею свѣдѣнія относительно Яицкаго войска; между тѣмъ послѣдовали новые указы⁷¹⁾, которые должны были, наконецъ, заставить В. Коллегію исполнить волю правительства.

(Продолженіе будетъ).

⁷⁰⁾ Шаповъ, Земство и расколъ, ст. 1-я, стр. 361.

⁷¹⁾ 9 Декабря 1745 г. и 22 Іюля 1748 г. Смотри въ Ур. в. архивъ по описи № 3. «Изъясненіе со мнѣніемъ» и проч. Копія изъ Арх. В. Колл., кн. каз. пов. № 141, стр. 3 и проч.

Графъ Семень Романовичъ Воронцовъ.

IV *).

Мы видѣли, какой страшной опалѣ подвергся человекъ, составлявшій собою славу Русскаго имени въ чужихъ краяхъ и съ какою душевною твердостью отнесся онъ къ постигнутому его несчастію. Сохранилось несомнительное преданіе, что сына своего (будущаго фельдмаршала), въ то время двадцатилѣтняго юношу, рѣшился онъ отдать въ науку къ какому-то Соутгамптонскому моряку - торговцу, а для дочери (впослѣдствіи графини Пемброкъ) отыскивалъ мѣсто наставницы. Онъ и прежде говаривалъ, въ виду участи многихъ знатныхъ Французовъ, пострадавшихъ отъ революціи, что времена наступили крутыя и что слѣдуетъ для всякаго случая быть наготовѣ и умѣть чѣмъ либо зарабатывать себѣ хлѣбъ. Между тѣмъ въ Россіи братъ его, графъ Александръ Романовичъ разослалъ къ прикащикамъ предписаніе о сдачѣ деревень въ вѣдомство мѣстныхъ исправниковъ, и отправилъ въ Петербургъ всеподданнѣйшее прошеніе о томъ, чтобы ему было указано, какъ поступить съ тѣми деревнями, которыя находились у него въ нераздѣльномъ владѣніи съ графомъ Семеномъ Романовичемъ. Прошеніе это пришло въ Петербургъ уже въ новое царствованіе. Александръ Павловичъ, на другой же день по восшествіи на престолъ, приказалъ снять запрещеніе съ Воронцовскихъ помѣстій.

«Не полагалъ я, мой другъ, увидѣть спасеніе Россіи отъ свирѣпаго обуреванія, разливагося на всѣ состоянія... но благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ томныхъ дней. Заживаютъ раны отъ муки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ: ибо ангель, съ стороны кротости и милосердія, царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали; измѣрять по тому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя. Милый другъ, возблагодаримъ счастливое время и что въ немъ окончимъ нашъ вѣкъ!... Никогда я не думалъ увидѣть Неву, а всякій часъ ожидалъ быть отвезену въ крѣпость, что за оною, — въ которую заключаемы были больше по воображенію, чѣмъ по дѣламъ...» Такими словами привѣтствовалъ новую эпоху старикъ графъ Завадовскій въ письмѣ къ своему Лондонскому другу ¹⁾, и съ такими же чувствами радости встрѣтила новаго Государя не только мыслящая частица Россіи, боязненно оглядываясь на вчерашнее темное прошлое, но и безучастная съ виду масса народа, которая не

*) См. выше, стр. 305.

¹⁾ Отъ 13 Мая 1801 г., «Воронц. Архивъ» т. XII, стр. 264.

ковой жизни, изъ-подъ спуда опалы и вынужденнаго бездѣйствія, тѣ немногіе ветераны Екатерининской эпохи, старики-сановники, хранители ея завѣтовъ, равно какъ и лучшіе представители позднѣйшаго поколѣнія, свѣжія силы для государственныхъ работъ. Явились у дѣлъ графы Александръ Романовичъ Воронцовъ ²⁾, Завадовскій и Марковъ, Трощинскій, Державинъ; а вмѣстѣ съ ними люди, пользовавшіеся съ отроческихъ лѣтъ Государя личною его дружбою и призванные играть важную роль въ его начинаніяхъ: графъ П. А. Строгоновъ, сынъ извѣстнаго Екатерининскаго вельможи; Н. Н. Новосильцовъ, близкій его родичъ, поспѣшно вызванный изъ Лондона, гдѣ онъ прожилъ все Павловское время ³⁾; Полякъ, князь Адамъ Чарторижскій—изъ Италіи, съ номинальнаго посланническаго мѣста при Сардинскомъ дворѣ; графъ Викторъ Павловичъ Кочубей—изъ Полтавскаго его имѣнія, куда онъ долженъ былъ удалиться со службы въ исходѣ Павловскаго царствованія. Теперь въ одинъ строй становились вокругъ престола и старые, и молодые дѣльцы; но передовое мѣсто по вліянію заняли изъ нихъ сіи послѣдніе, какъ члены особаго келейнаго совѣта Государева....

Много трудной и спѣшной работы предстояло новому правительству, какъ по домашнимъ, такъ и по иностраннымъ дѣламъ. Внутри требовалось снять поскорѣе гнетъ ненужныхъ грозныхъ мѣръ предъидущаго царствованія и предпринять организаціонныя работы для необходимыхъ улучшеній по всѣмъ частямъ государственнаго управленія; извнѣ нужно было отклонить унаслѣдованныя отъ Павловской же политики столкновенія, готовые разразиться кровопролитіемъ. По внутреннимъ дѣламъ, съ 13 Марта по 13 Юня 1801 г., появилось двадцать четыре именныхъ указа, съ отмѣною разныхъ стѣснительныхъ мѣропріятій и съ возстановленіемъ отнятыхъ правъ у частныхъ лицъ, сословій, учрежденій; а вслѣдъ затѣмъ начались, при постоянномъ участіи самого Государя, дѣятельныя занятія по законодательнымъ вопросамъ, обсуждавшимся въ избранномъ кружку молодыхъ его наперсниковъ.

Въ какихъ же отношеніяхъ къ этимъ вліятельнымъ людямъ стоялъ графъ Семенъ Воронцовъ? Кочубей онъ любилъ издавна, и любилъ до вѣжной привязанности, оцѣнивая въ немъ рѣдкія способности и благородство души; съ Новосильцовымъ близко сошелся въ Лондонѣ и съ тѣхъ поръ велъ съ нимъ переписку, не прекращавшуюся до 1808 года. Благодаря этимъ отношеніямъ, которыя получили начало не изъ случайныхъ причинъ, а въ силу взаимнаго влеченія,

²⁾ Богдановичъ, «Ист. царств. Имп. Александра I-го», т. I, стр. 46.

³⁾ Онъ былъ приглашенъ 28 Апрѣля 1801 г., съ назначеніемъ присутствовать въ I-мъ департаментѣ Правит. Сената.

⁴⁾ Гр. П. А. Строгоновъ, двоюродный его братъ баронъ Г. А. Строгоновъ и бывший въ числѣ воспитателей Государя М. Н. Муравьевъ отправили, за общимъ подписомъ, слѣдующую Французскую записку къ Новосильцову, въ Лондонъ: «Мой добрый другъ, курьеръ сейчасъ ѣдетъ, и я имѣю время сказать вамъ только два слова: Императоръ Александръ I царствуетъ. Возвращайтесь, возвращайтесь, возвращайтесь». (Пыпинъ: «Обществ. движ. при Александрѣ I», прилож. къ 2-й главѣ, «Вѣстн. Евр.» 1874 г., Апр., стр. 715).

этимъ для него дополнялись ~~связи~~ связи съ немногими, шимися въ живыхъ, его сверстниками. Такимъ образомъ, онъ былъ въ состояніи пристально слѣдить за преобразовательнымъ движеньемъ и отзываться на него горячимъ сердцемъ. Лишь въ старости дождался онъ благодатной поры, когда могъ, наконецъ, высказывать безъ запинокъ свои убѣжденія, обращаясь притомъ къ особѣ самого Государя. Возможность эта досталась ему поздно, и мы увидимъ далѣе, какъ широко пользовался онъ правомъ свободного слова, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Дождался онъ также, съ воцареніемъ Александра, своевременной возможности для исполненія собственнаго желанія и завѣтной мечты сына: посѣтить отечество, послѣ долгаго отсутствія, и отдать своего юношу царской службѣ. Но ѣхать съ сыномъ было нельзя, ради посольскихъ дѣлъ. Старикъ рѣшился отправить сперва въ Россію одного графа Михаила Семеновича къ дядѣ его, который долженъ былъ познакомить молодаго человѣка съ общими ихъ друзьями и родными и хлопотать объ опредѣленіи его на дѣйствительную службу, обдумавъ ея выборъ (давно уже сдѣланный будущимъ фельдмаршаломъ въ пользу военнаго поприща).

Въ началѣ Мая 1801 года графъ Семень Романовичъ распростился съ сыномъ, въ первый разъ въ жизни. Молодой Воронцовъ отправился, наконецъ, въ ту невѣдомую, но милую его сердцу землю, къ которой любовь такъ плодотворно привита была ему отцомъ на чужбинѣ, что не оставалась отвлеченнымъ представленіемъ, но обратилась въ чувство живое и сильное, нуждавшееся только въ пересадкѣ на ту родную почву, гдѣ должно было развернуться воцѣлѣ. Старикъ понималъ это, чѣмъ и могъ утѣшать себя въ добровольной разлукѣ съ сыномъ. Но еще больше приносили ему утѣшенія хвалебные отзывы изъ Россіи ото всѣхъ, съ кѣмъ познакомился молодой Воронцовъ. Его благовоспитанность, умѣнье себя держать и чисто говорить на родномъ языкѣ, привлекательная наружность,—все это приводило въ восторгъ и стараго дядю, который справедливо гордился племянникомъ, и всѣхъ общихъ знакомыхъ. Лестные отзывы съ разныхъ сторонъ о графѣ Михаилѣ выразились въ такомъ задушевномъ тонѣ, что не допускаютъ сомнѣнія въ ихъ искренности. «Не полагалъ я», говорилъ старый гр. Завадовскій въ письмѣ къ Семену Романовичу, отъ 20 Мая 1801 г.—«не полагалъ я никакъ пережить судороги Россіи и начать счастливую эпоху утѣшеніемъ, увидя твоего прेमлага сына. Не могу изобразить того, съ какимъ чувствомъ зрю въ немъ образъ и душу твою: капля съ канлею воды не больше имѣютъ сходства, какъ онъ въ твоей молодости. Чѣмъ больше познаю его, больше удостоверяюсь въ томъ, что ты отецъ пресчастливейшій. Братъ твой весьма любитъся имъ, и всякъ, кто его видитъ, не обинуется сказать: вотъ образецъ воспитанія! Кромѣ прочаго, и то пріятно въ немъ, что, вывезенъ будучи груднымъ младенцемъ изъ Россіи, говоритъ и чисто, и свободно Русскимъ языкомъ, какъ бы выросъ на Руси. Я радуюсь и тому, что онъ въ первый разъ видитъ отечество въ такое время, когда и природный Англичанинъ не унываетъ бы въ немъ... Выговорю, не льстя тебѣ, что я моему сыну не желаю лучшаго благополучія, какъ уподобиться твоему во всемъ....» Въ другомъ письмѣ, отъ 1 Августа:

Каково сына, умножается во мнѣ радость отъ удостовѣренія въ томъ, какъ ты въ немъ отецъ преблагополучный. Въ отечествѣ своемъ, каковаго вывезенъ въ пеленахъ, онъ не иностранецъ: привязанъ къ оному и обращеніе въ обществѣ таково, какъ бы выросъ въ Руси. Сердце доброе и нѣжное, скромность не по лѣтамъ и разладокъ здоровый имѣеть, и о сихъ качествахъ предваряетъ всякаго чуждый видъ его. Господствуетъ въ немъ склонность, а лучше сказать, сильная страсть къ военной службѣ; но твой братъ не хотеть пускать его на Марсову дорогу, предоставляя тебѣ рѣшить сей шагъ». Русское направленіе у выросшаго на чужбинѣ юноши, отецъ котораго прослылъ отъявленнымъ Англومانомъ, пріятно бросалось въ глаза не одному графу Завадовскому. «Мнѣ остается васъ поздравить», писала къ старику Воронцову графиня Софія Владиміровна Панина, «съ даннымъ сыну вашему воспитаніемъ: умѣнье его объясняется съ такою легкостію порусски приводитъ въ удивленіе все здѣшнее общество и стыдитъ нашу молодежь, которая, во имя моды и хорошаго тона, не въ состояніи ни слова сказать на своемъ языкѣ, да и вообще не блистаетъ достоинствами, такъ что сношенія съ нею могли бы даже принести вредъ. Впрочемъ, съ этой стороны вамъ нечего бояться за вашего сына: у него, по видимому, столько благоразумія, что онъ не собьется съ указаннаго вами пути»⁵⁾.

Старый посолъ невыразимо былъ доволенъ успѣхами въ свѣтѣ своего сына, а еще болѣе привязанностію къ нему безсемеянаго дяди, графа Александра Романовича, который полюбилъ племянника съ истинно-отеческою нѣжностью. Въ своихъ отвѣтахъ брату графъ Семень не жеманился похвалявать и отъ себя сына, постоянно называя его «воп гагзон», юношею съ наилучшими качествами сердца. Онъ просилъ брата не стѣснять его въ выборѣ службы, но покуда занимать дѣловою перепискою и переводами бумагъ, для знакомства съ дѣлами и отечественными установленіями, чтобы приготовить его къ будущей полезной дѣятельности на любомъ поприщѣ⁶⁾.

Пора теперь сказать объ отношеніяхъ графа Семена Романовича къ лицамъ, которые управляли вѣдомствомъ, отъ котораго онъ зависѣлъ, т. е. Коллегією Иностранныхъ Дѣлъ.

На первыхъ порахъ новаго царствованія главнымъ дѣтелемъ былъ Петербургскій генераль-губернаторъ гр. фонъ-деръ Паленъ, человекъ, специально не приготовленный для роли руководителя по дипломати-

⁵⁾ Въ этомъ невыгодномъ мнѣніи о Петербургской молодежи сходился съ Паниными и отъявленный ихъ врагъ, графъ Ростопчинъ. Вотъ что писалъ онъ:

«Не нужно было имѣть много проницательности, чтобы подмѣтить въ вашемъ сынѣ всѣ добрыя отцовскія качества: это увидѣлъ-бы и всякій посторонній человекъ. Болѣе всего поразила меня въ немъ нравственная чистота, спокойствіе, ровность въ расположеніи духа (*le calme de son assiette*) и основательность сужденія. Боюсь только адскаго общества Петербургской молодежи. Вы, съ вашимъ отвращеніемъ отъ всего потрясающаго общественный порядокъ, были бы поражены окончательно, еслибъ увидѣли въ Петербургѣ юношей, достойныхъ быть пріемными сыновьями Робеспьера или Дантона».

⁶⁾ Въ Спб. въ 1801 году графъ Михайлъ Семеновичъ вступилъ въ военную службу, въ гвардію, въ Преображенскій полкъ.

наго министра, сообщивъ о своемъ отрицательномъ мнѣніи относительно тѣхъ, кто о нравственномъ характерѣ этого «генерала отъ кавалеріи» находя, притомъ, что и самое присутствіе его вблизи молодого государя не должно быть терпимо, точно также, какъ сообщество любовныхъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ⁷⁾. Графу Палену пришлось очень скоро оставить несвойственное ему положеніе при дворѣ и уступить мѣсто въ управленіи людямъ болѣе свѣдущимъ въ дѣлахъ политики и дипломатіи,—въ томъ числѣ графу Никитѣ Петровичу Панину, бывшему вице-канцлеромъ при Павлѣ, возвращенному изъ деревенской ссылки новымъ Государемъ, почти одновременно съ восшествіемъ его на престолъ. Графъ Панинъ получилъ въ свое завѣдываніе иностранныя дѣла, въ товариществѣ съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, который, впрочемъ, собственно высшими сношеніями не занимался. «Управленіе и кредитъ имѣеть по иностраннымъ дѣламъ Панинъ», писалъ гр. Завадовскій, въ Маѣ мѣсяцѣ, «человѣкъ отъ природы съ дарованіями и большимъ характеромъ». Съ этой же стороны разумѣлъ прежде молодого дѣльца и самъ Воронцовъ, считая его, притомъ, лично себѣ преданнымъ; но въ новое царствованіе скоро перемѣнилъ о немъ мнѣніе и вошелъ въ такія неладныя съ нимъ отношенія, которыя приняли острый характеръ вражды, выразившейся въ ожесточенной дѣловой полемикѣ.

Отношенія эти на столько занимали вниманіе графа Семена Воронцова и такое имѣли значеніе въ его глазахъ, что требуютъ возможно-подробной передачи, для чего нужно предварительно напомнить читателю тогдашнее состояніе политическихъ дѣлъ, о которомъ такъ отзывался С. М. Соловьевъ, въ своей книгѣ о политической дѣятельности Александра I-го: «Онъ (Государь) наслѣдовалъ войну съ Англіею, вражду съ Австріею, сближеніе съ Франціею и Пруссіею и нѣкоторыя тяжелыя для Россіи обязательства относительно государствъ второстепенныхъ»⁸⁾.

Непріязненные дѣйствія между Россіею и Англіею, вслѣдствіе разрыва, возникшаго при покойномъ императорѣ, готовы были открыться, когда вступилъ на престолъ его преемникъ, и Британскій флотъ находился уже въ Балтійскомъ морѣ, подъ начальствомъ адмирала Паркера. Первою заботою Александра Павловича было предотвратить войну дипломатическими переговорами, чего желалъ и Сентъ-Джемскій кабинетъ. Соглашеніе это, однакожъ, должно было устроиться не безъ участія союзныхъ съ Россіею державъ: Пруссіи, Швеціи и Даніи, по смыслу трактата, заключеннаго съ ними при Павлѣ; а между тѣмъ, Англичане и не подумали остановить наступательное движеніе морскихъ своихъ силъ противъ Даніи: корабли ихъ прошли черезъ Зундъ и, съ Нельсономъ во главѣ, стали громить Копенгагенъ⁹⁾. Это обстоятельство задержало ходъ мирныхъ переговоровъ со стороны Россіи. 6 Апрѣля и 2 Мая 1801 г., рескриптами на имя графа Семена Воронцова (еще при графѣ Паленѣ), Государь поручалъ объявить Англійскому правительству о твердомъ

7) «Воронц. Архивъ», т. X и XI, письма графа С. Р. къ брату, отъ 2-го Юля, и къ Новосильцову, отъ 6-го Мая и 13-го Юня 1801 г.

8) См. книгу С. М. Соловьева, гл. I, стр. 15.

9) 2-го Апрѣля 1801 года.

указано было нас... воевать прекращенія нападковъ на Давію и Швецію... Пока стояли на очереди эти спорные вопросы, Русское правительство не торопилось снять запрещеніе съ русскихъ судовъ, и даже подтвердило заключенную при Павлѣ морскую конвенцію съ упомянутыми союзными державами, въ духѣ Петербургской системы вооруженнаго нейтралитета. Дѣло пошло на разладъ. Демонстрація Англій, въ видѣ крейсировки ея флота, подъ командою Нельсона, стоявшаго на якорѣ у Ревельскаго рейда, вызвала горячій протестъ Александра I-го и едва было не сдѣлалась причиною неразрѣшимыхъ усложненій въ этомъ дѣлѣ. Но оба Воронцовы, — одинъ въ Петербургѣ, другой въ Лондонѣ, — всячески хлопотали о смягченіи нашихъ требованій. Скоро послѣдовало удаленіе графа Палена, и въ Маѣ 1801 г. снято было запрещеніе ¹⁰⁾, а 17 Іюня состоялся формальнымъ образомъ миръ съ Англіей, что не помѣшало Россіи заключить въ Парижѣ, 1-го Октября того же года, мирный трактатъ съ Франціей, съ которою, до тѣхъ поръ, послѣ прекращенія Суворовской кампаніи 1799 года, не было совершено этого дипломатическаго акта и которая не покончила еще войны своей съ Англіей.

Такое направленіе Русской политики, сперва подѣ влияніемъ графа Палена, а затѣмъ графа Панина, не совсѣмъ отвѣчало видамъ и заднимъ мыслямъ Англій, да не могло быть сочувственно и графу С. Р. Воронцову, непоколебимому въ своемъ политическомъ догматѣ о тѣснѣйшей связи между Россіей и Англіей, связи болѣе чѣмъ когда-либо необходимой, въ виду грозившей цѣлому міру Франціи съ ея властолюбивымъ вождемъ, Бонапартомъ.

Не въ свойствахъ графа Семена Воронцова было таить впечатлѣнія отъ подобной постановки дѣла. Онъ поспѣшилъ излить свои мысли въ одновременно-написанныхъ письмахъ (6 Мая 1801) къ Государю, къ Новосильцову и къ Панину и исповѣдалъ свою политическую программу во всѣхъ ея подробностяхъ. Письмо къ Государю содержало въ себѣ довольно пространный обзоръ торговыхъ и государственныхъ сношеній нашихъ съ Великобританіей, сопровождавшійся доводами о выгодахъ ихъ для той и другой стороны и о необходимости всевѣрно поддерживать ихъ во всякое время, а тѣмъ болѣе при современномъ положеніи вещей, когда мы нуждаемся въ содѣйствіи первостепенной морской державы, будучи сами въ невозможности достигнуть въ будущемъ соразмѣрнаго развитія морскихъ силъ, нужныхъ намъ только для обороны отъ Швеціи на Балтійскомъ морѣ. Тѣ же мысли проводились въ остальныхъ письмахъ, особенно къ графу Панину, съ заявленіемъ, что онъ, графъ Воронцовъ, вмѣняетъ себѣ въ священную обязанность вѣрноподданаго высказывать царю своему безбоязненно и прямо мнѣнія по доходящимъ до него, посла, государственнымъ вопросамъ. Съ гордымъ сознаниемъ выполненнаго

¹⁰⁾ Снятие амбарго замедлялось первоначально желаніемъ нашего правительства, чтобы прежде того Англійскій флотъ вышелъ изъ Балтійскаго моря и чтобы возвращены были захваченныя Англичанами Датскія и Шведскія суда; но, кажется, условія эти не были официально предъявлены и остались лишь въ проектѣ. Англійскимъ купцамъ и судорабочимъ (арестованнымъ при Павлѣ), при снятіи амбарго, возвращена была свобода, съ денежнымъ вознагражденіемъ за понесенные убытки.

ніе во многихъ случаяхъ, не только при Екатеринѣ, но и при Ялѣ, когда для пользы дѣла онъ не побоялся отклоняться отъ первоначальнаго исполненія высочайшихъ повелѣній. Возражая на первоначальныя дѣйствія нашего правительства при новомъ Государѣ относительно Англіи, посоль жаловался на подтвержденную, по ошибочнымъ внушеніямъ Палена, морскую конвенцію съ сѣверными державами, досадную для Англіи и тягостную для насъ самихъ, по обязательствамъ содѣйствовать нашими средствами исключительно интересамъ Даніи и Швеціи, всегда готовой вредить намъ при всякомъ сподручномъ случаѣ ¹¹⁾. Сѣтовалъ онъ также на замѣтную склонность Русской дипломатіи къ сближенію съ Пруссіей; а въ письмѣ къ Новосильцову, между прочимъ, говорилъ, что не смущается опасеніемъ прогнѣвить Государя своимъ длиннымъ письмомъ, въ надеждѣ, что Его Величество помнитъ примѣръ Петра Великаго, который требовалъ отъ служащихъ лицъ откровеннаго выраженія правды.

Отвѣтъ Государя вполне удовлетворилъ этимъ ожиданіямъ. Еще прежде того, Государь съ необычайною благосклонностью отзывался о мнѣніяхъ графа Воронцова и отдавалъ справедливость усердію его; теперь же, на письмо Воронцова (отъ 6 Мая) онъ изъявлялъ свое удовольствіе, благодарилъ за высказанныя истины, «которыя, къ несчастію монарховъ, никогда почти не доходятъ до престола», и приглашалъ продолжать высказывать ихъ съ тѣмъ же чистосердечіемъ, а въ заключеніе, давалъ знать, что морская конвенція съ сѣверными державами пересматривается, для многихъ въ ней измѣненій, предположенныхъ, отчасти, на основаніи разумныхъ (sages) замѣчаній графа Воронцова.

Старый посоль, благословляя великодушныя качества молодаго Государя, съ восхищеніемъ хвалился брату милостивыми его письмами, заявляя ревностную готовность служить Царю, «котораго испослалъ Господь на спасеніе бѣдствовавшей дотолѣ Россіи»,—и желаніе свое «имѣть тысячу жизней, чтобы жертвовать ими Александру Первому». Тѣмъ не менѣе, онъ молилъ судьбу дать юному Монарху благонамѣренныхъ сотрудниковъ и толковыхъ, честныхъ исполнителей, безъ которыхъ всѣ благія начинанія останутся напрасными, особенно если подносимые Государю распорядительные проекты будутъ зависѣть въ ихъ разрѣшеніи отъ единоличнаго представленія докладчика-министра. Во избѣжаніе первоначальнаго, односторонняго направленія дѣлъ, графъ Семенъ Воронцовъ предлагалъ прави-

¹¹⁾ По вопросу о смежныхъ съ Россіею государствахъ, гр. С. Р. Воронцовъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гр. Панину (28 Мая 1801 г.), доказывалъ, что наилучшій нашъ сосѣдъ, кого мы сами вѣчно задирали на драку,—это ослабѣвшая, но необходимая Турція: ее нужно-де защищать и отъ Франціи (о чемъ въ то время усиленно старалась Англія), и отъ Австріи, не помышляя расширять наши границы на счетъ Порты, ибо дальнѣйшее углубленіе окраинъ Россіи только ослабило бы ее и даже повело бы къ паденію.... Швецію же рекомендовалось держать въ положеніи, возможно-подавленномъ, не давая ей усиливаться ни подъ какимъ видомъ и, въ тоже время, щадя ее; ибо сущность государственныхъ силъ великой державы въ томъ, что онѣ бываютъ двойныя: или непосредственныя, или относительныя; а эти послѣднія обусловливаются присутствіемъ слабыхъ сосѣдей, которыхъ, потому, нужно беречь.

на дѣлѣ, чтобы доклады министровъ разсматривались, при являлись и утверждались Высочайшимъ повѣтомъ Государя, въ его присутствіи и подъ его предсѣдательствомъ, для сохраненія единства дѣятельности въ общей системѣ правительственныхъ дѣйствій. «Умъ одно, а два лучше», твердилъ онъ по этому поводу. Мысль о сообщительномъ разрѣшеніи дѣлъ сдѣлалась у него господствующею, онъ безпрестанно говорилъ о томъ въ письмахъ къ министрамъ и къ самому Государю. Въ особенности участилъ онъ свои заявленія съ тѣхъ поръ, какъ обозначилась съ достаточною ясностію политическая программа графа Панина, расходящаяся съ убѣжденіями обоихъ братьевъ Воронцовыхъ и какъ бы продолжавшая систему знаменитаго Екатерининскаго сановника, графа Никиты Ивановича Панина, роднаго дяди графу Никитѣ Петровичу.

Мы говорили уже о сношеніяхъ Семена Воронцова съ графомъ Панинымъ, когда тотъ былъ при Павлѣ сперва посланникомъ въ Берлинѣ, а потомъ вице-канцлеромъ, и должны теперь напомнить, что сношенія эти съ обѣихъ сторонъ были очень пріязненны. Молодой, образованный, отменно трудолюбивый дипломатъ показывалъ большую преданность графу Воронцову и вниманіе къ его мнѣніямъ, охотно сообщалъ ему свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ, еще охотнѣе обращался къ нему съ вопросами, въ тонѣ любознательнаго ученика передъ наставникомъ. Благопріятное мнѣніе Воронцова о графѣ Панинѣ не могли пошатнуть и враждебные отзывы о немъ графа Ростопчина, который возненавидѣлъ этого человѣка (кажется по взаимной между ними антипатіи) и даже не на шутку ревновалъ къ нему графа Семена Романовича. Все это было въ царствованіе Павла, при Александрѣ же добрыя отношенія Воронцова съ Панинымъ улетучились чрезвычайно быстро.

Причины этой переменны, по объясненію С. М. Соловьева, могли быть у графа Воронцова вызваны не однимъ только разномысліемъ съ вице-канцлеромъ по вопросамъ политики, но и чисто-личными побужденіями, какъ-то: старческимъ недовольствомъ посла на нѣсколько-зависимое положеніе его отъ младшаго по лѣтамъ и службѣ человѣка, который помнилъ недавнимъ еще мальчикомъ; а сверхъ того, и предубѣжденіями, навѣянными изъ порицательныхъ отзывовъ объ этомъ человѣкѣ графа Александра Воронцова. Но первое изъ этихъ двухъ предположеній, подразумевающее черту мелочной зависти, свойственной пошлымъ натурамъ, рѣшительно не вяжется съ основными качествами въ характерѣ графа Семена Романовича, на сколько качества эти выясняются для насъ всѣми изданными бумагами его архива; а второе, гораздо болѣе правдоподобное, не представляется безотносительнымъ, потому что отзывы графа Александра Воронцова о графѣ Панинѣ должны были, въ свою очередь, исходить изъ несочувственнаго старику образа дѣйствій министра, какъ должностнаго лица. Остается заключить, что личные непріязненные чувства графа Семена Воронцова къ графу Панину были не причиною, а послѣдствіемъ ожесточенной борьбы изъ-за несходства въ политическихъ воззрѣніяхъ.

«Панинъ» (говоритъ С. М. Соловьевъ) «еще въ царствованіе Павла имѣлъ неосторожность высказать графу Семену основанія своей политической системы. Эта система состояла въ союзѣ съ Англіею, Пруссіею и Портою Оттоманскою». «По моимъ принципамъ,—писалъ Панинъ,—надобно обуздывать честолюбіе Австріи политикою Екате-

кабинета, чрезъ графа Моркова, посредничествѣ Россіи въ примиреніи Турціи съ Франціей. Извѣщенное объ этомъ своимъ посланникомъ при Петербургскомъ дворѣ Англии, въ Петербургѣ, въ августѣ 1798 года, взволновалось этою новостью, какъ обвѣщавшею въ будущемъ усиленіе Французскаго вліянія на Порту, и самъ король Георгъ III вошелъ по этому предмету въ продолжительное объясненіе съ графомъ Воронцовымъ, въ Веймутѣ, куда тотъ явился къ нему для предьявленія новыхъ своихъ кредитивныхъ грамотъ. Бесѣда началась съ королевскаго вопроса послу: въ какихъ выраженіяхъ дано ему знаніе о предложенномъ Франціи Русскомъ посредничествѣ, которое столь несоотвѣтственно интересамъ Великобританіи, и когда гр. Воронцовъ долженъ былъ отвѣчать, что ему ничего не писали объ этомъ, то король, выразивъ свое удивленіе, началъ излагать многословныя возраженія на такое дѣйствіе Петербургскаго кабинета. Онѣ заключались въ томъ, что хотя покойный императоръ Павелъ предлагалъ Бонапарту это посредничество, когда былъ особенно раздраженъ противъ Англіи; но нельзя не удивляться, что Александръ I продолжаетъ отцовскую политику при возстановленіи мирныхъ отношеній съ Англіею и, отстраняя эту державу отъ участія въ дѣлѣ, касающемся союзной ей Турціи, ставитъ Порту въ опасность отъ притязаній Франціи, которая не упуститъ случая распространить прибыльную для себя торговлю съ Левантомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвинетъ на революціонныя затѣи Христіанскихъ подданныхъ султана, къ сущей гибели Турціи... Въ своихъ доводахъ Георгъ III пуще всего страдалъ Россію этою опасностью, то есть, возможностью вызвать возстаніе въ Греціи, откуда движеніе «проклятой революціи», возбужденное въ Эпирѣ, Македоніи, Босніи и Болгаріи, можетъ проникнуть въ Валахію и Молдавію и коснуться предѣловъ Россіи. «Если Его Величество Императоръ» (такъ закончилъ свою іереміаду Георгъ III) желаетъ спасти небезопасную для него Турцію, то пусть отговоритъ ее отъ отдѣльной мирной сдѣлки съ Франціей и посоветуетъ не отставать отъ Англіи, которая не преминетъ оградить трактатомъ интересы Турціи, въ то время, когда сообщая съ нею будетъ сама мириться съ Франціей»....

Все это было высказано графу Воронцову собственно для донесенія Государю, что посолъ немедленно и сдѣлалъ; но это нисколько не подѣйствовало на Петербургскій кабинетъ, что конечно ставило графа С. Р. Воронцова въ неудобное положеніе, давая поводъ въ Англіи сомнѣваться если не въ доброй волѣ его для направленія дѣлъ по желанію тамошняго правительства, то въ силѣ служебнаго его вліянія. Кромѣ того, на ряду съ Турецко-Французскимъ вопросомъ, стоялъ еще Прусско-Ганноверскій, по которому, не смотря на всѣ представленія графа Воронцова, Россія не помѣшала Пруссіи удерживать въ своихъ рукахъ занятый ею Ганноверъ, при чемъ въ Берлинѣ дѣлали еще видъ, какъ будто поступаютъ такимъ образомъ въ угоду Россіи... А между тѣмъ, графъ Гаугвицъ, Прусскій министръ, получилъ Андреевскую ленту.

По предположенію графа Воронцова, всѣмъ этимъ орудовалъ графъ Никита Петровичъ, неуклонно слѣдуя своей политической доктринѣ, которая намѣтила цѣли, противоположныя тѣмъ, какія старый посолъ считалъ наиболее полезными своему отечеству: не даромъ де вице-канцлеръ облакалъ такую таинственностью послѣднія сношенія Русскаго двора съ иностранными!

извиненія передъ Бонапартомъ; что мы не въ ссорѣ съ Англіей, а мы менѣе находимъ нашъ посолъ неопредѣленные обязанности, а именно лашались сара, этой, для уясненія которыхъ объ отъ всякихъ войнъ съ завѣщаніемъ въ специальныхъ инструкціяхъ. ство во внутреннія дѣла другихъ Романовичъ возвращался къ своей у нихъ образъ правленія; исполнительныхъ (и всякихъ годовыхъ доставшихся отъ прежняго времени дипломатическихъ (и всякихъ годовыхъ не совсѣмъ выгодныхъ для Россіи; въ выраженія «император-между великими державами и водвореніи Русскихъ дипломатическихъ товность забыть прошедшее, чтобы покоемъ названіемъ приходилось и совмѣстно съ нею изыскать мѣры къ воличное министерское употребившихъ отъ Французскихъ завоеваній Пруссію къ этому плану умиротворенія; содѣланныхъ обстоятель-независимости и безопасности Германіи; намѣренія заявленія противъ ные переговоры съ правительствомъ перваго консула республики, подъ условіями, если оно позаботится изгладить причиненный революціею, откажется отъ завоевательныхъ стремленій, упрочить себя призваніемъ правъ другихъ правительствъ, для поддержанія основъ Европейскаго равновѣсія и не сочтетъ угрозой для себя сближеніе Россіи съ дворами Вѣнскимъ и Лондонскимъ; — въ противномъ же случаѣ, заявлялась твердая рѣшимость отстаивать всѣми силами оглашаемая начала. Этотъ циркуляръ Государя посланникамъ, между прочимъ, заключалъ въ себѣ такой пунктъ: «Я не упоминаю здѣсь ни о положеніи моихъ дѣлъ съ Великобританіей, ни объ интересахъ имперіи моей по отношенію къ этой державѣ, такъ какъ то и другое вамъ небезызвѣстно и составляетъ предметъ особыхъ отъ меня указаній, откуда можете вы почерпнуть свѣдѣнія, какія оказались бы вамъ нужными, дабы дѣйствія наши были постоянно сообразны съ общими правилами, начертанными въ настоящей инструкціи, а равно и съ отношеніями моими къ другимъ державамъ».

Графъ Семень Романовичъ Воронцовъ сильно огорчился содержаніемъ этой инструкціи, которую, разумѣется, счелъ произведеніемъ графа Панина. Съ увлеченіемъ, дошедшимъ до степени крайняго раздраженія, онъ принялся опровергать инструкцію, доказывая, въ необычайно-рѣзкихъ выраженіяхъ, несостоятельность циркуляра въ самой его идеѣ и неудовлетворительность въ формѣ редакціонной. Онъ составилъ пространную записку, гдѣ ожесточенно нападалъ на всю инструкцію, отъ начала до конца. Отбрасывая здѣсь тѣ изъ нихъ, которые содержали въ себѣ придирки къ обмолвкамъ и промахамъ въ изложеніи, укажемъ только на возраженія, касающіяся внутренней сущности дѣла ¹⁴⁾.

Графъ Воронцовъ возставалъ противъ торжественнаго обѣщанія подчиниться невыгоднымъ для имперіи и неудобоосуществимымъ обязательствамъ, опрометчиво допущеннымъ въ прежнее царствованіе, порицая въ особенности условія морской конвенціи, выгодной только для нѣкоторыхъ государствъ, съ коими вмѣстѣ, подъ общимъ наименованіемъ «сѣверныхъ державъ», циркуляръ смѣшиваетъ, унижительнымъ образомъ, неравную имъ великую Русскую имперію.

¹⁴⁾ Мы тѣмъ болѣе полагаемъ излишнимъ передать основанія этихъ возраженій, что въ упомянутомъ выше трудѣ С. М. Соловьева о нихъ говорится вскользь, въ нѣсколькихъ лишь словахъ.

честь и достоинство мои требуютъ, чтобы я не отягчалъ духъ державъ, находившихся въ опасности, вслѣдствіе признанія независимости по-бужденію съ нашей стороны».

«Вотъ къ чему собственно относятся просто опаснымъ, вслѣдствіе выте-камъ графъ Панинъ, а отнюдь не къ намъ прилагать этотъ принципъ къ-дѣйствительнымъ соображеніямъ о выгодахъ для насъ Пруссіи и Австріи, а для нихъ тому, что долженъ былъ соблюсти Польшу, если-бъ этотъ край воз-для себя; ибо, при допущеніи Императора и поставилъ у себя само-имъ такой видъ, какъ будто оленіе... Кромѣ того, возраженія Ворон-вступившимъ въ Балтійское море нашимъ правительствомъ несбыточное-говаго трактата съ Швеціей однимъ видамъ Австрію и Пруссію, не смот-съ Англіей и за отступивъ ихъ и взаимную глубокую ненависть. Точно-выгодныхъ для Швеціи, немислимо предполагать въ этихъ двухъ дер-отказываться-ожидалъ какую-нибудь готовность послужить общей съ Россіей цѣли-о благо Европы, когда каждая изъ нихъ своекорыстно заботится-лишь о собственныхъ насущныхъ интересахъ, что подтверждается,относительно Австріи, недавно заключеннымъ ею Люневильскимъ-трактатомъ, а относительно Пруссіи вѣчно коварными стремленіями-ея министровъ, обрабатывающихъ государственныя дѣла своей стра-ны подъ давленіемъ Бонапарта, помимо безличнаго по характеру-короля Фридриха-Вильгельма III. Исходя изъ этого заключенія, гр.Семень Романовичъ, по вопросу о планѣ вознагражденія обобра-ныхъ Бонапартомъ государствъ, отрицалъ всякую вѣроятность об-щаго равноправнаго дѣйствія: съ одной стороны между Франціей,которая всевластно хозяйничала въ Германіи и Италіи, а съ другой-стороны между работящей передъ Французскимъ хищникомъ-Австріей и, особенно, Пруссіей.

Но болѣе всего графъ Воронцовъ негодовалъ на формальное веде-ніе нами переговоровъ съ Франціей, какъ представительницею поли-тики насилій, захватовъ и революціонныхъ интригъ. Не довѣряя ни на волосъ темной личности перваго консула, онъ считалъ всякіе пе-реговоры съ его незаконнымъ правительствомъ нецѣлесообразными и недостойными Россіи. Онъ утверждалъ, что для насъ не настоятъ ни малѣйшей надобности связывать себя понапрасну особыми мир-ными условіями, если и безъ нихъ мы можемъ оставаться спокой-ными, прекративъ только собственныя наступательныя дѣйствія, какъ это было при Павлѣ, послѣ кампаніи 1799 года, да еще прежде, при Елисаветѣ, съ 1745 по 1756 г., когда перерывъ всѣхъ сношеній съ Франціей также не довелъ насъ до войны съ нею¹⁵⁾. Графъ Ворон-цовъ считалъ ниже величія Россіи, ниже ея достоинства странную оговорку циркуляра на счетъ того, что возстановленіе мирныхъ от-ношеній между нашею имперіей и Великобританіей не покажется Бо-напарту признакомъ непріязненныхъ противъ Франціи замысловъ Россіи: ибо подобная оговорка имѣла смыслъ какъ бы косвеннаго

¹⁵⁾ Что графъ С. Р. Воронцовъ, сѣтуя на веденіе мирныхъ переговоровъ съ Франціей, въ тоже время не желалъ съ нею войны, это видно изъ одного письма его къ гр. Ал. Ром., гдѣ онъ доказывалъ необходимость долгаго мира для Россіи, выражая сожалѣніе о Екатерининскихъ войнахъ, которыя, по его мнѣнію, слишкомъ обезсилили Россію тѣмъ, что надолго задержали и отодви-нули внутреннее ея процвѣтаніе. (См. письмо отъ 12 Октября н. ст. 1801 г., «Воронц. Архивъ», т. X).

извиненія передъ Бонапартомъ; что мы не въ ссорѣ съ Англіей. Мнѣ менѣе удивительнымъ находилъ нашъ посоль неопредѣленные обязанности, въ отношеніи Россіи, для уясненія которыхъ производились нарочныя справки въ специальныхъ инструкціяхъ. Въ концѣ концовъ, графъ Семенъ Романовичъ возвращался къ своей любимой мысли о производствѣ дипломатическихъ (и всякихъ государственныхъ) дѣлъ порядкомъ совѣщательнаго обсужденія въ царскомъ совѣтѣ, обличая несообразность выраженія «императорскій кабинетъ», употребляемаго въ Русскихъ дипломатическихъ актахъ, когда подъ этимъ собирательнымъ названіемъ приходилось подразумѣвать не болѣе, какъ только одноличное министерское управленіе.

Записка графа Семена Воронцова, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, конечно имѣла свои основанія, въ смыслѣ заявленія противъ вреднаго сближенія Россіи съ Франціей; но, по жесткой формѣ своей, она казалась вызванною чувствомъ личной вражды къ министру; именно такой видъ былъ приданъ этой запискѣ самимъ ея авторомъ, который рѣшился представить ее Государю.

«Основные положенія Воронцова» (говоритъ С. М. Соловьевъ) были: иностранныя дѣла должны обсуждаться предъ Государемъ, а не поручаться одному лицу; этимъ довѣреннымъ лицомъ никакъ не можетъ быть Панинъ. Громя инструкцію, графъ Воронцовъ давалъ видъ, что приписываетъ ее одному Панину, выдѣляя совершенно Императора, что для послѣдняго могло быть не менѣе оскорбительно. Но Воронцовъ сослался на письмо Александра, гдѣ тотъ писалъ ему: «я долженъ васъ благодарить за то, что вы сочли меня достойнымъ внимать истинѣ; жду отъ вашей вѣрности и отъ вашего патріотизма, что вы будете продолжать говорить мнѣ съ тою же прямою». Александръ не отрекся отъ этихъ требованій своихъ... и въ доказательство, съ какимъ удовольствіемъ будетъ онъ принимать все, что напишетъ ему человекъ такихъ лѣтъ, такой опытности и такихъ заслугъ, какъ Воронцовъ, Императоръ вошелъ въ объясненія по поводу его письма»¹⁶⁾.

«Я признаю вмѣстѣ съ вами», отвѣчалъ Государь, «полезность совѣщательнаго обсужденія дѣлъ, и если ограничивался до сихъ поръ работою въ кабинетѣ, порознь съ каждымъ изъ моихъ министровъ, то отчасти потому, что засталъ этотъ порядокъ отправления дѣлъ установившимся и не хотѣлъ его нарушить до тѣхъ поръ, пока опытъ и болѣе удобное время не дадутъ мнѣ возможности подумать о полезномъ измѣненіи. Въ этихъ видахъ, я помышлялъ уже, до отъѣзда моего въ Москву, завести болѣе послѣдовательность въ докладахъ, вносимыхъ въ Совѣтъ о политическихъ дѣлахъ, что, я надѣюсь, и состоится, при возможно-частомъ присутствіи моемъ въ засѣданіяхъ Совѣта, куда будутъ передаваемы всѣ дѣла, какія я сочту сколько-нибудь важными. Касательно торговаго договора съ Швеціей и заботливаго вниманія, мною оказаннаго какъ этой державѣ, такъ и Даніи, не затрудняюсь согласиться въ томъ, что, быть можетъ, и приложилъ слишкомъ много старанія быть имъ полезнымъ; но нужно сообразоваться съ временемъ и обстоятельствами. При вступленіи моемъ на престолъ, Россія была связана обязательными условіями съ этими двумя государствами, которымъ, какъ и ей самой, угрожала Англія. Рѣшившась тотчасъ-же уладить счеты съ этою послѣднею, я полагаю, что

¹⁶⁾ См. книгу С. М. Соловьева, ч. I, гл. I, стр. 21—22.

естественное достоинство мои требую, чтобы я не отчуждался отъ двухъ державъ, находившихся въ опасности вслѣдствіе того, что они вступили въ побужденію съ нашей стороны».

«Вотъ къ чему собственно относится то колебаніе, о которомъ писалъ вамъ графъ Панинъ, а отнюдь не къ сомнѣніямъ моимъ въ основательности вашихъ соображеній о выгодахъ для насъ связей съ Англіею. Я колебался потому, что долженъ былъ соблюсти мои обязательства, хотя бы съ ущербомъ для себя; ибо, при допущеніи уступокъ Англіи, не приличествовало давать имъ такой видъ, какъ будто онѣ исторгнуты боязнію передъ ея флотомъ, вступившимъ въ Балтійское море. Что же касается до моей ратификаціи торговаго трактата съ Швеціей, то я полагалъ, что, за открытіемъ переговоровъ съ Англіею и за отступленіемъ отъ началъ вооруженнаго нейтралитета, столь выгодныхъ для сѣверныхъ державъ, я долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, не отказываться отъ этой сдѣлки въ пользу Швеціи, если трактатъ этотъ уже ожидалъ себя ратификаціи за нѣсколько недѣль до того времени, какъ я принялъ бразды правленія; но, при всякомъ иномъ положеніи вещей, а въ особенности нынѣ, когда опытность болѣе освоиваетъ меня съ этимъ предметомъ и когда представляющіяся мнѣ недоумѣнія начинаютъ выясняться, я конечно не смѣшаю интересовъ Русскихъ съ интересами сѣверныхъ державъ. Я особенно посвящу себя изученію системы національной, т. е., системы, основанной на выгодахъ своей страны, а не на предпочтительныхъ отношеніяхъ къ той или другой чужой державѣ, какъ это часто случалось. Я буду, если увижу въ томъ пользу для Россіи, падить и съ Франціей, точно также, какъ сознаніе пользы побуждаетъ меня теперь вести дружбу съ Великобританіей».

«Столь же чистосердечно скажу вамъ, что лично я не убѣжденъ въ основательности мнѣнія короля Англійскаго по поводу мира между Портою Оттоманскою и Франціей. Увѣренный въ томъ, что участіе Турокъ въ войнѣ не имѣетъ особенной важности и, за всѣми ихъ усиліями, не заставитъ Французовъ возвратитъ имъ Египетъ, я полагалъ, что мнѣ не слѣдовало отказываться отъ продолженія содѣйствія нашего къ желательному самою Турціей примиренію ея съ Франціей, послѣдствіемъ чего была-бы отдача Туркамъ Египта. Безъ этого, Турки сами завязали бы мирные переговоры. Но болѣе всего подвинуло меня къ посредничеству искреннѣйшее желаніе, воспринятое мною съ первой-же поры: увидѣть возстановленіе всеобщаго мира и спокойствія¹⁷⁾. Это же самое желаніе равномѣрно побудило меня зваться и Англіи съ моимъ посредничествомъ, при чемъ, безъ сомнѣнія, приложено было бы съ моей стороны все усердіе, внушенное тѣми чувствами, какія я питаю къ особѣ его Британскаго величества»....

«Спокойный тонъ» (продолжаетъ С. М. Соловьевъ), который господствовалъ въ письмѣ Государя, въ сравненіи съ раздражительностію и страстностію, отличавшими письмо подданнаго, придавалъ письму Александра особенное величіе, и объясненіямъ Императора—особенную вѣскость. Воронцовъ не могъ не почувствовать всей силы урока, который данъ былъ ему, старику, очень молодымъ Государемъ, не смотря на всѣ увѣренія послѣдняго въ своемъ уваженіи и довѣрїи къ лѣтамъ и опытности заслуженнаго вельможи. Особенно

¹⁷⁾ „Когда въ Англіи убѣдились“ (говоритъ г. Фирсовъ въ своей статьѣ „объ отношеніяхъ Англіи и Россіи въ царств. Александра I-го, напечатанной въ „Древн. и Нов. Россіи“ за 1878 г., кн. 3), „что Александръ I серьезно занялся такою задачею, надъ нимъ просто стали смѣяться. Россія была нужна Англіи для борьбы съ Наполеономъ.... Планы объ умиротвореніи Европы счѣтали утопией и относились даже съ непростительнымъ пренебреженіемъ къ дипломатическимъ сношеніямъ съ Россіей. Это признаютъ и въ Англіи даже сами Англичане того времени: Malmesbury, Jackson, Stewart“.

извиненія передъ Государемъ, что мы не могли видеть, которая исключаетъ мнѣнїе, что въ случаѣ, если бы другой державѣ, преслѣдуя Панина, встрѣтился съ борцомъ болѣе сильнымъ, и что судимость инструкціи принадлежала не Панину, а самому Александру, готовому защищать ее»¹⁸⁾.

Къ этимъ словамъ прибавлять нечего... Дѣйствительно, въ описанномъ случаѣ графъ Воронцовъ зашелъ слишкомъ далеко съ своими политическими увлеченіями, да и вообще въ полемикѣ съ вице-канцлеромъ не выказалъ терпимости, такъ рѣдко встрѣчаемой у стариковъ и юношей. Онъ не скупился на колкіе упреки графу Панину, и тотъ не могъ его обезоружить ни церемонною умѣренностью въ выраженіяхъ, ни уклончивостью въ защитѣ своихъ мнѣній и поступковъ: напротивъ, эта сдержанность, въ глазахъ горячаго антагониста, обличала яко бы явное лицемѣріе, или внутреннее сознаніе неправоты. Однако, графъ Панинъ выдержалъ свой чинный тонъ до конца, и только тамъ, гдѣ шла рѣчь о графѣ Ростопчинѣ, обнаруживалъ всегда энергію жгучей ненависти; да однажды, въ письмѣ къ самому послу, объясняя причину его къ себѣ перемѣны предубѣжденіями со словъ графа Александра Воронцова, высказался холодно-пренебрежительно о мнѣніяхъ и образѣ дѣйствій сего послѣдняго, давая чувствовать, что тотъ сначала пытался было забрать его въ руки, но осѣкся и сталъ всячески ему вредить, изъ оскорбленнаго самолюбія¹⁹⁾.

До какой степени гр. С. Р. Воронцовъ считалъ себя въ правѣ не довѣрять добросовѣстности своего противника, видно изъ того, что онъ ожидалъ съ его стороны злостныхъ перетолкованій передъ Государемъ о такомъ обстоятельстве, которое могло лишь свидѣтельствовать о пріобрѣтенной нашимъ посломъ извѣстности въ Англии. Меръ и альдермены Соутгамптона.—любимаго лѣтняго мѣстопробыванія гр. Воронцова, въ знакъ высокаго своего уваженія, предложили ему званіе почетнаго гражданина ихъ города, на что старикъ охотно согласился, такъ какъ принятіе чисто-номинальнаго званія не требовало отъ него присяги и не обязывало ровно ни къ чему. За всѣмъ тѣмъ, онъ скоро спохватился, изъ боязни навѣтовъ графа Панина, и просилъ брата предупредить ихъ словеснымъ докладомъ объ этомъ самому Государю. Однимъ словомъ, всѣ письма старика, писанныя къ разнымъ лицамъ въ теченіи семи-восьми мѣсяцевъ 1801 года (съ Апрѣля по Ноябрь), наполнены горячими обличеніями графа Панина, то въ неспособности и неумѣлости, то въ двуличіи. Читая эти письма, подумаешь, что едва ли кто-либо на свѣтѣ могъ заронить въ чловѣкѣ, столь благодушномъ и добросердечномъ, такую ожесточенную непріязнь, какъ политическій его противникъ, хотя непріязнь эта возникла и разрослась вовсе не на почвѣ личныхъ отношеній и личной антипатіи, а, такъ сказать, за глазами: вслѣдствіе

¹⁸⁾ Ч. I, гл. I, стр. 23.

¹⁹⁾ Графъ Александръ Романовичъ впоследствии очень тревожился непріятною перепискою брата съ гр. Панинымъ и совѣтовалъ первому быть въ ней умѣреннѣе, особенно послѣ того, какъ графъ Панинъ сталъ разглашать въ Петербургѣ о нескромныхъ прежнихъ письмахъ къ нему графа Семена про царствованіе Павла. Но въ этомъ родѣ нескромности были тогда взаимны, какъ со стороны Воронцова, такъ и Панина, и даже со стороны послѣдняго въ большей степени, что можно видѣть изъ предыдущей главы нашего труда.

дѣлать уступокъ въ своемъ образѣ мыслей. Это свойство, не всегда лишнее въ министрѣ, всегда неумѣстное въ чловѣкѣ придворномъ, по видимому, и было причиною паденія гр. Панина, чему конечно, а не борьбѣ своей, былъ обязанъ гр. Семень Романовичъ торжествомъ надъ противникомъ. Въ послѣднихъ строкахъ отвѣта на критику Юльскаго циркуляра, Государь писалъ послу, что графъ Панинъ самъ оставилъ дѣла, удалившись отъ нихъ по неудовольствію за недостаточную награду, полученную въ день коронаціи и за то, что Императоръ принялъ сторону князя Куракина въ одной жалобѣ его на Панина, послѣ чего сей послѣдній тотчасъ же испросилъ себѣ отпускъ на три года. «Хотя, говоря по истинѣ» — пояснялъ Государь, — «я часто не раздѣлялъ его мнѣній, однакожь не имѣлъ намѣренія его удалить и, тотчасъ же удовлетворивъ его просьбѣ (о трехлѣтнемъ отпускѣ), остаюсь весьма удивленнымъ его поступкомъ». Тутъ были обстоятельства, еще недостаточно разъясненные. Несомнѣнно одно: графъ Панинъ удалился отъ дѣлъ еще прежде, чѣмъ Государь успѣлъ получить изъ Лондона обличительную противъ него записку его политическаго недруга и записка эта была предварительно сообщена графомъ Воронцовымъ самому графу Панину.

«Но торжество Воронцовыхъ (замѣчаетъ С. М. Соловьевъ) зависѣло не отъ удаленія Панина, а оттого, что національный интересъ дѣлалъ невозможнымъ сближеніе съ Франціею и Пруссіею, а требовалъ сближенія съ Англіею и Австріею. Вополнѣ соотвѣтственно этому требованію, въ челѣ управленія иностранными дѣлами явился графъ Александръ Воронцовъ, составлявшій по своимъ убѣжденіямъ одно существо съ братомъ. Помощникомъ старику Воронцову былъ приданъ князь Адамъ Чарторижскій. Чарторижскій явился обeimъ Воронцовымъ; онъ, по видимому, вополнѣ раздѣлялъ ихъ взгляды, онъ не могъ быть приверженцемъ Прусской системы Паниныхъ, которая повела къ раздѣлу Польши»...

Итакъ, Воронцовы торжествовали случайную свою побѣду надъ недругомъ, которая, по наружной обстановкѣ событія, могла, дѣйствительно, казаться неслучайною... Мало того, что Панинъ удалился отъ дѣлъ, но онъ былъ замѣненъ по мѣсту вице-канцлера, графомъ В. П. Кочубеемъ, а по главному завѣдыванію иностранными дѣлами графомъ Александромъ Воронцовымъ, возведеннымъ, годъ спустя, въ высокое званіе государственнаго канцлера ²⁰⁾: графъ Семень отнынѣ могъ быть спокойнымъ за направленіе дѣлъ въ духъ своей извѣстной политической программы. Правда, къ радости посла по этому случаю подмѣшивалась и крупная доза недовольства отъ состоявшейся, незадолго передъ тѣмъ, Октябрьской «тайной» конвенціи между Франціею и Россіею, разумѣется очень непріятной для Сентъ-Джемскаго кабинета ²¹⁾ и, въ письмахъ своихъ къ брату, графъ Семень Романовичъ, называя удаленіе Панина отъ дѣлъ счастливымъ

²⁰⁾ Это послѣдовало 8-го Сентября 1802 г. Прежде того, въ 1801 г., получилъ онъ, 2-го Мая, Андреевскую ленту, а 15-го Сентября, въ день коронаціи, будучи тайн. совѣтникомъ, пожалованъ въ первый классъ.

²¹⁾ Подробности въ книгѣ С. М. Соловьева «Императоръ Александръ I», ч. 1, гл. 2, стр. 28.

извиненія передъ Бонапартомъ, что мы не ратифицировали той, которая исключаетъ насъ изъ числа союзниковъ, а другая, которая исключаетъ насъ изъ числа враговъ. Если бы мы не ратифицировали той, которая исключаетъ насъ изъ числа союзниковъ, мы бы были другомъ Бонапарта, а не врагомъ (infâme), преслѣдуемымъ въ Парижѣ этимъ изменникомъ (traître), долженъ былъ быть ватъ въ Парижѣ графъ Морковъ ²²⁾. Воронцовы понимали, зачѣмъ конвенція эта не могла обезпечивать надолго спокойствія Европы отъ замысловъ неугомоннаго властолюбца, хотя и повела за собою заключеніе Амьенскаго мирнаго трактата между Франціей и Англіей.

Оставляя пока въ сторонѣ внѣшнія дѣла, перейдемъ къ внутреннимъ, Русскимъ, насколько онѣ занимали вниманіе и дѣятельность графа Семена Романовича.

Съ самаго воцаренія императора Александра, онъ не переставалъ слѣдить съ величайшимъ участіемъ за всѣми правительственными распоряженіями. Его патріотическимъ обѣтованіямъ могли соответствовать новыя узаконенія, которыя, безъ всякихъ коренныхъ переменъ въ существующемъ искони государственномъ устройствѣ, могли бы освѣжить и поновить его нѣкоторыми необходимыми улучшеніями, совершенствуя организацію, завѣщанную Петромъ Великимъ, и очищая ее отъ чуждыхъ ей наростовъ, наслоившихся при его преемникахъ. Въ заповѣднаго круга Петровскихъ основъ, всякія затѣи казались Воронцовымъ совершенно несродными государственнымъ и бытовымъ особенностямъ Русской имперіи, и этою умѣренно-консервативною теоріей опредѣлялся образъ мыслей обоихъ братьевъ по вопросамъ внутренней политики. Однако, самая пріятельская связь графа Семена съ такими людьми, какъ Новосильцовъ и Кочубей, показываетъ, что извѣстное ему либеральное направленіе молодой партіи, къ которой они принадлежали, въ началѣ не было антипатично ни ему самому, ни его двойнику по убѣжденіямъ, графу Александру; заслужившему уваженіе молодыхъ своихъ сотрудниковъ. Правда, съ дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ, многія частности въ общихъ вопросахъ понимались слишкомъ различно со стороны тѣхъ и другихъ дѣятелей, а потому значительно оттолкнули Воронцовыхъ отъ кружка «новыхъ людей»; но въ первое время оба брата не примыкали къ числу ожесточенныхъ противниковъ или безусловныхъ порицателей этого кружка ²³⁾, какими оказывались они по отношенію, напримѣръ, къ Зубовымъ, Гагаринымъ, Лопухинымъ и пр.

²²⁾ «Воронц. Арх.» т. X, письма къ брату отъ 5 Ноября, и т. XI, къ Новосильцову, отъ 2 Ноября 1801 г.

²³⁾ Достойно замѣчанія, что бывший воспитатель Александра Павловича, Лагарпъ, вызванный тогда въ Петербургъ изъ-за границы и принимавшій постоянное участіе въ обсужденіи государственныхъ преобразованій, возбуждалъ большое къ себѣ недовѣріе въ нѣкоторыхъ лицахъ. Графъ Панинъ, напримѣръ, считалъ его главнѣйшимъ виновникомъ «неумѣстныхъ» нововведеній и, въ перепискѣ своей съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, обзывалъ почтеннаго Швейцарца зловреднымъ внушителемъ царю опасныхъ идей. Но гр. Семёнъ Романовичъ не раздѣлялъ этихъ подозрѣній, успокоивая себя, въ особенности, «здравомысліемъ Государя». (См. переписку посла съ Панинымъ и Кочубеемъ въ XI т. «Воронцовск. Архива», стр. 135, 144, 154, 159, 213—14, 238, 250, 252, 359 и 361). Что касается до благоговѣйнаго почитанія Петровскихъ учрежденій графомъ С. Р. Воронцовымъ и его преданности коллегіальному управленію, то въ этомъ предметѣ, какъ и во многихъ другихъ, мысли его вполне сходились съ понятіями графа Н. С. Мордванова (см. монографію г. Иконникова, стр. 59, гл. 2).

Повидимому, тогдашнія вольнолюбивыя вчїванія императора ^{всегда} Александра I-го встрѣтили со стороны стараго посла опасливое ^{недо}вѣреніе и весьма осторожныя оговорки. Идею самоограниченія ^{въ} томъ смыслѣ, въ какомъ она могла представляться человеку, хорошо знакомому съ Англійскими конституціонными порядками) онъ находилъ непрактичною, полагая, что подобный переворотъ въ образѣ правленія былъ бы преждевременнымъ для огромнаго, мало образованнаго государства, гдѣ отъ одной крайности могъ бы разомъ возникнуть переходъ къ противоположной, гораздо худшей. Поэтому, указывалось на необходимость постепенности, съ тѣмъ чтобы преобразованія могли быть проводимы послѣдовательно, спокойно, производительно, безъ всякой вредной стремительности и широкихъ скачковъ отъ деспотизма къ анархіи. На первыхъ порахъ, предлагался совѣтъ хлопотать о подборѣ молодому Монарху, одушевленному добрыми намѣреніями, благонадежныхъ сотрудниковъ и исполнителей, и объ удаленіи или смѣщеніи недостойныхъ, а впереди всякихъ преобразованій поставить улучшение общественной нравственности, начиная сверху, откуда подавались бы благіе примѣры. Въ видахъ же подготовки общества къ важному государственному переустройству, Воронцовъ сильно настаивалъ принять за неизмѣнное правило, чтобы дѣла разсматривались въ особомъ царскомъ совѣтѣ, въ предотвращеніе бюрократическаго самовластія безотвѣтственныхъ министровъ, болѣе тягостнаго для страны, чѣмъ всякая другая форма произвольнаго управленія ²⁴).

Совмѣстно съ образованіемъ, при особѣ Государя, совѣщательнаго учрежденія, гдѣ подготовлялись бы законо-проекты, для внесенія ихъ сперва на обсужденіе Сената, а потомъ на окончательное высочайшее утвержденіе, необходимо было, — по мнѣнію Воронцова, — придать Сенату болѣе значеніе, при которомъ онъ могъ бы не даромъ именоваться «правительствующимъ». Поэтому, графъ Воронцовъ съ живымъ сочувствіемъ принялъ вѣсть объ именномъ указѣ 5 Іюня 1801 г., которымъ предоставлялось Сенату составить докладъ о правахъ своихъ и обязанностяхъ. Тоже впечатлѣніе принесли старику извѣстія объ устройствѣ комисіи составленія законовъ, подъ предсѣдательствомъ друга его, графа Завадовскаго ²⁵), и о восстановленіи жало-

²⁴) Усердно защищая коллегіальное начало, графъ С. Р. громко вопіялъ противъ назначенія военныхъ генераловъ областными начальниками, губернаторами и генераль-губернаторами, «такъ какъ изъ нихъ выдѣлываются администраторы въ родѣ Турецкихъ пашей». По убѣжденіямъ графа Воронцова, вообще военный элементъ долженъ бы уступать въ странѣ первенство гражданскому; а потому нашъ патриотъ высказывалъ постоянно сожалѣніе, что даже при Александрѣ I-мъ въ Россіи видимо преобладаетъ все, относящееся къ военной службѣ.

²⁵) Въ концѣ 1803 г., гр. Завадовскій замѣщенъ былъ въ комисіи Новосильцовымъ, о чемъ писалъ такъ къ графу С. Р.: «Составленіе законовъ перешло изъ моихъ въ руки Новосильцова, который весьма того желалъ; а я весьма доволенъ, освободясь отъ большихъ трудовъ не ко времени. Законъ на одинъ день — паутина. Кто болѣе знаетъ, тому и книги въ руки...» («Воронц. Арх.» т. XII, 202-е письмо, стр. 277).

извиненія передъ Имперіей, высказавъ, что мы не имеем никакой исключительности (me) — онъ протестовалъ ранѣе, какъ по поводу отмены грамоты подтверждающей преслѣдствіе, такъ и въ всякихъ перемѣнъ, — жалва и грусть въ немъ вовсе не съ той отрицательной точки зрѣнія, съ какой смотрѣла на этотъ предметъ самъ императоръ Александръ ²⁶⁾, а съ совершенно обратной стороны. Воронцову желалось тщательнаго пересмотра грамоты по всѣмъ пунктамъ, для расширенія нѣкоторыхъ дворянскихъ преимуществъ и, между прочимъ, для отмѣны условія о чинахъ, ограничивающаго право участія въ сословныхъ собраніяхъ, что, по понятіямъ Воронцова, непослѣдовательно и оскорбительно для родовитаго дворянства и о чемъ подавалъ онъ особую записку еще при Екатеринѣ ²⁷⁾.

Великій вопросъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, поднятій также Александромъ Первымъ и вызвавшій множество разнообразныхъ мнѣній въ средѣ его совѣтниковъ, разумѣется, не могъ пройти мимо вниманія графа Семена Романовича. Участь этого вопроса, при первоначальной его постановкѣ въ то время, слишкомъ известна ²⁸⁾; скажемъ только, что и графъ С. Р. Воронцовъ не опередилъ въ этомъ случаѣ мнѣнія многихъ лучшихъ современниковъ своихъ (даже такихъ, какъ Мордвиновъ и Лагарпъ), боязливо отступавшихъ передъ мыслью о рѣшительной развязкѣ крестьянскаго вопроса. Однако нѣкоторыя ограничительныя мѣры, въ родѣ послѣдовавшаго тогда воспрещенія розничной продажи крѣпостныхъ людей безъ земли, приходились ему по сердцу, которое давно уже возмущалось безобразіемъ торговли живымъ товаромъ. «Я узнаю изъ газетъ», писалъ онъ къ Новосильцову (30 Авг. н. ст. 1801 г.), «что у насъ запретили продавать людей. Надѣюсь, что это правда, и что дѣла начинаютъ принимать тотъ счастливый оборотъ, который былъ предметомъ нашихъ съ вами уединенныхъ здѣшнихъ бесѣдъ (въ Соутгамтонѣ), на берегу морскаго залива. Говорятъ также, что запрещены и азартныя игры. Вотъ это отличное дѣло. Надѣюсь еще, что обуздають и роскошь, только не какими нибудь регламентами или карательными узаконеніями, а личнымъ примѣромъ Государя и его презрѣніемъ къ расточителямъ» ²⁹⁾. Но, видно, злоупотребленія торговли крѣпостными душами не унялись запретительнымъ распоряженіемъ, потому что, въ Февралѣ 1802 г., Воронцовъ пишетъ къ Новосильцову же: «Не имѣю духа потолковать съ вами, о чемъ вы мнѣ говорите: о гнусной, безчеловѣчной и противной христіанскому закону продажѣ людей. Эта мерзость мутитъ меня. Удерживаюсь до удобнѣйшаго случая побесѣдовать съ вами

²⁶⁾ Съ какимъ чувствомъ неохоты возстановилъ императоръ Александръ I эту грамоту, въ виду «противной ему исключительности дворянскихъ правъ», объяснено въ сочиненіи г. Романовича-Славатинскаго «Дворянство въ Россіи», гл. 3, стр. 237.

²⁷⁾ См. въ XI т. «Воронц. Архива» письмо къ Новосильцову отъ 6 Мая 1801 г. По этому поводу можно замѣтить, что долговременная бытность въ Англіи графа С. Р. Воронцова естественно должна была усилить въ немъ уваженіе къ аристократическому принципу, что и обнаруживается очень замѣтно во всей его перепискѣ.

²⁸⁾ Между прочимъ изъ сочиненія г. Пыпина: «Очерки общественнаго движ.» (Вѣстн. Европы 1870 г., Апр., стр. 689—692).

²⁹⁾ «Воронц. Арх.», т. XI, 405—406.

...и письмам... взгляда на пре...
 ...освобождения помещичьих...
 знаменитым указомъ о «свободныхъ хлѣбопашцахъ», все всегда
 сановные старички страшно всполошились и, правду сказать,
 безъ основанія: потому что установленіе это, не имѣвшее ни ма-
 лѣйшей обязательной силы, не могло даже казаться полумѣрою, а
 скорѣе было намекомъ на отдаленные виды правительства и служи-
 ло поводомъ къ недоразумѣніямъ въ народѣ. Графъ Завадовскій пи-
 салъ въ Лондонъ къ своему другу ³⁰⁾: «Всего хотимъ лучшаго и,
 кажется, стремительно; но лишь къ исполненію, тутъ и препоны...
 У насъ новость есть проектъ графа Сергѣя Петр. Румянцева о сред-
 ствахъ сдѣлать изъ нашихъ крестьянъ вольныхъ хлѣбопашцевъ. Онъ
 не можетъ быть безъ затѣвъ, и всегда странныхъ: вообразилъ под-
 биться любимую матеріей, что и удалось на первый взглядъ. Пред-
 лагаемое не самъ выполнить, а для другихъ дѣло несбыточное: на
 первое время возмутятъ толки, и весь плодъ въ томъ... Не все чу-
 жое прикладно къ нашему состоянію: надобно знать его такъ, какъ
 я знаю». И графъ Семень Романовичъ былъ не менѣе смущенъ про-
 ектомъ «шалнаго» графа Сергѣя Румянцева, поддержаннаго «такимъ
 же братцемъ» (т. е. графомъ Николаемъ Петр.). Указъ, вышедшій изъ
 этого проекта, посоль нашъ называлъ, въ письмѣ своемъ къ брату,
 «могущимъ принести пагубныя послѣдствія для всей имперіи». Онъ
 писалъ при этомъ къ канцлеру, что если тотъ не въ состояніи про-
 тиводѣйствовать столь опаснымъ мѣропріятіямъ, то онъ, графъ Се-
 менъ, не только оправдываетъ, но вполнѣ одобряетъ намѣреніе бра-
 та оставить службу и выйти изъ сѣтава управленія, которое тя-
 нетъ государство на край гибели, да и самъ онъ (т. е. графъ С. Р.
 Воронцовъ) не прочь бросить посольскія дѣла и присоединиться къ
 брату въ будущемъ году ³²⁾.

Конечно, тутъ рѣчь шла не объ одномъ указѣ о свободныхъ хлѣбо-
 пашцахъ... Вообще, много ожиданій стараго посла не сбылось; многое
 сдѣлалось не такъ, какъ онъ мечталъ. Уже въ письмахъ изъ Лондо-
 на, писанныхъ весною 1802 года, все чаще и чаще слышится гру-
 стная нота разочарованія. Особенно печаливала его безуспѣшность
 представленій о необходимости постоянного совѣщательнаго обсуж-
 денія Государемъ всѣхъ дѣлъ въ кабинетномъ совѣтѣ, и если пре-
 же непринятіе этихъ представленій приписывалось прояскамъ графа
 Панина съ прочими, то теперь, когда вліятельная роль перешла отъ
 него къ людямъ, близкимъ послу, т. е. къ его брату - канцлеру, къ
 Кочубею, къ Новосильцову, — оставалось видѣть причину неудачи
 въ нерѣшительности самого Государя. Намеки на это предположеніе
 мы находимъ въ нѣкоторыхъ отзывахъ графа Семена Воронцова, гдѣ
 онъ зарекается впередъ входить съ своими мнѣніями, «тѣмъ болѣе,
 что не владѣетъ даромъ убѣдительнаго слова; да если бы и владѣлъ
 имъ, то вѣдь никакое краснорѣчіе не можетъ вложить
 энергіи въ лишенную ея душу» ³³⁾.

³⁰⁾ Тамъ же, отъ 14 Февр., стр. 417. Напечатанныя въ разбивку слова пи-
 саны во Французскомъ подлинникѣ по-русски.

³¹⁾ «Воронц. Арх.», т. XII, письмо отъ 11 Апр. 1803 г.

³²⁾ «Воронц. Арх.», т. X, 8 Апрѣля (п. ст.) 1803 г.

³³⁾ «Воронц. Архивъ», т. X, письмо къ гр. А. Р. Воронцову, отъ 18 Марта
 1802 г., стр. 164—166.

Этотъ ~~графъ~~ ~~Воронцовъ~~ ~~выска~~ ~~зависа~~ ~~горькія~~ ~~сожалѣнія~~, что оно по-
 Вѣдѣніи ~~о~~ ~~дѣлѣ~~ ~~о~~ ~~сенатскомъ~~ ~~преобразованіи~~ ~~окончательно~~ ~~не~~ ~~удалось~~ ~~;~~ ~~ибо~~ ~~если~~ ~~Сенатъ~~ ~~не~~ ~~поставленъ~~ ~~на~~ ~~ту~~ ~~ногу~~, какъ ты предлагалъ, то
 полумѣры не поведутъ ровно ни къ чему. Говорятъ, что будто дворъ нашъ
 кишитъ интригами. Это печалитъ меня, какъ вѣрный признакъ слабости ха-
 рактера, при которой невозможно исцѣлить симптомовъ государственнаго раз-
 ложенія (gangrène de l'état); а оно видимо, и я смотрю на Россію, какъ на
 быстро идущую къ своей гибели. Мысль эта возбуждаетъ во мнѣ горестъ
 невыразимую и дѣлаетъ меня несчастнымъ, потому что, по смотря на всѣ
 толки дрянныхъ людишекъ, обзывающихъ меня Англичаниномъ, и больше Рус-
 скій по сердцу и душѣ, чѣмъ милліоны моихъ соотечей, которые считаютъ
 себя настоящими Русскими». «Мое письменное представленіе о Совѣтѣ не имѣ-
 ло послѣдствій, такъ какъ не слышно, чтобы Государь присутствовалъ тамъ
 и чтобы дѣла разсматривались при немъ самомъ..... Могу-ли, затѣмъ, чего-
 нибудь еще надѣяться по поводу моихъ словесныхъ заявленій (если бъ онѣ
 дѣлались въ Петербургѣ, при поѣздкѣ туда), когда и твое превосходное мнѣ-
 ніе (о Сенатѣ) осталось безъ всякаго дѣйствія и когда Государь не видитъ,
 что Сенатъ, поставленный на свою первобытную высоту, обезпечивалъ-бы са-
 мого Монарха отъ несчастія дѣлать несправедливости, вольныя и невольныя
 и, въ то же время, укрѣплялъ-бы непоколебимость престола». «Какъ бы ни шли
 дѣла, не стану вмѣшиваться ни во что, а тѣмъ менѣе позволю себѣ высказы-
 вать представленія о чемъ бы ни было, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, что
 проведу въ Петербургѣ. Ъду туда только для удовольствія видѣться съ тобою и
 вмѣстѣ провести это время неразлучно. Посѣщать общество буду очень рѣд-
 ко, а ѣздить на поклонъ ко двору, лишь насколько необходимо, чтобы не по-
 казаться непочтительнымъ или докучливымъ. Не располагаю нигдѣ бывать на
 обѣдахъ, потому что вотъ уже 17 лѣтъ, какъ желудокъ мой приученъ къ ѣдѣ
 въ 6 часовъ вечера, а теперь, въ мои годы, переиначивать образъ жизни не-
 возможно. Дѣти мои будутъ обѣдать одновременно съ тобою; я же буду си-
 дѣть съ вами, не участвуя въ общей трапезѣ, а ѣсть стану послѣ, въ при-
 вычный свой часъ, то, что останется отъ вашего обѣда. Миша тебѣ подтвер-
 дить, что я чувствую себя особенно здоровымъ, когда обѣдаю одинъ; потому
 что довольствуюсь въ такомъ случаѣ однимъ блюдомъ, а много—двумя, да и
 то изрѣдка. Къ уединенному-же образу жизни и къ отчужденію отъ всякаго
 вмѣшательства въ дѣла побуждаютъ меня какъ склонности мои, такъ и тре-
 бованія осторожности; ибо я ничуть не сомнѣваюсь въ томъ, что графъ Па-
 нинъ и его друзья-пріатели, за одно съ посланниками Шведскимъ, Датскимъ,
 Прусскимъ и Французскимъ, да со всѣмъ этимъ сбродомъ Нѣмцевъ и Чухон-
 цевъ, которые всѣ между собой въ стачкѣ, уже прокричали всюду, гдѣ было
 имъ удобно, что я ѣду въ Петербургъ только для того, чтобы интриговать:
 обо мнѣ судятъ они по собственной своей натурѣ и по сознанию, какъ-бы са-
 ми они поступали на моемъ мѣстѣ».

«Вижу, что Совѣтъ никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть (и
 салъ онъ брату) и что дѣло о сенатскомъ преобразованіи окончательно
 удалось; ибо если Сенатъ не поставленъ на ту ногу, какъ ты предлагалъ, то
 полумѣры не поведутъ ровно ни къ чему. Говорятъ, что будто дворъ нашъ
 кишитъ интригами. Это печалитъ меня, какъ вѣрный признакъ слабости ха-
 рактера, при которой невозможно исцѣлить симптомовъ государственнаго раз-
 ложенія (gangrène de l'état); а оно видимо, и я смотрю на Россію, какъ на
 быстро идущую къ своей гибели. Мысль эта возбуждаетъ во мнѣ горестъ
 невыразимую и дѣлаетъ меня несчастнымъ, потому что, по смотря на всѣ
 толки дрянныхъ людишекъ, обзывающихъ меня Англичаниномъ, и больше Рус-
 скій по сердцу и душѣ, чѣмъ милліоны моихъ соотечей, которые считаютъ
 себя настоящими Русскими». «Мое письменное представленіе о Совѣтѣ не имѣ-
 ло послѣдствій, такъ какъ не слышно, чтобы Государь присутствовалъ тамъ
 и чтобы дѣла разсматривались при немъ самомъ..... Могу-ли, затѣмъ, чего-
 нибудь еще надѣяться по поводу моихъ словесныхъ заявленій (если бъ онѣ
 дѣлались въ Петербургѣ, при поѣздкѣ туда), когда и твое превосходное мнѣ-
 ніе (о Сенатѣ) осталось безъ всякаго дѣйствія и когда Государь не видитъ,
 что Сенатъ, поставленный на свою первобытную высоту, обезпечивалъ-бы са-
 мого Монарха отъ несчастія дѣлать несправедливости, вольныя и невольныя
 и, въ то же время, укрѣплялъ-бы непоколебимость престола». «Какъ бы ни шли
 дѣла, не стану вмѣшиваться ни во что, а тѣмъ менѣе позволю себѣ высказы-
 вать представленія о чемъ бы ни было, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, что
 проведу въ Петербургѣ. Ъду туда только для удовольствія видѣться съ тобою и
 вмѣстѣ провести это время неразлучно. Посѣщать общество буду очень рѣд-
 ко, а ѣздить на поклонъ ко двору, лишь насколько необходимо, чтобы не по-
 казаться непочтительнымъ или докучливымъ. Не располагаю нигдѣ бывать на
 обѣдахъ, потому что вотъ уже 17 лѣтъ, какъ желудокъ мой приученъ къ ѣдѣ
 въ 6 часовъ вечера, а теперь, въ мои годы, переиначивать образъ жизни не-
 возможно. Дѣти мои будутъ обѣдать одновременно съ тобою; я же буду си-
 дѣть съ вами, не участвуя въ общей трапезѣ, а ѣсть стану послѣ, въ при-
 вычный свой часъ, то, что останется отъ вашего обѣда. Миша тебѣ подтвер-
 дить, что я чувствую себя особенно здоровымъ, когда обѣдаю одинъ; потому
 что довольствуюсь въ такомъ случаѣ однимъ блюдомъ, а много—двумя, да и
 то изрѣдка. Къ уединенному-же образу жизни и къ отчужденію отъ всякаго
 вмѣшательства въ дѣла побуждаютъ меня какъ склонности мои, такъ и тре-
 бованія осторожности; ибо я ничуть не сомнѣваюсь въ томъ, что графъ Па-
 нинъ и его друзья-пріатели, за одно съ посланниками Шведскимъ, Датскимъ,
 Прусскимъ и Французскимъ, да со всѣмъ этимъ сбродомъ Нѣмцевъ и Чухон-
 цевъ, которые всѣ между собой въ стачкѣ, уже прокричали всюду, гдѣ было
 имъ удобно, что я ѣду въ Петербургъ только для того, чтобы интриговать:
 обо мнѣ судятъ они по собственной своей натурѣ и по сознанию, какъ-бы са-
 ми они поступали на моемъ мѣстѣ».

Въ началѣ Апрѣля 1802 г., графъ С. Р. Воронцовъ съ дочерью вы-
 ѣхалъ изъ Англіи, а въ концѣ Мая грибыль въ Петербургъ. О по-
 подробностяхъ пребыванія его тамъ (которое продолжалось четыре
 мѣсяца) мы не имѣемъ свѣдѣній; только изъ немногихъ записочекъ,

Справляясь съ тогдашними ^{тыдесяти} письмами ^{Воронцова} ^{отъ 19 Октября 1802 г.} можно судить, что онъ, обвиня Императрицами Императрицу, и являлся ко двору гораздо чаще, нежели онъ предъидущимъ известно, какимъ даромъ обаятельнаго обхожденія съ людьми обладалъ Александръ Павловичъ и какъ магически умѣлъ притягивать къ себѣ тѣхъ людей, кого хотѣлъ обласкать. Это вполнѣ испытано было графомъ Семеномъ Романовичемъ и отразилось на всѣхъ его Лопухинскихъ посланіяхъ послѣ путешествія въ Россію: онѣ наполнены исторженными изліяніями горячей преданности къ Государю и вѣрованіемъ въ лучшую будущность отечества, на сколько зависѣла эта будущность отъ личныхъ качествъ и намѣреній Монарха ³⁴). Недавня сомнѣнія и сѣтованія стараго патріста, не удовлетворявшагося современнымъ положеніемъ дѣлъ, внѣшнихъ и внутреннихъ,—довольно долго послѣ этой поѣздки не высказывались въ его письмахъ, или, по крайней мѣрѣ, высказывались въ смягченной формѣ, несравненно спокойнѣе и умѣреннѣе.

За то придворное и, вообще, столичное общество не произвело отраднато впечатлѣнія на челоуѣка, который около двадцати лѣтъ не бывалъ въ этой средѣ Русской родовой и чиновной аристократіи. Онъ приходилъ къ весьма безотрадному, суровому выводу,—о глубокой нравственной испорченности этого общества, начавшейся (будто-бы) съ Екатерининскаго царствованія. На взглядъ Воронцова, оно гораздо болѣе нуждалось въ радикальныхъ реформахъ, чѣмъ при Петрѣ Великомъ; но доброкачественнаго для того матеріала имѣло въ себѣ далеко менѣе: измельчавшіе, ничтожные характеры новаго поколѣнія не общали де Александру Первому энергическихъ и даровитыхъ сподвижниковъ, которыми была такъ богата Петровская эпоха, и потому они представляли задатки не для преуспѣванія, а для крупныхъ затрудненій въ преобразовательныхъ работахъ, задуманныхъ молодымъ Государемъ. За всѣмъ тѣмъ, нашъ пессимистъ не видѣлъ еще причины совершенно отчаяваться въ успѣхѣхъ ³⁵).

Пребываніе въ Петербургѣ какъ-бы подновило старинныя его связи съ нѣкоторыми давними друзьями, но въ тоже время подкрѣпило и новую—съ молодымъ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, дѣятельнымъ помощникомъ брата его по завѣдыванію иностранными дѣлами. Этотъ замѣчательно хорошо образованный и тонкій челоуѣкъ, глубоко-сосредоточенный въ своихъ видахъ и помыслахъ, легко успѣлъ понравиться обоимъ Воронцовымъ, заявивъ слѣдующую политическую программу, которая подходила къ завѣтнымъ ихъ убѣжденіямъ: «Быть искренними въ иностранной политикѣ, но не связывать себя никакими договорами относительно кого бы то ни было; относительно Франціи искать возможности обуздать ея честолюбіе, не вовлекаясь однако самимъ въ крайнія мѣры, и быть въ согласіи съ Англіей, потому что Англія—нашъ естественный другъ» ³⁶). Этого было слишкомъ довольно, что-

³⁴) Эти чувства особенно свѣжо отзываются въ его письмѣ къ брату съ обратной дороги, отъ 19 Окт. 1802 г., изъ Грауденца (т. X «Воронц. Архива»). Доказательства-же благосклоннаго вниманія къ нему видны въ письмѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 19 го Января 1803 г. (тамъ-же, стр. 454).

³⁵) «Воронц. Архивъ», т. X, письмо къ брату съ дороги, изъ Кенигсберга, 16 Октября 1802 г.—³⁶) Пыпинъ, стр. 683.

Шуленбургъ, для передачи на соображеніе министра торговли, графа Николая Румянцова. Въ письмѣ, по ходомъ сказать, Воронцовъ сдѣлалъ замѣчаніе, что онъ, и способностями и познаніями, и средними (40). По своимъ политико-экономическимъ воззрѣніямъ, вытекшимъ изъ внимательнаго изученія Адама Смита, графъ Семень Воронцовъ былъ отъявленнымъ врагомъ запретительныхъ мѣръ и, слѣдовательно, таможенной системы, считая ее мало-того что бесполезною, но и вредною, какъ истинную родоначальницу контрабанды; поэтому, онъ не пропустилъ случая поговорить о томъ-же предметѣ и въ письмѣ изъ Лейпцига (41), гдѣ таилось гнѣздо контрабандной торговли съ Россіей, при чемъ онъ горько жаловался на отсутствіе сколько-нибудь основательныхъ понятій въ нашихъ правительственныхъ сферахъ объ элементарныхъ экономическихъ истинахъ, приводя опять-таки въ примѣръ совершенное невѣдѣніе по этой части министра торговли, графа Румянцова.

Въ проѣздъ свой черезъ Прусскія владѣнія, нашъ путешественникъ вынесъ много интересныхъ наблюденій, не переставая работать надъ составленіемъ давно задуманной и вскорѣ отправленной къ брату-канцлеру изъ Берлина записки «объ учрежденіи спеціальной школы при Иностранной Коллегіи для образованія молодыхъ людей къ дипломатической службѣ». Внутреннее благоустройство Пруссіи, образцовый порядокъ въ ея учрежденіяхъ, особенно въ правильной организаціи финансовой части съ контрольною, и улучшенные пути сообщенія,—все это, въ сложности, вынудило графа Семена Романовича отдать безпристрастную похвалу правительству нелюбимой имъ державы, въ лицѣ искусныхъ ея министровъ, гр. Шуленбурга и Струэнзе. Сравнивая въ этомъ отношеніи наши безобразные порядки, путешественникъ замѣчаетъ, что скоро одни только мы во всей Европѣ останемся при первобытныхъ способахъ передвиженія и, благодаря неустроеннымъ дорогамъ, не выйдемъ изъ полудикаго состоянія націи, не умѣющей пользоваться своими средствами и лишеной возможности къ разработкѣ и сбыту естественныхъ богатствъ. Здѣсь надобно примолвить, что нашъ старый патріотъ едва-ли не первый возымѣлъ мысль объ основаніи въ Россіи отдѣльнаго вѣдомства путей сообщенія съ инженернымъ училищемъ, о чемъ писалъ къ брату еще за годъ передъ тѣмъ (42).

Весьма-любопытны сообщенія его о тогдашнемъ Берлинскомъ дворѣ, гдѣ онъ былъ принятъ внимательно и любезно. Онъ не упустилъ набросать свои замѣтки, какъ обо всѣхъ членахъ королев-

40) См. письмо къ гр. А. Р. Воронцову изъ Лондона, отъ 16 Дек. 1802 г., (X т. В. А.), гдѣ говорится, что графъ Николай Румянцовъ держитъ себя черезчуръ безтактно, принявъ относительно двора положеніе «недовольнаго». Графъ Семень Романовичъ сознается, что прежде ошибался въ немъ, когда считалъ его человѣкомъ дѣльнымъ, а теперь убѣдился въ его неспособности и непониманіи дѣла по ввѣренному ему вѣдомству. Сравнивая его съ графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Румянцовымъ, онъ отдаетъ послѣдному рѣшительное предпочтеніе, со стороны души, ума и дѣловитости.

41) «Воронц. Архивъ», т. X, письмо къ гр. Ал. Р. Воронцову подъ № 52.

42) «Воронц. Архивъ», т. X, отъ 16 письмо Сент. 1801 г. По мнѣнію гр. Семена Романовича, инженерная часть могла-бы преуспѣвать у насъ подъ начальствомъ Н. Н. Новосильцова.

ты расположить къ себѣ вѣчныхъ преемниковъ. Главная съ...
 СИ: Графъ Семенъ Романовъ...
 какъ описываетъ онъ самого Фридриха-Вильгельма III.

Король не лишенъ природныхъ умственныхъ способностей, но мало знающъ и неграмотенъ къ дѣламъ, очень робокъ и скупъ до скряжничества. Говорятъ, что онъ честенъ, — по крайней мѣрѣ никогда не сдѣлалъ ничего безчестнаго, и безукоризненно чистъ нравственностью въ своемъ домашнемъ быту... Скупость его оправдываютъ примѣромъ бережливаго дяди, великаго Фридриха, тогда какъ у того дѣйствительныя богатства были накоплены въ головѣ и въ характерѣ... Робость нынѣ царствующаго короля внушаетъ ему боязнь всякой войны. Онъ готовъ, поэтому, исполнить любое требованіе притязательнаго Корсиканца (Бонапарта), который хорошо знаетъ, какъ его трусятъ. Этотъ добрейшій, слабенькій король, достаточно-разсудительный, но не довольно свѣдущій, занимается только фронтowymi упражненіями съ своимъ гвардейскимъ полкомъ, да парадами, хотя совсѣмъ не надѣленъ истинными воинскими дарованіями. Кромѣ этой (фронтовой) части, онъ ни во что не вмѣшивается, давая полную волю своимъ министрамъ, которыхъ рѣдко видитъ, но всегда аккуратно соглашается съ ихъ представленіями, устными, или письменными, сколько изъ недоумѣнія къ собственнымъ познаніямъ, столько же по склонности къ тихой семейной жизни, въ сообществѣ жены, братьевъ, сестры и нѣсколькихъ адъютантовъ, въ томъ числѣ нѣкоего Бокерица, котораго онъ признаетъ своимъ задушевнымъ другомъ и который продался Франціи. Такъ какъ королю уже 33 года, то характеръ его сложился окончательно, а слѣдовательно, если онъ процарствуетъ хоть цѣлое столѣтіе, то останется все тѣмъ же въ образѣ дѣйствій...

Говоря о примѣрной правильности счетоводства и контроля по финансовому вѣдомству въ Пруссіи, объ отличномъ порядкѣ, мудрой бережливости и отсутствіи злоупотребленій въ казенныхъ денежныхъ дѣлахъ, графъ Воронцовъ невольно вспоминаетъ плачевное состояніе этой важной части государственнаго управленія въ Россіи и совѣтуетъ собрать у нашихъ разсчетливыхъ сосѣдей самыя вѣрнѣйшія справки, какъ у нихъ ведется это дѣло, для послѣдованія благому примѣру, «если только (прибавляетъ онъ) нашъ министръ финансовъ, графъ Васильевъ, способенъ понимать эти вещи: ибо въ бесѣдѣ съ нимъ о нашихъ государственныхъ займахъ въ Голандіи и способахъ погашенія долга, я былъ страннымъ образомъ озадаченъ, когда убѣдился, что онъ меньше меня смыслить, въ чемъ тутъ дѣло». Затѣмъ, извиняясь въ пространномъ отступленіи отъ предмета своего письма (Пруссіи), нашъ путешественникъ восклицаетъ: «Какъ быть? Толкуя про чужой край, не могу отрѣшиться отъ думы о своемъ родномъ. Чтò бы я ни дѣлалъ, мнѣ не удалить отъ себя мысли о Россіи!»

Знаменательны послѣднія строки этого обширнаго письма къ государственному канцлеру, въ которыхъ онъ совѣтуетъ не спускать глазъ съ Пруссіи: «Мнѣ хотѣлось здѣсь сообщить все, чтò только я могъ развѣдать объ этой сосѣдней намъ странѣ, которая со дня на день становится сильнѣе и требуетъ самаго неусыпнаго, самаго зоркаго вниманія»...

Проѣздомъ черезъ Готу, на пути въ Россію и обратно, нашъ посольскій имѣлъ оба раза свиданія съ барономъ Гриммомъ, который былъ нѣкогда гувернеромъ его пріятелей и сверстниковъ, графовъ Румянцовыхъ.

но, и назидательно. Онъ ~~былъ~~ для передачи на соображеніе мысли о памяти покойной Императрицы, коеи милостью ~~онъ~~ ~~былъ~~ ~~ее~~ ~~любимымъ~~ ~~лицомъ~~ ~~и~~ ~~у~~ ~~милительной~~ ~~признательности~~. Любитъ онъ очень графа Шереметьева-Гумянцева и преданъ ему безмѣрно»....

11 Ноября: «Баронъ Гриммъ, по расположенію своему къ Россіи и царскому семейству, весьма доволенъ переустройствомъ нашей администраціи, или лучше сказать, созданіемъ ея заново, потому что до тѣхъ поръ не имѣлось у насъ никакой: страна была управляема безъ всякой системы и послѣдовательности, урывками (*à bâtons rompus*), чрезъ посредство невѣдомыхъ ей отдѣльныхъ лицъ, которыя дѣйствовали отъ имени Государя и постоянно его обманывали въ своихъ келейныхъ съ нимъ объясненіяхъ, къ собственной выгодѣ и ко вреду государства. Гриммъ хорошо понимаетъ благотворныя намѣренія Императора и духъ создаваемыхъ имъ учрежденій. Извѣстно, что г. Гриммъ былъ другомъ покойной Императрицы, съ которой онъ двадцать лѣтъ велъ постоянную конфиденціальную переписку и видался ежедневно, когда бывалъ въ Петербургѣ, при чемъ Государыня по-долгу и безцеремонно бесѣдовала съ нимъ на единѣ обо всемъ. Хотя, по натурѣ своей, она не слишкомъ была склонна къ искренности, но съ нимъ притворствовалась (*dissimulait*) менѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ. Можно себѣ представить, сколько слышалъ онъ отъ нея такихъ вещей, о которыхъ никогда не заикнется никому; однако, есть у него много преинтересныхъ анекдотовъ, которыя онъ пересказываетъ чрезвычайно пріятно».... Нынѣ эти удивительныя повѣренія великой женщины преданному ей барону обнародованы (См. Русскій Архивъ прошлаго 1878 года).

Разставшись съ Россіей, графъ Воронцовъ надѣялся черезъ полтора года опять пріѣхать въ отечество, уже на постоянное житіе. «Послѣ долголѣтней разлуки (писалъ къ нему графъ Завадовскій вскорѣ по его отъѣздѣ), я тебя видѣлъ, милый другъ, какъ бы во снѣ. Ты развлеченъ былъ въ кругѣ новыхъ кометъ, въ который хвосты старыхъ не входятъ. Восемнадцать мѣсяцевъ, предполагаемыхъ на твое сюда переселеніе,—періодъ для меня долгій. Если не жизни, то моему здѣсь пребыванію не полагаю такой протяжки... И братъ твой не прочитъ себя, а я и подавно...» («Воронц. Арх.», т. XII, стр. 269). Предчувствія старика-пріятеля почти вполне сбылись.

Въ Декабрѣ 1802 г. посоль нашъ воротился въ Лондонъ и отдался своимъ служебнымъ занятіямъ, которыя значительно усложнились тревожными политическими обстоятельствами. Послѣ недолгаго затишья, надъ Европой опять налегли тучи близкой войны, и Аміенскій миръ доживалъ свои послѣдніе дни. Между Франціей и Англіей поднялись снова препирательства изъ-за Мальты и Египта, откуда Англія, вопреки мирнымъ условіямъ, не хотѣла выводить свои войска, въ виду состоявшагося по волѣ Бонапарта присоединенія къ Франціи острова Эльбы и Пиемонта, а еще болѣе—въ виду опубликованнаго въ Парижскомъ официальном журналѣ хвастливаго рапорта генерала Себастиани, Французскаго посла въ Константинополь, о легкой возможности завоевать опять Египетъ съ малочисленнымъ войскомъ. Отъ дипломатическихъ пререканій между державами скоро дошло до разрыва, что обнаружилось въ Маѣ 1803 г., т. е., немного болѣе какъ черезъ годъ послѣ Аміенскаго мира, столь неохотно заключеннаго Англіей. Императоръ Александръ предлагалъ обѣимъ сторонамъ свое посредничество, но оно было принято недовѣрчиво

тн... ственнаго сна... млась тай...
 Руссе... Эти... графа... первымъ консуломъ, для раз-
 ва... переговоры не могли отвратить войну,
 ... началась—пока на морѣ—въ Ноябрь 1803 года ⁴³⁾.

Нашему послу въ Лондонѣ приходилось работать усиленно для большаго сближенія Англіи съ Россіей, въ противодѣйствіе ужасавшимъ его за судьбы цѣлаго міра видамъ Бонапарта. Заботы графа Семена Воронцова, конечно, находили въ Петербургѣ сильную поддержку со стороны брата его Александра; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже съ весны 1803 г., онъ сталъ часто получать тревожныя извѣстія и о постоянномъ разладѣ канцлера съ «молодою партіей» государевыхъ совѣтниковъ и о возрастающемъ разстройствѣ его здоровья, слишкомъ опасномъ при его преклонной старости и неутомимыхъ трудахъ безъ отдыха.

«Письменная работа—писалъ графъ Завадовскій—элементъ его; никакими убѣжденіями нельзя вывести изъ неумѣренности сидѣть надъ бумагою даже до мелочей: самъ и секретарь, самъ и экспедиторъ.... Впрочемъ, упражненія не разстраиваютъ физики его; онъ еще, какъ привычка, подкрѣпляютъ натуру; но разсудительность о вещахъ настоящихъ и будущихъ не привязываетъ къ мѣсту, а побуждаетъ желаніе взять покой.... Одно удерживаетъ его, что хотеть дождаться твоего пріѣзда; но я не знаю твоихъ причинъ, почему такъ медленно ты свой возвратъ располагаешь» ⁴⁴⁾....

Письма графа Завадовскаго за это время живо отражаютъ въ себѣ всѣ движенія Петербургскаго дѣловаго міра, которыя волновали нашихъ сановныхъ стариковъ и сопровождались размолвками среди дѣятелей. Такъ, незадолго до того, въ столичномъ обществѣ произвело много шумнаго говора предложеніе военнаго министра Вязмитинова, внесенное, по имянному указу, въ Сенатъ (12 Дек. 1802 г.), «о неувольненіи въ отставку, прежде 12-ти лѣтъ службы, дворянъ, не выслужившихъ еще оберъ-офицерскаго чина» Съ почина графа Потоцкаго, Сенатъ протестовалъ противъ этого указа, какъ несогласнаго съ жалованною грамотою дворянству, не смотря на генераль-прокурорское настояніе министра юстиціи, поэта Державина, о принятіи указа къ безпрекословному исполненію. Протестъ Сената, недавно только получившаго право входить съ подобными отзывами, вызвалъ высочайшее разъясненіе, что право это относится до старыхъ, а не до новыхъ указовъ, вышедшихъ послѣ сенатскаго преобразованія, чѣмъ, въ сущности, оно совершенно отмѣнялось.... Указъ о дворянахъ не былъ приведенъ въ дѣйствіе; но послѣдствіемъ его, выразившіяся въ такомъ «разъясненіи», привели въ большое смущеніе многихъ, кто сочувствовалъ и въ апрѣлѣ расширенію правъ Сената, въ томъ числѣ гр. Воронцовыхъ и Завадовскаго, который, описывая это событіе графу Семену Романовичу, замѣчаетъ, съ горькою ироніей: «Давно ли дано Сенату право представлять на указы, исходящіе вопреки существующихъ? Но въ первомъ разѣ, что употребилъ оное по голосу Потоцкаго, остался въ утратѣ сего важнаго преимущества....» Легко угадать, какое тяжелое впечатлѣніе выно-

⁴³⁾ О неудовлетворительномъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Англіи Русскимъ вызовомъ о посредничествѣ, см. всеподдан. донесеніе графа Семена Р., отъ 11 Сент. 1803 г., въ X т. «Воронц. Архива».

⁴⁴⁾ «Воронц. Арх.», т. XII, стр. 274.

пер. и зван. пер. этого соизволен. ласнаго съ желаніемъ
 Ма. 1803 года, продолжалъ стоять на
 засѣданіяхъ кабинетскаго совѣта, а потомъ, по
 имъ, Чарторижскимъ, чтобы не принималъ
 плодномъ учрежденіи, да притомъ не присутствовать и въ Сенатѣ
 послѣ того, какъ Державинъ дозволилъ себѣ отнестись къ его чле-
 намъ, сенаторамъ, свысока, по-начальнически; за всѣмъ тѣмъ, онъ
 одобрялъ намѣреніе брата отсрочить свою отставку до осени, въ ви-
 ду современнаго Европейскаго кризиса, котораго исходъ нужно бы-
 ло выждать. Но графъ Александръ Романовичъ все хворалъ, нако-
 нецъ тяжело заболѣлъ и насилу оправился, сверхъ чаянія друзей своихъ.

«Пока братъ твой не выздоровѣлъ», сообщалъ графу Семену графъ Завадовскій,—«я нападалъ на него, что въ крайнемъ своемъ безси-
 лій предается труду въ излишествѣ. Но теперь, какъ сталъ на но-
 ги, нѣтъ нужды ему перечить.... Бумаги—лица его и венасыщаю-
 щая.... Въ дѣлахъ горячъ и чувствителенъ, коль часто встрѣчаются
 припадки, гдѣ пылкая молодость по дорогѣ не опытной
 пускается на шагъ необдуманной. Побужденіе сіе чувство-
 вать происходитъ отъ того, что мы, старые люди, неспособны къ
 новымъ привычкамъ.... Не дорожитъ своимъ мѣстомъ и ви-
 довъ взять покой отъ себя не отдаляетъ. Онъ единъ для
 руля государственнаго, единъ и для меня здѣсь.... Кто жилъ доволь-
 но и наглядѣлся на волны житейскаго моря, тотъ не пріобщится
 заблужденіямъ и отойдетъ, чтобы издали смотрѣть, опираясь
 на свой посохъ». («Воронц. Арх.», т. XII, стр. 275).

Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ благоразумно рѣшился
 удалиться отъ дѣлъ и уступить поле дѣятелямъ помоложе. «Не имѣя
 ни желанія, ни способностей находить благоволеніе у людей новаго
 слоя»,—писалъ по этому случаю въ Лондонъ графъ Завадовскій,—
 «пойду во слѣдъ твоему брату: плугъ худо пашетъ въ запряжкѣ
 стараго быка съ юнымъ».... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что посоль
 нашъ былъ давно приготовленъ къ этой развязкѣ, не одними только
 недугами канцлера, но и столкновеніями съ «людьми новаго слоя»;
 тѣмъ не менѣе, рѣшимость графа Александра Романовича отойти
 отъ дѣлъ, при ихъ напряженномъ положеніи, должна была опечалить
 графа Семена. Онъ имѣлъ высокое мнѣніе о службѣ брата, считалъ
 ее истинно-полезною, даже необходимою для отечества и, за пре-
 кращеніемъ ея, терялъ опору для собственной дѣятельности. Кажет-
 ся, что преимущественно съ этихъ поръ въ головѣ его слагалась та
 переменна возрѣвнѣй на преобразовательныя мѣры и предначертанія
 Александровскаго царствованія, подѣ дѣйствіемъ которой онъ выра-
 зилъ впоследствии слишкомъ неблагопріятную и неточную имъ оцѣн-
 ку, въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ графу Ѳ. В. Ростопчину.

Письмо это было писано въ 1814 году, 7 Іюня. Передадимъ его здѣсь въ
 переводѣ съ Французскаго подлинника, напечатаннаго въ VIII т. «Воронцов-
 скаго Архива».

«Должно надѣяться, Государь нашъ почувствуетъ, что наступило время во-
 дворить порядокъ и правосудное управленіе въ странѣ, которая погибнетъ,
 если онъ не возстановитъ хода дѣлъ по этой части такъ, какъ были онѣ, на-
 чиная съ учрежденія Сената Петромъ Великимъ до перваго года царствованія
 покойной Императрицы. Она начала дѣлать нововведенія; сынъ ея все низвер-
 гнулъ и ничего не устроилъ на мѣсто того, что разрушилъ, а внукъ имѣлъ

Ты знаешь, что розу ственнаго снаруж... ^{себя} самолюбивы
Русскіе... Эти господа стали упражняться надъ бѣдною Россіею, издѣ-
ва... день постановленія. Эти господа были сущими машинами для вы-
дѣ... постановленій: только ихъ они и дѣлали, съ такою-же скороспѣшностью,
какая равнялась ихъ невѣжеству и легкомыслію. Указы эти были построены
на гипотетическихъ идеяхъ ихъ воображенія и неперевареннаго чтенія: то были
опыты, которые они хотѣли производить надъ несчастною Россіею, не вѣдая,
что опыты умѣстны только въ физикѣ и химіи, а пагубны въ юриспруденціи,
администраціи и политической экономіи. Но задоръ у этихъ нововводителей
былъ таковъ, что когда они почувствовали себя стѣсненными первоначальною
властью, которую Государь возвратилъ Сенату въ Сентябрь 1802 г., то чрезъ
нѣсколько мѣсяцевъ нашли средства избавиться отъ нея и уничтожить ее.
Россія дала отпоръ всей континентальной Европѣ, которую Бонапартъ при-
тащилъ за собою; но она не устоитъ противъ внутренней неурядицы, и толь-
ко Сенатъ да коллегіальныя учрежденія, созданныя Петромъ Великимъ, мо-
гутъ избавить ее отъ зла, какое дѣлаютъ и будутъ дѣлать министры, рабо-
тающіе на единѣ съ Государемъ и, потому, имѣющіе возможность вовлечь
его въ заблужденіе, по ихъ произволу, либо пехотя, вслѣдствіе собственнаго
незнанія, или обмана со стороны другихъ лицъ. Никто изъ министровъ не
станетъ никогда перечить неправильнымъ мѣропріятіямъ своего собрата, изъ
боязни, чтобы тотъ въ свою очередь не противоялся его дѣйствіямъ. Это все
равно, какъ Мольеровскіе лекаря: «Согласитесь со мною на счетъ слабитель-
наго, такъ и я, пожалуй, соглашусь съ вами на счетъ рвотнаго». (*Passez-moi
le séné, et je vous passe l'émétique*).

Осенніе мѣсяцы 1803 года пролегли полосою сильныхъ ощущеній
для графа Семена Романовича. Независимо отъ политическихъ за-
ботъ, которыя всегда принималъ онъ близко къ сердцу, и тревоги
по поводу разрушеннаго здоровья горячо-любимаго брата, было
въ виду еще обстоятельство, слишкомъ важное для него: молодой
графъ Михайлъ Семеновичъ выступалъ впервые на боевое поприще,
испросивъ себѣ откомандировку изъ гвардейскаго полка въ отрядъ,
дѣйствовавшій тогда противъ Персіи, подъ начальствомъ извѣстнаго
Кавказскаго героя, князя Циціанова, которому канцлеръ-дядя пору-
чалъ его, выражаясь такъ: «Онъ у насъ одинъ!» Узнавъ объ отъѣздѣ
сына (въ Октябрь 1803 г.), не былъ спокоенъ духомъ нашъ старый
Румянцовскій воинъ, но бодрился всячески и еще старался утѣшать
брата успокоительными посланіями. «Надѣюсь (пишетъ онъ къ канц-
леру), что Господь сохранитъ намъ добраго нашего мальчугана, и
если тотъ возвратится въ добромъ здоровьѣ,—на что я уповаю, то
походъ этотъ принесетъ ему пользу, доставивъ возможность узнать
большую часть Россіи. Это сдѣлаетъ перерывъ въ его ежедневныхъ
пошлыхъ занятіяхъ, т. е. въ отбываніи карауловъ, разводовъ, или
въ упражненіяхъ со своимъ взводомъ; а въ особенности спаситель-
но, что онъ на нѣсколько времени выдетъ изъ этого вихря раз-
сѣянной свѣтской жизни, которая не давала ему ни минуты для раз-
мышленія. Призчаюсь, мнѣ хотѣлось-бы, чтобы служба его проходи-
ла не въ гвардейскомъ полку; только кажется, что это нелегко
устроить, ибо ты ни разу мнѣ не откликнулся объ этомъ ⁴⁵).

⁴⁵) Графъ Мих. Сем. возвратился въ Спб. въ Декабрѣ 1804 г. По этому
случаю довольно интересенъ хвалебный отзывъ о немъ графа Завадовскаго
(См. XII т. «Воронц. Архива», стр. 289).

Между тѣмъ, это соизволеніе, данное съ желаніемъ во от-
ношеніи ко двору брата съезжающему, продолжалъ стоять на по-
бездсрочный отпускъ въ деревню «на сколько ему угодно» (это
случилось въ Февралѣ 1804 г.⁴⁶⁾, самъ сталъ помышлять объ отстав-
кѣ и, въ началѣ 1804 г., отправилъ всеподданнѣйшую просьбу о
дозволеніи возвратиться въ отечество, «дабы окончить послѣдніе дни
свои въ покоѣ и между родными». На эту просьбу Императоръ от-
вѣчалъ (30 Апрѣля), съ обычною благосклонностью, что находить
службу просителя въ Англіи истинно-полезною и желалъ бы ея про-
долженія, тѣмъ болѣе при настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ,
но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не хотѣлъ-бы стѣснять личныхъ на-
мѣреній и надобностей графа С. Р. Воронцова. Этотъ милостивый
царскій отвѣтъ побудилъ посла отсрочить выходъ изъ службы и по-
ложиться на собственное рѣшеніе Государя, когда именно ему, Во-
ронцову, удобно было бы воспользоваться отставкою безъ ущерба
для тѣхъ особенныхъ сношеній, которыя велись тогда съ Ан-
гліей... Благодаря Государя за лестное вниманіе, посолъ выразился,
что въ этомъ оказана отличная милость старому слугѣ престола,
на коемъ возсѣдаетъ Его Величество, «къ счастью Россіи и къ обо-
дренію угнетенной и погибающей Европы»⁴⁷⁾. Послѣдній
намекъ достаточно поясняетъ, въ чемъ заключались тогдашнія наши
сношенія съ Англіей: въ нихъ подразумѣвались переговоры о союзѣ
съ нею и съ Австріей, для совмѣстной войны, уже задуманной
Александромъ I-мъ, противъ Франціи, захваты которой, насилія и
притязанія на всемірное владычество, росли не по днямъ, а по ча-
самъ и дѣлались положительно невыносимыми.

Дѣйствительно, успѣшное устройство коалиціи болѣе всего по-
буждало посла отложить свою отставку: это мы видимъ изъ письма
его къ графу Александру Романовичу (отъ 12-го Окт. и. ст. 1804), въ
которомъ онъ сознается откровенно, что не будь въ виду этой цѣ-
ли, для коей онъ считалъ себя нелишнимъ въ Лондонѣ, то не оста-
вался бы долѣе на службѣ; а не будь въ Россіи двухъ нѣжно-люби-
мыхъ существъ: брата и сына, — онъ и не вернулся бы въ страну
съ суровымъ и невозможнымъ для его здоровья климатомъ, гдѣ у
него почти не стало друзей и гдѣ весь бытъ, весь складъ домашней и
общественной жизни, господствующій образъ мыслей и дѣйствій рѣз-
ко противоположны тѣмъ, съ какими онъ крѣпко сроднился въ двад-
цать лѣтъ, проведенныхъ въ Англіи, наживъ тамъ много дружескихъ
связей и привычку къ извѣстному порядку жизни, обстановленной
удобіемъ, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ. Графъ Семень Романовичъ не скры-
валъ, что давняя его мечта покончить съ службою и поселиться въ
Соутгамptonѣ, какъ въ пріютѣ тихой и независимой жизни, на пра-
вахъ частнаго человѣка; что и дочь свою онъ не прочь выдать за
мужъ въ Англіи, которую она предпочла бы Россіи, если бъ не имѣ-
ла въ сей послѣдней обожаемаго ею брата... Впрочемъ, по оконча-
ніи дѣла коалиціи, онъ располагалъ выѣхать въ Россію, весною
1806 года.⁴⁸⁾ Знаменательное письмо это служитъ нагляднымъ до-

⁴⁶⁾ Графъ А. Р. Воронцовъ поселился въ Москвѣ, откуда уѣзжалъ въ свое
Андреевское, сохраняя званіе и полную обстановку канцлера: при немъ была
канцелярія изъ чиновниковъ и къ нему посылались вурьеры съ депешами.

⁴⁷⁾ «Воронц. Архивъ» т. X, донесеніе отъ 17 Іюня 1804 г.

⁴⁸⁾ «Воронц. Арх.» т. X, стр. 230—232.

тѣхъ, чѣмъ что рожу ственнаго сна ружу, кажимъ Русскіе лисъ эти тавафа, кѣ родинѣ въ его ваческо, бы. одно, короны, этотъ человекъ болѣлъ по не душою, пѣгалъ живое, кровное участіе кѣ ея дѣламъ, кѣ ея судьбамъ,—такое участіе, которое не поддавалось вліянію ни преклонныхъ лѣтъ, ни долгаго отсутствія, и улеглось только вмѣстѣ съ нимъ въ могилѣ; съ другой стороны, какая-то физическая, если можно такъ выразиться, привязанность кѣ чужой странѣ, которая пришла подѣ стать личнымъ его вкусамъ, привычкамъ, условіямъ тѣлеснаго здоровья...

Обратимся кѣ нашему разсказу. Составленіе коалиціи завладѣло всѣмъ вниманіемъ графа С. Р. Воронцова, а онъ пользовался такимъ вѣсомъ и связями въ Англіи, что имѣлъ право рассчитывать на производительность своихъ хлопотъ въ этомъ дѣлѣ; но въ Петербургѣ Воронцовы вышли уже изъ кредита. Положимъ, охлажденіе не выказывалось открыто и грубо; но на обоихъ братьевъ-стариковъ стали смотрѣть какъ на людей выдохшихся, пережившихъ способности, докучливо повторяющихъ вѣчное одно и то же. Слишкомъ независимые характеры, совершенно несродные ни для усвоенія тайнствъ придворной тактики, ни для легкихъ уступокъ въ своихъ мнѣніяхъ, не могли быть пріятны. Графъ Александръ сошелъ со сцены, а съ его удаленіемъ, кредитъ графа Семена упалъ еще болѣе. Оттого, умѣнью стараго посла направить удачно нужное дѣло въ Лондонѣ не довѣряли; не довѣряли, можетъ быть, также и безпристрастію его, по отношенію кѣ видамъ Англійскаго министерства ⁴⁹⁾ и, на этомъ основаніи, посланъ обработать дѣло Н. Н. Новосильцовъ (тогда бывший въ должности товарища министра юстиціи), который долженъ былъ дѣйствовать изъ подѣ руки, подѣ видомъ изученія юридическихъ вопросовъ, но, въ сущности, заставлялъ старика Воронцова, непримѣтнымъ для него образомъ, дѣлать отъ своего имени то, что входило въ задачу Новосильцова. Подробности этой миссіи молодаго дипломата, пріѣхавшаго въ Лондонъ въ Ноябрь 1804 г., читатель можетъ найти въ извѣстной книгѣ С. М. Соловьева о политической дѣятельности императора Александра I-го ⁵⁰⁾. Замѣтимъ только, что особенно были интересны переговоры Новосильцова съ Питтомъ и его сотоварищами по министерству «о Восточномъ вопросѣ», который всегда являлся чувствительною струною Англіи. Такъ какъ, въ 1804 г., Русское правительство не изъявило передъ нею опредѣленнаго намѣренія связывать себя возобновленіемъ союзнаго договора съ Портою, то Сентъ-Джемскій кабинетъ тотчасъ же заподозрилъ Россію въ завоевательныхъ умыслахъ на будущее время по отношенію кѣ Турціи, что дало поводъ кѣ нѣкоторому усложненію переговоровъ объ устройствѣ противъ-Французской коалиціи.

Послѣдствія образованія этой коалиціи и возникшей затѣмъ первой войны нашей съ Наполеономъ, ознаменованной страшнымъ днемъ Аустерлица, извѣстны. Отмѣтимъ только, что гр. С. Р. Воронцовъ, вслѣдъ за возвращеніемъ Новосильцова въ Петербургъ, получилъ письмо отъ Государя (отъ 3-го Апр. 1805 г.), съ подтверж-

⁴⁹⁾ По выраженію С. М. Соловьева, «Воронцовъ казался старъ, упрямъ, узокъ въ своихъ взглядахъ и слишкомъ пылокъ въ ихъ проведеніи». (См. Императоръ Александръ I, ч. I, гл. 3, стр. 63.

⁵⁰⁾ Стр. 63—69.

денъ... это соизволеніе... желаніемъ ко-
 Георга III, чтобы... продолжалъ стоять на по-
 стѣ мѣстѣ, пока частный его... нестѣ...
 Имѣтимъ еще и то, что когда война началась и старшій посоль-
 узналъ о рѣшительномъ намѣреніи Государя ѣхать въ армию для
 личного распоряженія военными дѣйствіями, то крайне встревожился,
 какъ-бы предчувствуя, что это не обѣщаетъ успѣха, и нарочно
 писалъ къ Новосильцову, упрашивая его, чтобы онъ, вмѣстѣ съ
 княземъ Чарторижскимъ, отклонилъ Государя отъ поѣздки на театръ
 войны ⁵¹⁾.

Къ глубокой скорби отъ нашихъ неудачъ, къ сердечной тревогѣ
 за судьбу единственнаго сына, который участвовалъ въ этой войнѣ
 (дѣйствуя въ Сѣверной Германіи), прибавилось новое горе: 2-го Де-
 кабря 1805 года умеръ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ ⁵²⁾.
 Понятно, въ какой мѣрѣ должна была потрясти его душу кончина
 брата, вѣрнѣйшаго друга, втораго себя, если не по характеру,
 то по убѣжденіямъ и чувствамъ. Это событіе окончательно утвер-
 дило рѣшимость графа Семена Романовича оставить службу, и прось-
 ба его объ увольненіи была принята: 15-го Мая 1806 г. состоялся о
 томъ высочайшій именной указъ, которому предшествовалъ осо-
 бый рескриптъ Государя къ графу Воронцову (отъ 6-го Февраля),
 изложенный въ выраженіяхъ, полныхъ соболѣзнованія и благоволенія.
 Посольскій получилъ отставку, съ обращеніемъ ему въ пенсію шести
 тысячъ рублей (по курсу), которые выдавались ему въ подспорье
 къ посольскому содержанію, изъ почтовыхъ доходовъ ⁵³⁾.

Испросивъ разрѣшеніе остаться на годъ въ Англіи для поправле-
 нія здоровья, гр. Воронцовъ избралъ мѣстомъ давно-желаннаго отдыха
 тотъ-же любимый имъ городокъ Соутгамтонъ, гдѣ проживалъ онъ
 въ послѣдніе мѣсяцы Павловскаго царствованія. Почти одновременно
 со сдачею посольскихъ дѣлъ (въ Мартѣ 1806 г.), онъ былъ обрадо-
 ванъ пріѣздомъ въ отпускъ дорогаго гостя,—сына своего, который
 пробылъ у него до самой осени. Для старика настала пора той
 тихой, свободной жизни на покоѣ, что мечталась ему такъ часто
 въ эти послѣдніе годы; но она не усыпила заботливаго его отноше-
 нія къ отечественнымъ дѣламъ и если пресѣкла официальную его
 дѣятельность, то не мѣшала принимать въ нихъ участіе частнымъ
 образомъ, какъ это видно изъ переписки, послѣдовавшей за выхе-
 домъ его изъ службы.

Неудачный конецъ первой войны Александра I-го съ Наполеономъ,
 какъ мы уже говорили, жестоко сокрушалъ графа Воронцова: онъ

⁵¹⁾ «Воронц. Архивъ», т. XI, письмо, отъ 8 (20) Сентября 1805 г.

⁵²⁾ Предсмертнымъ желаніемъ покойника было, чтобы графъ Семенъ Рома-
 новичъ оставилъ службу и возвратился въ отечество. См. въ XII т. «Ворон-
 цовскаго Архива» письмо графа П. В. Завадовскаго, отъ 17 Декабря 1805 г.,
 стр. 304—305.

⁵³⁾ Въ царствованіе Александра Павловича, графъ С. Р. Воронцовъ былъ
 повышенъ званіемъ полномочнаго чрезвычайнаго посла, съ увеличеніемъ
 окладнаго содержанія (отъ котораго, впрочемъ, отказывался въ пользу млад-
 шихъ чиновъ посольства), пожалованъ брилліантовыми украшениями къ Андре-
 евскому ордену и портретомъ Государя для ношенія на груди. Этотъ по-
 слѣдній знакъ отличія онъ получилъ во время пребыванія своего въ Россіи,
 въ 1802 году.

— письмо къ Неполитанскому королю, — къ свѣдѣнію князя Чарторижскаго, — наполненное энергическими протестами противъ намѣренія заключить съ «Корсиканскимъ хищникомъ» миръ, который былъ съ нимъ немислимъ, по глубокому убѣжденію Воронцова.

«Содержаніе письма вашего къ графу Строгонову (такъ писалъ онъ) до того прискорбно, что я чувствую себя истинно-несчастливымъ. Гдѣ-бы я ни находился, мой родной край болѣе-всего меня занимаетъ; во всемъ, что до него относится, я принимаю живѣйшее участіе; въ его славу и благоденствіи состоитъ мое счастье; его униженіе, какъ вѣрное предвѣстіе паденія, приводитъ меня въ отчаяніе. Боже великій! Неужели примѣры монархій Французской, Испанской, Австрійской и Прусской не могли сдѣлать никакого впечатлѣнія на Императора нашего? Первая рушилась, а прочія видимо разрушаются; достовѣрность ихъ погибели уже заявляется потерей независимости, и все это произошло отъ слабости, нерѣшительности, боязливости ихъ государей и отъ ребяческаго страха мнимыхъ опасностей, которыя имъ представлены кознями глупцовъ и измѣнниковъ, получившихъ перевѣсъ надъ министрами предусмотрительными, праводушными и твердыми, коихъ тѣ успѣли вывести изъ довѣрія государей. Вотъ такіе-то коварные совѣты интригановъ, глупцовъ и предателей влекутъ государя и государство въ бездну крушенія ужаснаго и неизбѣжнаго. Конечно, съ арміей, разстроенной какъ теперь у насъ и неприводимой вновь въ то превосходное состояніе, при какомъ она возвеличила и прославила Русскую имперію, — съ этою арміей, уничтоженной Павломъ, упавшею духомъ и опозоренною подъ Аустерлицемъ, не слѣдуетъ болѣе вести войны; но можно, оставаясь у себя (въ своихъ предѣлахъ), не безчестить себя миромъ постыднымъ, унижительнымъ для Русскаго имени и пагубнымъ для Имперіи. Фоксъ здѣсь домогается мира во что-бы то ни стало, безъ всякаго нравственнаго принципа. Поклоняясь счастью Корсиканца и Талейрана, онъ радъ предлогу, подъ которымъ кроется у нашего Императора желаніе заключить миръ; — радъ потому, чтобы съ своей стороны выискать въ этомъ поводъ къ миру, отдавъ на жертву короля Неаполитанскаго, такъ какъ не считаетъ себя обязаннымъ сдержать обѣщаніе Питта. Но что можетъ сдѣлать какой-нибудь негодай, которому не страшенъ позоръ, такъ какъ онъ прожилъ 57 лѣтъ въ презрѣніи у честныхъ людей, тому не долженъ подражать императоръ Русскій! Вѣдь Русскій-же императоръ принялъ на себя обязательство передъ королемъ Неаполитанскимъ не мириться безъ того, чтобы Неаполь не былъ ему отданъ обратно, а именно это обязательство и побудило короля нарушить свой нейтралитетъ. Слѣдовательно, онъ сдѣлался жертвою своего довѣрія къ могуществу и добросовѣстности Императора. Пусть же Императоръ вспомнитъ про великодушное письмо Петра Великаго къ Шафирову о князѣ Кантемирѣ; пусть вспомнитъ, какъ этотъ великій государь считалъ, что предпочтительнѣе уступить до Курска лучшую часть Имперіи, чѣмъ не устоять въ данномъ словѣ: ибо онъ былъ увѣренъ, что у государей нѣтъ другаго достоянія, кромѣ чести, и что отречься отъ этого достоянія все равно, что перестать быть монархомъ. И такъ, должно поддержать Неаполитанскаго короля, предоставленнаго мщенію Корсиканца, вызвавъ для сего корпусъ Ласси, который помогъ бы оборонять Калабрію, а также и Сицилію. Надобно послать королю наши войска и, вмѣсто того, чтобы помышлять о мирѣ, надобно усилить нашу эскадру у Ионическихъ острововъ и у береговъ Калабріи и Сициліи; надобно послать денежное пособіе королю Неаполитанскому и объявить Корсиканцу, что безъ возвращенія Неаполитанскаго королевства законному его владѣтелю, не послѣдуетъ никогда не только мира, но не будетъ даже никакого сношенія между Россією и

айціей; надобно удалити въсь Французскіе товары. Необходимо только твердо стоять на своемъ, быть у себя хорошо вооруженнымъ, не довѣрять Пруссіи, ладить съ Швеціей, а съ Турками принять тонъ твердый и внушительный, послѣ чего можно рассчитывать на болѣе благоприятное время и выжидать будущихъ контингентовъ, которые не преминутъ явиться»⁵⁴⁾.

Подѣйствовало ли это письмо или нѣтъ, мы не знаемъ; но мирный трактатъ съ Наполеономъ, подписанный повѣреннымъ отъ Русскаго двора, Убри, ратификованъ Александромъ I-мъ не былъ.

Наступилъ 1807 годъ, составилаь новая коалиція противъ Франціи, съ участіемъ бездѣйствовавшей дотолѣ Пруссіи. Еще въ Апрѣлѣ 1806 г., на прощальной аудіенціи графа Воронцова, король Англійскій Георгъ III, въ бесѣдѣ съ нимъ, превозносилъ твердую политику Россіи, но горько сѣтовалъ на странную нерѣшительность Берлинскаго кабинета, благодаря коему не удалась кампанія 1805 года, и предсказывалъ, что за это недостойное поведеніе Пруссія понесетъ тяжкое возмездіе: ибо, съ потерей уваженія къ себѣ, она теряетъ также свою независимость «и покончитъ тѣмъ, что будетъ унижена самимъ-же Бонапартомъ, который обойдется съ нею не лучше, какъ съ Баваріей, съ владѣніями Виртембергскими и Баденскими и съ Голландіей, почти обращенными во Французскія провинціи»⁵⁵⁾. Событія оправдали это предсказаніе. Война 1807 года разгромила Пруссію и, по условіямъ Тильзитскаго мира, принудила Россію примкнуть къ изобрѣтенной Наполеономъ, на зло Англии, континентальной системѣ, а слѣдовательно, не только разорвать союзъ свой съ этою державою, но и вступить въ непріязненные къ ней отношенія.

⁵⁴⁾ «Воронц. Архивъ», т. XI, № 22, стр. 421.

⁵⁵⁾ «Воронц. Архивъ», т. X, стр. 448, всеподдан. донес. Воронцова отъ 6 Апрѣля 1806 г. Но, спрашивается, какимъ-же образомъ дѣйствовала тогда сама Англія, гдѣ такъ роптали на поведеніе Пруссіи? Объ этомъ можно судить по нижеслѣдующей небольшой выпискѣ изъ прекрасной статьи г. Фирсова «Отношенія Англии и Россіи въ царствов. Александра I-го», помѣщенной въ журналѣ «Древн. и Новая Россія», въ Мартовской книжкѣ за 1878 годъ; она можетъ дать понятіе о характерѣ союзныхъ къ намъ отношеній Англичанъ въ этотъ первый періодъ великой борьбы съ Наполеономъ. «Во время переговоровъ Франціи и Россіи въ началѣ 1806 г., Англійское правительство старалось воспрепятствовать, чтобы эти державы пришли къ соглашенію и въ тоже самое время совершенно безтактно держало себя относительно императора Александра. Слѣдующій фактъ иллюстрируетъ эту безтактность. Опасаясь, что Россіи придется вести новую кампанію и, можетъ статься, безъ союзниковъ, Александръ обратился къ Англійскому правительству съ просьбою дать Россіи займы 6 милліоновъ фунт. стерлинг. Англійское правительство отказало, но предложило Россіи заключить въ Англии частный заемъ, чрезъ банкировъ, съ тѣмъ, однако, чтобы, для обезпеченія Англійскихъ кредиторовъ Россіи, пошлины съ вывозимыхъ изъ Англии въ Россію товаровъ взимались въ Англии помимо Русскаго правительства и поступали въ уплату процентовъ по займу. Конечно, Россія отвергла тавія условія, тѣмъ болѣе оскорбительныя, что парламентъ предоставлялъ въ распоряженіе своего правительства 20 милліоновъ фунт. стерл. на выдачу субсидій по веденію войнъ съ Наполеономъ. (History of Europe, by Alison)».

дядя и дедъ графа С. Р. Воронцова, и семейнымъ его дѣламъ. Война 1807 г., при всей страстной ненависти его къ виновнику всемирныхъ кровавыхъ тревогъ, Наполеону, противъ котораго онъ вѣчно проповѣдывалъ борьбу непримиримую, мучительно волновала отеческія его чувства безпокойствомъ за жизнь сына ⁵⁶⁾; теперь же, когда война окончилась такъ неудачно, что втянула Россію въ насильственный союзъ съ Франціей и вынужденный разрывъ съ Англіей, старикъ просто приходилъ въ отчаяніе. Волею-неволею сыну его приходилось служить противъ этой послѣдней державы, если бы обстоятельства потребовали гдѣ-либо вооруженнаго съ нею столкновенія.... Но этого мало: около того-же времени, какъ улаживался Русско-Французскій миръ въ Тильзитѣ, графъ Семенъ Романовичъ еще болѣе скрѣплялъ личную связь свою съ страной, гдѣ провелъ большую часть жизни, помолвивъ единственную свою дочь-невѣсту, графиню Екатерину Семеновну, съ однимъ изъ именитѣйшихъ представителей Англійской аристократіи, графомъ Пемброкомъ-Монгомери, называвшимся при жизни своего отца лордомъ Гербертомъ, генераль-лейтенантомъ королевско-Британской арміи и кавалеромъ ордена Подвязки. Такъ-какъ молодая невѣста числилась фрейлиною Русскаго императорскаго двора, то отецъ ея счелъ необходимымъ испросить у матери и супруги своего Государя соизволеніе на этотъ бракъ, который, дѣйствительно, представлялся блестящею партіей и устраивался по взаимной склонности жениха и невѣсты ⁵⁷⁾. Согласіе было дано, хотя вдовствующая императрица Марія Федоровна выразила по этому случаю нѣкоторое сожалѣніе, что дочь графа Воронцова вступаетъ въ супружество не съ своимъ соотечественникомъ, чего желала всегда Государыня и о чемъ еще прежде намекала старику въ своихъ къ нему письмахъ, ⁵⁸⁾. Тѣмъ не менѣе бракъ состоялся, и отецъ новобрачной сталъ проживать болѣею частью въ Вильтонѣ (Wilton), помѣстьѣ своего зятя. Что касается Воронцова-сына, быв-

⁵⁶⁾ Воронц. Архивъ, т. XI, 23-е письмо графа С. Р. Воронцова къ Новосильцову, отъ 1 Марта 1807 г.—⁵⁷⁾ См. тамъ же, т. X, письмо гр. С. Р. Воронцова къ императрицѣ Маріи Федоровнѣ, отъ 1 Юня 1807 г., стр. 462—464.

⁵⁸⁾ Небезынтересно письмо графа Завадовскаго, который имѣлъ порученіе отъ Воронцова подать письма его обѣимъ Императрицамъ: «Царствующая ничѣмъ не возражала, а отозвалась только, что по сему обстоятельству еще долго тебя здѣсь не увидимъ; но вдовствующая приняла твой отзывъ такъ точно, какъ ты предполагалъ: хвалила качества твоей дочери, что любить и благоволить объ ней и въ такомъ расположеніи лучше бы желала видѣть ее въ замужествѣ за Русскимъ, чѣмъ Англичаниномъ. На сіе я представлялъ всѣ твои резоны, и достаточные, и справедливые; наипаче-же нравственность въ отношеніи къ связи супружеской, которой у насъ почти нѣтъ. Сей пунктъ неоспоримый превозмогъ противорѣчіе и въ прочихъ.... Какъ добрый отецъ и какъ человѣкъ благоразумный, ты основываешь прочное состояніе твоей дочери; это моя мысль, соображая всѣ отношенія къ ея благополучію. Почто меня увѣряешь, что твой братъ сего желалъ? Покойникъ со мною часто о семъ говорилъ, открываясь, что онъ и самъ хочетъ, и не разъ тебѣ совѣтывалъ, если партія предстанетъ, не отвергать союза съ достойнымъ иностранцемъ. Тѣ, которые видѣли зятя твоего въ Тильзитѣ, очень его хвалятъ; я навѣдывался о томъ постороннимъ образомъ». («Воронц. Арх.», т. XII, № 230, отъ 7-го Августа 1807 г., стр. 307).

скихъ дѣлъ и смущаемыи боязнью потерять на войнѣ единственнаго сына, совѣтовалъ ему выйти въ отставку. Графъ Завадовскій, какъ испытанный другъ семейства, отговорилъ молодого графа отъ исполненія неблагоразумнаго совѣта и прямо сообщилъ объ этомъ Воронцову-отцу. «Ничто иное я вижу тутъ какъ неодуманныя слѣдствія пылкаго нрава и живыхъ твоихъ чувствъ. Я увѣренъ, если сіи въ тебѣ успокоятся, то, озаренный обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ, самъ отвергнешь мѣры ему непричастныя. Зачѣмъ твоему сыну покидать службу, которую онъ любитъ, въ коей отличенъ, и лично для себя не позналъ досады? Не скрываю предъ тобою заключеній, что уже имѣютъ о тебѣ, яко поборникъ по Англіи. Противъ этого еще бы можно ставить оправданія; но противъ толковъ, что не любишь Россіи и которые возбудишь въ недоброжелательныхъ себѣ помянутымъ преселеніемъ, нелегко выводить опроверженіе. Хотя интересы взаимныя съ Англіею подають надежду о нерушимости; но буде бѣ паче чаянія дошло до разрыва, неужели и тогда сочтешь возможнымъ жить въ Англіи безъ предосужденія? Злословіе не щадитъ и невинныхъ, а по сему поводу соплело бы на тебя и видимую, и разительную улику»⁵⁹⁾.

Эти новыя отношенія Россіи къ Англіи, въ самомъ дѣлѣ, повторяли для графа С. Р. Воронцова почти тоже трудное положеніе, какое нѣкогда переживалъ онъ при Павлѣ; разрывъ между двумя государствами и въ настоящемъ случаѣ ставилъ его между желаніемъ остаться въ Англіи, — гдѣ теперь онъ чувствовалъ себя еще болѣе дома, чѣмъ прежде, вслѣдствіе замужества дочери, — и между обязательною необходимостью возвратиться въ Россію, гдѣ у него не стало уже брата и гдѣ сынъ, въ качествѣ военнотруженика, не жилъ осѣдло, на одномъ мѣстѣ. Бдительный другъ, гр. Завадовскій, опять-таки изъ первыхъ напомнилъ ему объ этой неприятной необходимости⁶⁰⁾. Слѣдовало послушаться добраго совѣта, какъ отчасти и сдѣлалъ опечаленный старикъ. Передъ наступленіемъ весны 1808 г., онъ

⁵⁹⁾ Тамъ-же, отъ 20 Сентября 1807 г., стр. 308.

⁶⁰⁾ «Разрывъ нашего союза съ Англіею, на сихъ дняхъ возвѣщенный, ты скоро услышишь. По сему обстоятельству было бы непристойно Россіянину и твоего состоянія продолжать свое пребываніе въ той землѣ. Съ другой стороны, сей политическій порывъ дойдетъ къ тебѣ въ такую пору, когда и неудобно, и опасно переѣзжать воду. Я считаю приличнымъ и нужнымъ (не пренебреги моего совѣта) отозваться тебѣ къ графу Николаю Петровичу Румянцову, яко министру иностранныхъ дѣлъ, что ты разумѣешь себя обязаннымъ тотчасъ выѣхать изъ Англіи; но суровое время претитъ твоей готовности, почему и просишь дозволенія дожидаться удобнаго пути, и чтобы не вмѣняли въ худо необходимость, задержавшую тебя. Въ своемъ отзывѣ не упоминай ниже словомъ о дѣлахъ политическихъ. Въ семъ пунктѣ скромность безопаснѣе, чѣмъ словоохотливость. Прими мое предвареніе за доводъ усердія. Я рѣшился на оное, зная твой духъ и сколько, бывъ разгоряченный, увлекаешься. Вспомни прошедшее, чему былъ подверженъ. А подозрѣніе людей не оставляетъ. Я воображаю главною неприятностью для тебя, что должно готовиться къ выѣзду, тогда какъ совершаешь судьбу своей дочери и не наслаждаешься довольно видѣніемъ ея благосостоянія». («Воронц. Архивъ», т. XII, письмо отъ 30 Октября 1807 г., № 232, стр. 309—310).

осклонное разрѣшеніе не стѣсняться и не подвергать себя опасности въ такую пору года, а выѣхать въ болѣе удобную, если притомъ это будетъ возможно по состоянію его здоровья. Но какъ было обратиться, когда порты континентальныхъ государствъ были заперты для Англійскихъ судовъ? Изъ дальнѣйшей переписки Воронцова съ Новосильцовымъ видно, что онъ намѣревался было ѣхать черезъ Швецію, но какъ и это направленіе пути было ему преграждено по военнымъ обстоятельствамъ, то ему оставалось отправиться прямо въ Ригу, для чего слѣдовало еще выхлопотать у Англійскаго правительства позволеніе быть допущеннымъ въ качествѣ пассажира на какой-нибудь казенный корабль, который довезъ бы его до Риги, подъ парламентерскимъ флагомъ. Вѣроятно, не безъ содѣйствія вліятельнаго зятя, на просьбу эту соглашались и предлагали Воронцову ѣхать на транспортномъ Трирскомъ (de Trèves) суднѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы будущій пассажиръ досталъ себѣ предварительно уполномочіе отъ своего Государя на формальное поручительство въ томъ, что корабль этотъ будетъ впущенъ въ гавань, не подвергнется задержанію и беспрепятственно можетъ отбыть назадъ, въ Англію. Гр. Воронцовъ просилъ Новосильцова доложить объ этомъ Императору, въ предупрежденіе всякихъ толковъ со стороны недобрыхъ людей; но кажется, что дѣло о выѣздѣ не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. По крайней мѣрѣ, изъ бумагъ, напечатанныхъ въ «Воронцовскомъ Архивѣ», не видно, чтобы графъ С. Р. Воронцовъ временно выѣзжалъ изъ Англій, пока господствовала враждебная ей континентальная система. Разумѣется, старика оставили въ покоѣ, и онъ безъ всякой помѣхи прожилъ все это время у дочери.

Черезъ пять лѣтъ, оттуда-же пришлось ему слѣдить болѣющимъ сердцемъ за громовыми событіями послѣдней роковой борьбы Россіи съ Наполеономъ, начиная съ Двѣнадцатаго года. Можно себѣ представить, какъ отдавались въ этомъ сердцѣ всѣ переходы страшной грозы, гдѣ чуднымъ образомъ совмѣстились и ужасы вражескаго нашествія «двадцати языкъ», и торжество ополчившейся Руси надъ изгнаннымъ, сломленнымъ врагомъ.... Напомнимъ опять, что, кромѣ тревогъ патриотическаго участія къ судьбамъ отечества, старикъ долженъ былъ ежедневно, ежечасно изнывать душою за дорогую ему жизнь воинственнаго сына, постояннаго подвижника въ этой трехлѣтней бойнѣ 1812—1815 г. Сколько горя долженъ былъ выстрадать онъ, когда узналъ, что молодой его герой получилъ тяжелую рану въ Бородинскомъ сраженіи и, за то, сколько радости прочувствовалъ онъ потомъ, въ виду доблестной и счастливой его службы, которая, подъ конецъ войны, дала ему извѣстность одного изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ генераловъ Русской арміи!

Къ эпохѣ окончательнаго изгнанія Французовъ изъ Россіи относится возобновленіе загдохшихъ было въ теченіе цѣлаго десятилѣтія сношеній графа Семена Романовича съ давнимъ другомъ, гр. Ѡ. В. Ростопчинымъ, тогдашнею знаменитостью первой величины, прославленной на всю Европу Московскимъ пожаромъ 1812 года. Здѣсь слѣдуетъ кое-что сказать по поводу взаимныхъ отношеній обоихъ друзей въ первое десятилѣтіе Александровскаго царствованія. По кончинѣ императора Павла, переписка между ними замолкла на годъ. Ростопчинъ жилъ почти безвыѣздно въ своей подмосковной,

сать къ Воронцову, а спустя годъ, сѣмь прервалъ молчаніе, сѣмь ясняя его тѣмъ, что не имѣлъ охоты вести переписку съ Семномъ Романовичемъ, когда послѣдній находился въ ладу съ заклятымъ врагомъ его, Ростопчина, графомъ Панинымъ. Конечно, Воронцову ничего не стоило доказать ревнивому другу странность подобныхъ претензій, и переписка ихъ съ тѣхъ поръ возобновилась, но шла какъ-то вяло, и далеко не въ прежнемъ тонѣ. Охлажденіе между обоими корреспондентами было очень замѣтное и еще усилилось несходствомъ мнѣній по части внѣшней политики, въ чемъ Воронцовъ отрицалъ всякую компетентность бывшаго первоприсутствующаго члена Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Наконецъ, съ обѣихъ сторонъ письменныя сношенія опять прервались,—на этотъ разъ, лѣтъ на десять, вплоть до 1813 года. Тутъ графъ Семенъ Романовичъ почувствовалъ неодолимую внутреннюю потребность общенія съ когда-то близкимъ и преданнымъ ему человѣкомъ, снискавшимъ въ его глазахъ новыя права на уваженіе своимъ энергическимъ образомъ дѣйствій въ бытность главнымъ начальникомъ Москвы, въ 1812 году. Да и кто-же другой изъ Русскихъ людей могъ-бы для старика болѣе удовлетворить этой потребности? Братъ Воронцова и лучшіе, старѣйшіе изъ общихъ ихъ друзей (включая сюда и графа Завадовскаго), покоились въ «сырой землѣ», а прочіе пріатели, кто былъ помоложе, не имѣли тѣхъ правъ короткой связи, искушенной опытомъ, какія были за графомъ Федоромъ Васильевичемъ. И вотъ, по почину Воронцова, вновь ожила дѣятельная переписка, продолжавшаяся безостановочно до самой смерти Ростопчина. Оба корреспондента переписывались, болѣею частію, за границею, такъ какъ гр. Воронцовъ постоянно жилъ въ Англии, а гр. Ростопчинъ, съ 1815 года, навсегда покинувшій службу,—преимущественно въ Парижѣ. Въ письмахъ послѣдняго мы находимъ полную живаго интереса бѣглую хронику всѣхъ тогдашнихъ новостей и вопросовъ дня, особенно со времени Реставраціи. Парижскія замѣтки желчно-остроумнаго наблюдателя поразительны необычайною меткостью и неумолимо-скептическимъ отношеніемъ къ явленіямъ тогдашней Европейской жизни, въ чемъ отразилось горькое недовольство человѣка, разочарованнаго личнымъ опытомъ и снѣдаемаго болѣзненнымъ чувствомъ неудовлетвореннаго самолюбія. Этотъ-же отпечатокъ недовольства носятъ на себѣ всѣ сужденія Ростопчина о личностяхъ той Русской среды, центромъ которой былъ царственный вождь Европейской коалиціи. Мы должны замѣтить, что такія воззрѣнія, какъ видно, находили извѣстный отголосокъ и въ мнѣніяхъ стараго графа Воронцова, который во многомъ не сочувствовалъ направленію и образу дѣйствій императора Александра, преимущественно съ эпохи конгрессовъ, выразившейся въ основаніи Священнаго Союза, хотя изъ всѣхъ этихъ порицаній того, что дѣлалось въ тогдашнее время, мудро добиться вывода, чего-же собственно хотѣлось нашимъ стари-

⁶¹⁾ По отзыву графа С. Р. Воронцова, Ростопчинъ, еще при Павлѣ, навлекъ на себя нерасположеніе Александра Павловича неумѣстными выходками; а вдобавокъ, былъ очерненъ потомъ окончательно во мнѣніи молодого Государя графомъ Н. П. Панинымъ. См. въ X. т. «Воронц. Архива» письмо графа С. Р. Воронцова къ брату отъ ⁶/₁₈ Декабря 1801 г., стр. 153—154.

Воронцовъ чуть-ли не весь родъ человѣчески. Но въ отношеніи общественнаго устройства (въ смыслѣ политическомъ), то Ростопчинъ, самъ деспотъ по натурѣ, не смотря на свое напускное фронтёрство, обнаруживалъ глубочайшую антипатію къ какимъ-либо либеральнымъ стремленіямъ, что не мѣшало ему относиться отрицательно и къ тѣмъ явленіямъ, которыя истекали изъ противоположнаго порядка вещей. Воронцовъ-же, невольнo поддавшійся вліянію Англійскихъ понятій о народномъ представительствѣ, замѣтно симпатизировалъ конституціоннымъ формамъ, но питалъ омерзеніе къ крайнимъ революціоннымъ идеямъ и къ партіи демократовъ, обзывавшихся тогда не иначе, какъ «Якобинцами». Политическая чуткость нашихъ стариковъ была, однакоже, на столько изощрена, что довольно рано дала имъ предвидѣніе неизбѣжнаго государственнаго переворота во Франціи и паденія возстановленныхъ на ея тронѣ Бурбоновъ.

Старые друзья размѣнивались между собой не одними лишь новостями и сужденіями о подобныхъ предметахъ, а дѣлились подробностями и о своей домашней жизни, не исключая и такихъ случаевъ, гдѣ неудобна была-бы огласка. Съ этой стороны особенно отличаются откровенностью письма Ростопчина, который не во всѣхъ семейныхъ своихъ отношеніяхъ могъ похвалиться тою благодатною безмятежностью, какая выпала на долю графа Семена Романовича, счастливаго отца и дѣда. Чувство полного довольства въ этомъ отношеніи и сознаніе семейнаго счастья отзываются въ каждомъ письмѣ его. Иногда только случалось ему волноваться изъ-за какихъ-нибудь скоротечныхъ столкновеній по службѣ сына, графа Михаила Семеновича, уже командовавшаго послѣ Наполеоновскихъ войнъ армейскимъ корпусомъ, который былъ расположенъ во Франціи, въ Мобѣжѣ и Валансьенѣ, съ 1815 по 1819 годъ.

Сношенія между старикомъ Воронцовымъ и Ростопчинымъ не ограничивались перепискою: онѣ поддерживались и свиданіями личными. Такъ, въ промежутокъ времени отъ 15 Апрѣля до Іюня 1820 г., графъ Ростопчинъ ѣздилъ въ Лондонъ и тамъ пользовался почти ежедневно сообществомъ графа Семена Романовича, а тотъ ѣздилъ въ Парижъ, для свиданія съ сыномъ, въ 1815, 1819 и 1821 годахъ. Эти встрѣчи не только закрѣпили давнюю связь обоихъ пріятелей, но взаимно познакомили ихъ съ семействами того и другаго, и знакомство это оставило свои слѣды и въ старомъ, и въ юномъ поколѣніяхъ, что видно по письмамъ Воронцова, полюбившаго меньшихъ дѣтей Ростопчина, и въ особенности графа Андрея Ѳедоровича⁶²⁾.

Въ 1826 г. смерть отняла у графа С. Р. Воронцова единственнаго близкаго его сердцу человѣка въ Россіи: графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, давно уже надломленный физически и морально, былъ окончательно сраженъ кончиною любимой своей незамужней дочери Елисаветы, скончавшейся въ Москвѣ, 1-го Марта 1825 года, 18 лѣтъ отъ роду, и самъ вскорѣ послѣдовалъ за нею, — 18 Января 1826 года: старѣй-

⁶²⁾ См. «Русскій Архивъ» 1872 г., стр. 2174—2176.

Тихо и безтревожно проходили эти послѣдніе годы долгой его жизни, до конца которой не затмѣвалась въ немъ полная ясность душевныхъ способностей. Ему досталось рѣдкое счастье достигнуть глубокой старости, не дряхлѣя нравственно и, такъ сказать, — угаснуть не померкая до послѣдняго мгновенія. Онъ не прекращалъ умственныхъ занятій. Въ самые послѣдніе дни жизни, почти девяностолѣтній старецъ, не желая беспокоить прислугу, отправился ночью со свѣчею въ свою библиотеку, находившуюся въ другомъ ярусѣ его дома, оступился и упалъ на лѣстницѣ.... Кончина его была умиленно-прекрасна, и вотъ въ какихъ словахъ описываетъ ее неизвѣстный авторъ краткой біографіи графа С. Р. Воронцова (на Французскомъ языкѣ):

«Совершенное спокойствіе духа и пріятное настроеніе его возвышеннаго ума, — отличительныя черты благороднаго его характера, — не покинули его ни на одинъ мигъ. Улыбаясь своимъ дѣтямъ, благословляя ихъ, онъ тихо отошелъ въ вѣчность, съ тою вѣрою, которую придаетъ въ послѣдній часъ сознаніе безупречнаго исполненія на долгомъ поприщѣ обязанностей гражданина, отца и добраго христіанина. Онъ желалъ, чтобы его похоронили безъ всякой пышности близъ приходской церкви и запретилъ ставить надъ собою какой-либо памятникъ, кромѣ простой мраморной плиты съ надписью имени его, времени рожденія и смерти. Эта послѣдняя воля была въ точности исполнена; но благодаренія, которыя онъ дѣлалъ съ истощающею любовью къ ближнему, скажутъ о немъ болѣе, нежели самыя великолѣпныя монументы... и мы считаемъ себя въ правѣ заявить, что немногіе люди въ чужой странѣ были столько любимы, уважаемы и оплакиваемы, какъ былъ въ Англии графъ Воронцовъ».

Онъ умеръ въ Лондонѣ 9 (21) Іюня 1832 года. При кончинѣ его присутствовали сынъ, графъ Михаилъ Семеновичъ, находившійся тогда въ заграничномъ отпуску, и дочь, графиня Пемброкъ, бывшая въ то время уже вдовою ⁶⁴⁾.

Здѣсь приведемъ нѣкоторыя воспоминанія о графѣ Семенѣ Романовичѣ Воронцовѣ, сообщенныя издателю «Рускаго Архива» въ Лондонскомъ письмѣ А. О. Смирновой, а къ ней дошедшія чрезъ посредство одного почтеннаго нашего соотечественника, со словъ покойнаго о. Я. И. Смирнова, бывшаго посольскаго священника, и дьячка Квитницкаго (тоже умершаго въ Лондонѣ).

«Такъ какъ графъ С. Р. Воронцовъ, оставивъ службу, поселился въ улицѣ Welbeck-street, чтобы жить не слишкомъ далеко отъ зданія нашей православной церкви ⁶⁵⁾, то его похоронили подъ сводами бли-

⁶³⁾ Изданная въ VIII томѣ «Воронцовскаго Архива» переписка заканчивается письмомъ графа С. Р. Воронцова изъ Лондона, отъ 1 Іюля 1825 г. и письмомъ графа Ѳ. В. Ростопчина изъ Москвы, отъ 12 Августа того же 1825 года.

⁶⁴⁾ Леди Пемброкъ скончалась въ Мартѣ 1856 года. Ея потомство, въ лицѣ нѣсколькихъ внуковъ и правнуковъ графа Семена Романовича Воронцова, существуетъ и теперь въ Англии, храня память о своемъ Русскомъ дѣдѣ и прадѣдѣ.

⁶⁵⁾ Къ стыду нашему, не составляющей доселѣ особаго зданія, а находящейся въ домѣ, ничѣмъ не отличающемся отъ другихъ. П. Б.

ноту и стремленіяхъ. Ему не приходской церкви, менбъзисъ... а между-тѣмъ въ Англии не было тогда столько пріютовъ и дру- ихъ богоугодныхъ заведеній, какъ въ настоящее время. Онъ пер- вый внесъ 500 фунт. стерлинг., и за нимъ пошла подписка всей зна- ти на устройство богадѣльни для престарѣлыхъ бѣдняковъ, мужчинъ и женщинъ. Эта богадѣльня и теперь существуетъ; въ прихожей ея стоитъ бюстъ графа Воронцова, съ надписью, что онъ основатель заведенія, и даже улица, туда ведущая, называется Воронцовскою (Woronzow road). Это богадѣльня въ родѣ тѣхъ, какія у насъ въ Рос- сіи, а совсѣмъ не то что называется у Англичанъ work-house и чего такъ не терпитъ тамошнее простонародье; въ основанное-же Воронцовымъ убѣжище то-и-дѣло просятъ неимущіе».

«Праха его (пишетъ А. О. Смирнова) до сихъ поръ покоится въ мѣстѣ погребенія, въ землѣ, хотя ему симпатичной, но все-таки чуждой для его Русскаго сердца и духа....»

V.

Для полноты біографическаго очерка, необходимо подвести итоги и бросить общій взглядъ на все, изложенное въ предыдущихъ главахъ.

Прежде всего представляются вопросы: вполне-ли отразилась лич- ность графа Семена Воронцова въ общественной дѣятельности, ка- кая выпала на его долю? Пришлась-ли эта дѣятельность въ уровень съ его свойствами, способностями, наклонностями? Чувствовалъ-ли онъ себя на своемъ мѣстѣ и нашелъ-ли онъ соотвѣтствующее при- ложеніе своимъ силамъ въ работѣ, которую задалъ ему жребій? Та- кіе вопросы не будутъ праздными, если поведутъ къ лучшей обри- совкѣ занимающаго насъ человѣка, къ болѣе вѣрной оцѣнкѣ какъ его самого, такъ и времени, которому онъ принадлежалъ.

Казалось-бы, отвѣчать на поставленные вопросы очень легко однимъ указаніемъ на плоды прожитаго существованія. Когда плоды эти свидѣтельствуютъ сами за себя въ его пользу, доказывая произво- дительность законченной жизни, стало быть, дѣятелю пришлось по плечу то положеніе, въ которомъ онъ стоялъ и, слѣдовательно, оцѣн- ка ему готова въ данныхъ фактахъ. Но, подобная оцѣнка была - бы скороспѣшна и недостаточна. Успѣхи и неудачи не всегда обнару- живаютъ внутреннюю стоимость дѣятеля; вопервыхъ, потому что подчасъ достаются по причинамъ случайнымъ, а вовторыхъ, могутъ оказываться несоразмѣрными его способностямъ и средствамъ, то- есть, могутъ выражать собою далеко не то, что онъ былъ-бы въ си- лахъ сдѣлать при иной обстановкѣ. Мало знать, что человѣкъ, до- стойный доброй памяти, никогда не расходился съ своими обязанно- стями и честно уживался съ даннымъ ему положеніемъ: нужно еще всмотрѣться, насколько онъ былъ выше или ниже своей вѣшной дѣятельности.

Перебирая съ пристальнымъ вниманіемъ наличный запасъ имѣю- щихся свѣдѣній, мы невольно приходимъ къ заключенію, что жизнь

графа Семена Воронцова, какъ и многихъ другихъ замѣчательныхъ нашихъ людей, не дала ему полнаго простора оправдать свое призваніе общественнаго дѣятеля. Онъ раздѣлилъ въ этомъ случаѣ участь Мордвинова, Сперанскаго, Ермолова и подобныхъ имъ знаменитостей, которые если и заявили себя исторически, то не успѣли совершить всего, что могли сдѣлать, не успѣли провести свое дѣло до конца. Такихъ людей у насъ было немало, и про многихъ изъ нихъ можно сказать словами Пушкина:

„Онъ въ Римѣ былъ-бы Брутъ, въ Афинахъ Периклесь;
А здѣсь“....

Здѣсь изъ него выходилъ, болѣею частію, недоконченный гражданинъ, жизненный путь котораго тормозился именно благодаря присутствію въ немъ тѣхъ стремленій, которыя называются «гражданскими». Вотъ этими-то стремленіями былъ неисцѣлимо-одержимъ и графъ Семенъ Воронцовъ, что вредило цѣлый вѣкъ служебному его поприщу. По неодолимой склонности открыто высказывать свои душевныя убѣжденія и стойко за нихъ ратовать, до неравной борьбы съ сильными міра сего и неблагопріятными обстоятельствами, какъ скоро шло дѣло о сознанныхъ выгодахъ отечества; по неохотѣ или неумѣнью жертвовать независимостью этихъ убѣжденій и чувствомъ собственнаго достоинства своимъ-же личнымъ видамъ честолюбія, — онъ никогда не могъ, да и не хотѣлъ, добраться до возможной высоты вліянія, почестей и другихъ благъ земныхъ, доставшихся людямъ менѣе самостоятельнымъ и способнымъ, но болѣе ловкимъ, а потому онъ не занималъ никогда первостепеннаго положенія.

При Екатеринѣ II ѣ, какъ привѣрженецъ ея предшественника, онъ не могъ проторить себѣ широкой дороги на военномъ поприщѣ дѣйствительными своими боевыми отличіями, а прокладывая ее пресмыкательствомъ передъ временщиками не умѣлъ и скоро вынужденъ былъ оставить эту любимую службу, что, можетъ быть, лишило въ немъ Россію славнаго полководца. Призванный потомъ на посланническое мѣсто, не совсѣмъ соотвѣтствовавшее природному его влеченію, онъ навсегда поселился внѣ отечества, не успѣвъ изучить его основательно, и хотя не остылъ въ жаркомъ чувствѣ любви къ родинѣ (чувствѣ, которое было вѣчною стихіею его души), но до того аклиматизировался съ бытовыми условіями чужой страны, что жизнь въ Россіи сдѣлалась для него какъ-бы физически невозможною. Тогда въ политическомъ его направленіи мало-по-малу проявился оттѣнокъ слишкомъ отвлеченнаго, хотя все-таки страстнаго патріотизма; и потому заграничная служба его, ознаменованная впрочемъ весьма важными дипломатическими заслугами, не могла быть столько производительною, какою явилась бы несомнѣнно дѣятельность его на иномъ поприщѣ внутри отечества, при ближайшемъ соприкосновеніи съ потребностями государственными и народными. Издалека, съ заморской чужбины, онъ посылалъ этому отечеству, въ лицѣ современныхъ представителей власти, свои горячія обѣтованія во имя общаго блага, свои записки и предположенія по внутреннимъ дѣламъ; — но все это не вызывало существенныхъ послѣдствій... Такимъ образомъ, еще разъ утерянъ былъ случай выработаться въ лицѣ графа Воронцова, сообразно его дарованіямъ, государственному человѣку, практически-полез-

эго стремленіяхъ. Ему не пришлось съ своею работою разбираться, куда помѣсти-
 притомъ, объяснить, думать о возможности принять предло-
 женіе, о высшемъ положеніе: человекъ съ самостоятель-
 нымъ характеромъ, съ твердою преданностью той идеѣ, что должно
 служить дѣлу, а не лицу, не могъ и не хотѣлъ быть собратомъ Ку-
 тайсовыхъ, Аракчеевыхъ, Паленовъ: онъ могъ только погибнуть
 безъ малѣйшей пользы для дѣла... Притомъ же, лучшая пора для
 всесторонняго знакомства съ малоизвѣстнымъ отечествомъ, для энер-
 гической работы и вызываемой ею борьбы, прошла безвозвратно
 еще въ Екатерининскія времена. Царствованіе Александра I заста-
 ло графа Воронцова уже старикомъ и не подѣлать молодымъ со-
 трудникамъ Александра, окружившимъ Русскій престолъ съ первыхъ
 дней новой эпохи, — Новосильцовымъ, Строгоновымъ, Кочубеямъ.
 Современникъ Задунайскаго и Безбородки, не утратившій еще бод-
 рости духа и способности впечатлительнаго отношенія къ дѣламъ,
 не могъ, однакоже, сохранить въ себѣ для новаго времени той свѣ-
 жести силъ, какая требовалась возникшею тогда въ правительственной
 сферѣ жизни. Александровское царствованіе, въ первоначальномъ
 его періодѣ, предоставило безгласному и безправному Русскому об-
 ществу нѣкоторую свободу мысли вслухъ, и графъ Семень Ворон-
 цовъ, привыкшій въ Англіи къ полнѣйшему господству этой свобо-
 ды, воспользовался, быть можетъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ Русскихъ
 людей, правомъ высказываться передъ верховною властью по за-
 тронутымъ ею вопросамъ о внутреннихъ преобразованіяхъ и по дип-
 ломатическимъ сношеніямъ съ иностранными державами; но старикъ
 видимо отживалъ свое дѣятельное время. Его отзывы принимались
 сперва съ благосклоннымъ вниманіемъ, а вскорѣ потомъ встрѣчали
 только снисходительное равнодушіе... Между тѣмъ, на чредѣ пра-
 вительственныхъ работъ одни преобразовательные планы слѣдовали
 быстро за другими, однѣ мѣры и полумѣры смѣняли другъ друга,
 до тѣхъ поръ, пока всѣ эти начинанія не были отгѣснены назадъ
 бурнымъ натискомъ внѣшнихъ событій. Тутъ опять старые дѣльцы
 должны были посторониться передъ своими молодыми преемниками,
 уступивъ имъ первенство дѣйствія: тогда графъ Воронцовъ и немно-
 гіе сверстники его поняли свое положеніе и удалились на покой.

Вотъ краткій очеркъ поприща, которое прошелъ графъ Воронцовъ.
 Отсюда можно видѣть, правы ли мы, говоря, что онъ не вполне вы-
 разился въ своей дѣятельности. Чѣмъ былъ онъ на своемъ вѣку?
 Воинъ, принужденный безвременно покинуть дѣло, къ которому, быть
 можетъ, имѣлъ истинное свое призваніе; потомъ импровизированный
 дипломатъ безъ подготовки и безъ особенной склонности къ той об-
 ласти, гдѣ языкъ слыветъ орудіемъ скрытія мыслей, — дипломатъ, воз-
 мѣстившій все, чего ему не доставало, вдохновеніемъ доброй воли и
 высокаго патріотизма, съ помощію которыхъ успѣвалъ онъ дости-
 гать важныхъ плодовъ, какихъ мало кто добывалъ изъ специалистовъ
 по этой части; далѣе, непризнанный и малосильный по влиянію рев-
 нитель отечества, подававшій издалека свой мужественный голосъ
 въ государственныхъ дѣлахъ, о которыхъ совсѣмъ его не спраши-
 вали; Русскій патріотъ, изжившій свой вѣкъ внѣ отечества и запод-
 озрѣнный на родинѣ въ англomanіи. Такова была житейская роль
 графа С. Р. Воронцова, — роль человека не въ своей настоящей
 средѣ.

Но при какомъ же иномъ назначеніи могъ онъ, необычайно ховныя силы, которыми былъ одаренъ онъ для трудоснаго служенія? На подобный вопросъ мудрено отвѣчать прямымъ указаніемъ. Очевидно только одно: дѣйствительное призваніе этого человѣка заключалось въ высшей и болѣе многосторонней государственной дѣятельности, а для нея главнѣйшіе у него способы заключались въ энергической преданности общему благу, чуждой всякимъ постороннимъ побужденіямъ, и въ глубокомъ пониманіи гражданскаго долга. Этими отличительными свойствами характера графъ Семень Воронцовъ рѣзко выступаетъ изъ сонма многихъ сановниковъ, которые весьма благополучно для самихъ себя, если не для отечества, вѣдали его судьбами, служа, въ сущности, собственнымъ страстишкамъ и личнымъ видамъ честолюбія или своекорыстія. Конечно, заслуги, оказанныя графомъ Воронцовымъ и дающія ему право на историческое имя, нисколько не умаляются выводомъ, который здѣсь сдѣланъ, и мы хотимъ только сказать, что, при тѣхъ же самыхъ качествахъ и дарованіяхъ, какими онъ обладалъ, но при другихъ условіяхъ и на другомъ мѣстѣ, заслуги эти могли бы быть еще выше и знаменательнѣе....

Въ частномъ быту графъ Семень Романовичъ былъ счастливцемъ. Мы коснемся теперь этой стороны его жизни, какъ особенно выдающей на-показъ всю внутреннюю суть человѣка; ибо ни въ чемъ такъ не высказывается человѣкъ, какъ въ домашнемъ обиходѣ. Правда, онъ слишкомъ рано понесъ тяжелый крестъ вдовства, который пришлось не снимать ему никогда; но это семейное горе находило утѣшеніе въ заботахъ отца о дѣтяхъ, выросшихъ имъ на радость себѣ и въ честь своему роду. Сынъ его еще смолоду приобрѣлъ вполне заслуженную извѣстность одного изъ способнѣйшихъ, образованнѣйшихъ нашихъ генераловъ и лучшихъ правителей, а впоследствии достигъ высшей степени въ служебномъ положеніи; дочь счастливо вышла замужъ, по выбору сердца, за человѣка знатной и почтенной фамиліи въ Англіи и, подъ конецъ жизни своего отца, услаждала послѣдніе его дни всевозможными попеченіями. Словомъ, какъ семьянинъ и отецъ, графъ Семень Романовичъ имѣлъ полное право благословлять судьбу. За то сколькихъ заботъ, полныхъ разумной любви и неусыпнаго труда, стоило ему выполнить съ такимъ успѣхомъ задачу воспитанія! Отцовскій глазъ все же не то, что материнскій. Такъ однажды, кормилица маленькаго Михаила Воронцова сломала ему ногу, упавши на ребенка, вѣроятно ночью, съ-пробсыня¹⁾; но въ счастію это происшествіе не оставило потомъ дурныхъ слѣдовъ. Гораздо болѣе хлопотъ и огорченій надѣлалъ чадолюбивому отцу чрезвычайно хилый организмъ дочери. Воспитательныя заботы о подросткахъ дѣтяхъ сопровождались большимъ успѣхомъ. Когда дѣти стали учиться, графъ Семень Романовичъ поставилъ себѣ цѣлью дать имъ не только тщательное образованіе на Европейскій ладъ, но и выдержать ихъ въ Русскомъ духѣ, на сколько было возможно въ чужихъ краяхъ, и дѣло пошло чрезвычайно удачно. Нерѣдко, въ письмахъ къ старшему брату, посланникъ нашъ сообщалъ ему о ходѣ дѣтскихъ занятій, при чемъ въ каждомъ словѣ обнаруживалось естественное самодовольство отца, гордившагося

¹⁾ См. въ «Русск. Старинѣ» 1878 г., №№ 11 и 12, письма и дневникъ В. Н. Зиновьева, стр. 228 и 596.

ъ людьми, тайлся въ природномъ (Благодушїи, стороннихъ, при которыхъ было ожденная пылкость, склонная къ непонятномъ для нихъ языкѣ), а потому не можетъ необычайно по-русски, хотя выговоръ у него совершенно чистъ; но все-таки я весьма доволенъ его успѣхами по этому предмету».... «Вчера, наканунѣ дня моего рожденія (писалъ онъ въ 1795 г.), графъ Старембергъ (Австрійскій посланникъ) и графиня, его жена, сдѣлали мнѣ прїятнѣйшій сюрпризъ, устроивъ тайкомъ отъ меня маленькій деревенскій спектакль, въ которомъ участвовали трое ихъ дѣтей вмѣстѣ съ моими.... Пьеса была очень недурно разыграна; за нею слѣдовала драматическая пословица, гдѣ играли хозяева дома, а старшая ихъ дочка и моя тоже пѣли куплеты. Сегодня же дѣти мои поднесли мнѣ подарки: Катенька свой Русскій съ Французскаго переводъ трагедїи библейскаго сюжета: «Смерть Адама», а Миша нѣсколько своихъ переводовъ (съ Французскаго же) разныхъ Цицероновскихъ трактатовъ нравственно-философскаго содержанія».

Дѣти нашего посланника, конечно, имѣли друзей въ высшемъ Лондонскомъ обществѣ и бывали при дворѣ. Еще будучи малютками (въ 1787 г.), они, по желанію королевы, были ей представлены и обласканы ею и королемъ. «Ихъ величества», писалъ по этому случаю польщенный такимъ вниманіемъ отецъ, «остались довольны дѣтьми моими и вчера отзывались мнѣ о нихъ съ большою похвалою. Они находятъ, что Катенька миловиднѣе и забавнѣе, но что у Мишеньки болѣе кроткое и интересное выраженіе лица: это совершенно вѣрно, потому что дѣйствительно ребенокъ этотъ имѣетъ въ себѣ нѣчто, выказывающее доброту и разумность, что и дѣлаетъ его очень интереснымъ».

Счастливымъ въ дѣтяхъ, графъ Семень Романовичъ былъ счастливъ и во всѣхъ своихъ привязанностяхъ. Изъ его друзей, лучшимъ и нѣжнѣйшимъ былъ братъ его, графъ Александръ Романовичъ, другъ неизмѣнный до могилы, вѣрный товарищъ по убѣжденіямъ и симпатіямъ, любящій братъ, какихъ почти уже не встрѣчается въ нашъ вѣкъ. Личная связь братьевъ поддерживалась въ ихъ долгой разлукѣ постоянною перепискою и выражалась въ глубокомъ, истинно-трогательномъ участїи другъ къ другу и безграничномъ взаимномъ довѣрїи. Не было, кажется, мысли и впечатлѣнїя, которыми бы не дѣлились они между собою, за всѣмъ тѣмъ, что значительно различались характерами. Младшій братъ всегда совѣщался съ старшимъ, какъ въ политическихъ вопросахъ, такъ и въ семейныхъ дѣлахъ; старшій завѣдывалъ его имѣніемъ въ Россїи, былъ главнымъ его повѣреннымъ, совѣтникомъ, комиссіонеромъ, ходатаемъ, относясь къ младшему какъ бы на отеческихъ правахъ; нерѣдко, патріархальнымъ образомъ журилъ брата за излишнюю пылкость, за неумѣстную въ Русскомъ челоуѣкъ смѣлость слова и настойчивость по службѣ, или за безрасчетливость въ денежныхъ дѣлахъ, — и тотъ, болѣею частїю, смиренно принималъ эти нагоняи, возражая иногда въ смыслѣ оправданїя, но безъ малѣйшей досады. Непрерывная переписка между братьями шла всегда въ серьезномъ тонѣ и почти исключительно на Французскомъ языкѣ; однако, изрѣдка, ни съ того, ни съ сего, графу Александру Романовичу приходила въ голову затѣя переписываться по-русски, въ чемъ онъ былъ весьма несиленъ, и тогда корреспонденція принимала мгновенно комическїй колоритъ. Въ такихъ случаяхъ, всякій разъ братецъ «Сенюша» слезно умолялъ «Алексашу», чтобы тотъ сдѣлалъ милость, пощадилъ бы его отъ многотрудной

работы разбирались загадочныя каракули этого Русскаго почерка, да притомъ графъ имъ не успѣлъ сблизить бы мѣстоименій «вы», «я», «онъ» отъ родными братьями совершенно не къ лицу, когда они сносятся другъ съ другомъ не на Французскомъ языкѣ.

Насколько были близки отношенія графа Семена съ братомъ, настолько холодны и натянuty съ сестрою ихъ, княгинею Дашковой, и ея дѣтьми. Къ первой онъ не благоволилъ за притязательный характеръ (а быть можетъ, отчасти, и вслѣдствіе впечатлѣній 1762 г.); послѣдніе же ему не нравились неудачною выдержкою, полученною отъ матери, которая слишкомъ перемудрила свои педагогическіе приемы... Графиня Марія Романовна Бутурлина была много старше братьевъ, рано вышла за мужъ, и они съ нею не сблизались; Елисавету же Романовну Полинскую оба брата нѣжно любили.

Довольно много искреннихъ друзей успѣлъ нажить себѣ графъ Семенъ Романовичъ на родинѣ, а еще болѣе въ чужихъ краяхъ, и едва ли на комъ нибудь иномъ оправдывалась такъ мѣтко ходячая истина, что достоинство человѣка всего вѣрнѣе узнается по его друзьямъ. Выборъ друзей у него всегда падалъ очень счастливо на людей, вполне стѣдившихъ его пріязни, а если не со всѣми лучшими Русскими людьми сблизилъ его обстоятельства жизни, то не было изъ среды такихъ людей никого, кто бы, при отдаленныхъ съ нимъ отношеніяхъ, не пользовался его уваженіемъ или сочувствіемъ. Въ Россіи это были: Безбородко, Завадовскій, Гудовичъ, лейбъ-медикъ Рожерсонъ, адмиралъ Грейгъ, В. Н. Зиновьевъ, баронъ Николай, Ростопчинъ, Румянцовы, Кочубей, Новосильцовъ. Изъ знакомыхъ второй категоріи (т. е. менѣе близкихъ графу С. Р. Воронцову) назовемъ Трошинскаго, графа Моркова, Колычева, адмираловъ Макарова, знаменитаго Н. С. Мордвинова, Повалишина и Карцова. Что касается многочисленныхъ заграничныхъ пріятелей графа Воронцова, то мы упомянемъ только о тѣхъ, которые состояли въ особенно тѣсныхъ съ нимъ отношеніяхъ, какъ напр. Стюартъ Маккензи (хранитель печати Шотландскаго королевства), Спенсеръ (лордъ адмиралтейства), лорды Грэнвилль, Гамильтонъ, Вортлей, мистеръ Лансъ, Венеціанецъ графъ Моцениго, Неаполитанскій дипломатъ князь Кастельчича (одинъ изъ наиболѣе расположенныхъ къ Воронцову), Австрійцы графъ Старембергъ и графъ Стадіонъ, Португальскій дипломатъ кавалеръ Пинто, Французы: герцогъ д'Экаръ и графъ Бартеlemi. Остальныхъ иноземныхъ почитателей и добрыхъ знакомыхъ Воронцова считать пришлось бы долго: такимъ всеобщимъ уваженіемъ, пользовался онъ среди чуждаго общества, гдѣ поселила его судьба. Умѣть быть любимымъ многими и въ то же время держать себя совершенно самостоятельно, не прибѣгая ни къ какимъ хитрымъ уловкамъ, не унижаясь до шарлатанства и двуличнаго поддакиванья разнымъ мнѣніямъ,—эта рѣдкая и завидная способность составляла своеобразную черту въ характерѣ графа Семена. Прямодушіе его переступало часто за предѣлы благоразумной осторожности, когда задѣвались любимыя его убѣжденія: онъ безъ всякихъ околичностей, безъ заливокъ высказывался открыто, не уклоняясь отъ спора; но, при этомъ, какъ-то успѣвалъ не раздражать противника, не наживать себѣ его негодованія и не вредить личнымъ своимъ отношеніямъ. Сколько можно судить по сохранившимся о немъ отзывамъ, весь секретъ этого

умѣнья обходиться съ людьми, тайлся въ природномъ (Благодушїи, въ общительной его природѣ) рожденная пылкость, склонная въ увлеченїямъ, счастливо уравновѣшена и не имѣла никакой деликатности и отсутствїемъ всякой назойливости; всякая новенія на самохвальство или высокомерїе. Его обращенїе всегда отличалось спокойнымъ достоинствомъ и доброжелательностью, готовою на содѣйствїе совѣтомъ и дѣломъ.

Личныхъ враговъ,—то есть, враговъ изъ-за причинъ, постороннихъ общественнымъ интересамъ,—онъ не имѣлъ. По крайней мѣрѣ, въ обширной перепискѣ тогдашняго времени, мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда подобныхъ отношенїй. У него были противники по убѣжденїямъ, и даже такіе, съ которыми онъ велъ ожесточенную борьбу, но личныхъ недруговъ не было, если не считать Потемкина и Зубова (которые, впрочемъ, не выказывали особенной энергїи въ своей къ нему неприязни), да сестру Зубова, О. А. Жеребцову. Но и эти исключенїя нельзя причестъ къ послѣдствїямъ чисто-личныхъ столкновенїй, такъ какъ онѣ были вызваны обстоятельствами, касавшимися все-таки или политическихъ дѣлъ, или придворныхъ каверзъ.

Въ такомъ же привлекательномъ свѣтѣ являютя передъ нами отношенїя графа Семена Романовича къ людямъ, которые непосредственно отъ него зависѣли. Какъ начальникъ своихъ подчиненныхъ, онъ и въ военной службѣ, и въ дипломатической, отличался внушительною способностью поселать въ нихъ соревнованїе къ дѣлу, вмѣстѣ съ личною къ себѣ приверженностью, вникать въ ихъ нужды, ободрять труды, усердно предстательствовать за нихъ. Это былъ образцовый руководитель и неусыпный ходатай за своихъ сослуживцевъ, готовый промѣнять для ихъ повышенїй и отличїй тѣ награды, какія предлагались ему самому. Никого изъ младшихъ себя по службѣ или общественному положенїю не забывалъ онъ своимъ вниманїемъ и участїемъ, какъ бы выскивая случаи обласкать, обязать всякаго, кому могъ выразить ободряющїй привѣтъ, оказать какую нибудь вещественную или нравственную поддержку. «Бывало», (разсказывала А. О. Смирнова со словъ тѣхъ людей, среди которыхъ сохранились Лондонскїя воспоминанїя о Воронцовѣ) «бывало, фельдъегеря, привозившіе въ то время депеши изъ Россїи, по-долгу живали въ Лондонѣ, ожидая отвѣта: имъ всегда былъ прїютъ въ посольскомъ домѣ графа, и они не слишкомъ скучали. Впослѣдствїи, когда по-словъ былъ князь Ливенъ, все это измѣнилось. Вотъ, однажды, Семень Романовичъ въ Русской церкви замѣтилъ человѣка опрятно одѣтаго, усердно молящагося, и спросилъ, кто это. Ему сказали, что это фельдъегеръ, уже двѣ недѣли здѣсь живущїй и ужасно скучающїй отъ того, что не знаетъ, когда его отошлютъ въ обратный путь. Посоль его подозвалъ, нашель, что онъ довольно образованъ и велѣлъ явиться къ себѣ. Разговорившись съ нимъ, удивился онъ его отвѣтамъ о предметахъ вѣры и звалъ къ себѣ обѣдать. Курьеръ еще съ мѣсяцъ оставался въ Лондонѣ и имѣлъ счастье быть почти постоянно въ домѣ графа, а тотъ въ свою очередь повторялъ: «какъ прїятно видѣть такихъ истинно-образованныхъ земляковъ!».

Графъ Воронцовъ умѣлъ также быть добрымъ господиномъ. Конечно, нельзя сказать, чтобы образъ его мыслей о крѣпостномъ правѣ значительно опередилъ понятїя тогдашняго Русскаго общества; но все же онъ не принадлежалъ къ числу крайнихъ сторонниковъ душевладѣнїя. Онъ гнушался злоупотребленїями крѣ-

онъ, подобно другимъ дворянамъ, говорилъ о возмутительной
 несправедливости и высказывалъ заботливость о благосостояніи
 своихъ крестьянъ, на сколько это было возможно въ положе-
 ніи вѣчно-отсутствующаго помѣщика. «Съ удовольствіемъ узнаю»,
 писалъ онъ къ брату (въ Мартѣ 1787 г.), «что, будучи въ Ворон-
 цовкѣ и Алабухѣ, ты нашелъ имѣнія эти въ цвѣтущемъ видѣ, а
 крестьянъ тамошнихъ зажиточными и довольными... Пріятно мнѣ то-
 же, что тобою сдѣланы распоряженія къ умноженію доходовъ безъ
 всякаго отягощенія моихъ вассаловъ». Еще съ бѣльшею забот-
 ливостью онъ относился къ своей домашней крѣпостной прислугѣ,
 которой старался доказывать признательность за усердную ея
 службу: чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно прочитать его
 письма, въ которыхъ онъ поручаетъ особеннымъ попеченіямъ гра-
 фа Александра Романовича возвращающихся на родину изъ Англии
 бывшую кормилицу своихъ дѣтей, Педагею (съумѣвшую заслу-
 жить почтеніе знатныхъ Англичанокъ) и стараго служителя своего,
 пробывшаго при немъ лѣтъ сорокъ, Ивана Краснополян-
 скаго...⁴⁾

Въ понятіяхъ о сословныхъ различіяхъ у графа Семена Романови-
 ча замѣчается рѣшительная преданность аристократическому нача-
 лу, приобрѣтенная еще на родинѣ въ домѣ государственнаго канцле-
 ра и окончательно развитая потомъ вліяніемъ той среды высшаго
 Англійскаго общества, въ которой онъ вращался цѣлый вѣкъ. Кон-
 сервативныя воззрѣнія въ этомъ духѣ обнаруживаются чуть-ли не
 въ каждомъ его письмѣ; но ихъ исключительность носитъ оболочку
 болѣе благовидную, чѣмъ слѣдное увлеченіе кастовыми предразсуд-
 ками. Она смягчается у него идеею родовой чести, тою идеею, что
 связываетъ понятіе о преимущественныхъ правахъ съ понятіемъ о
 сопряженныхъ съ ними обязанностяхъ. По мнѣнію графа Воронцова,
 истинно-доблестные сыны отечества могли являться предпочтитель-
 но изъ тѣхъ семей знатнаго происхожденія, которыя привыкли до-
 рожить славными преданіями своего историческаго имени и, потому,
 ревниво оберегаютъ чистоту этого имени отъ всякой профанціи не-
 достойными дѣяніями. Отсюда видно, до какой степени графъ Воронцовъ
 идеализировалъ свою теорію аристократическаго преобладанія и какъ
 мало былъ онъ знакомъ съ фамилными хрониками Русской знати.
 Но, съ извѣстной точки зрѣнія, взгляды его на этотъ предметъ бы-
 ли неизмѣримо выше и чище, чѣмъ у большинства его современ-
 никовъ и вотъ отчего онъ такъ настойчиво твердилъ, что доступъ
 къ высшимъ государственнымъ должностямъ долженъ быть преиму-
 щественно открытъ людямъ вельможной породы, и что, вообще, Рус-
 ское дворянство необходимо усилить въ его сословныхъ привилегіяхъ.
 «Point de noblesse, point de monarchie» (безъ дворянства нѣтъ монархіи),
 говаривалъ онъ.

И, за всѣмъ тѣмъ, въ жизни практической, судя по ея слѣдамъ
 въ сохранившейся перепискѣ, у него не видно никакихъ рѣзкихъ вы-
 ходовъ родоваго чванства. Мы имѣемъ въ виду одно только письмо
 графа С. Р. Воронцова къ князю Николаю Борисовичу Юсупову⁵⁾,
 гдѣ мелькаетъ нѣчто подобное. Дѣло въ томъ, что князь Юсуповъ,
 завѣдуя въ Петербургѣ театральною дирекціей, обратился съ прось-

⁴⁾ «Воронц. Арх.», т. IX, отъ 2 Авг. 1792 г., и т. X, отъ 24 Іюня 1800 г.

⁵⁾ См. Французскій подлинникъ въ «Воронц. Арх.», т. XI, стр. 321—322.

бою къ графу Воронцову въ родномъ
скихъ пѣвцовъ (не устоявшихъ въ
лемъ Петербургской оперной труппы и удалившихся въ Лондонъ
исполненію нарушеннаго ими договора. Тогда, видимо-недовольный,
посольтъ такъ отвѣчалъ князю Юсупову:

«Я получилъ письмо вашего сіятельства съ приложеніемъ при себѣ дру-
гаго, писаннаго отъ нѣкаго Астарити (который, какъ вы сдѣлали мнѣ честь
пояснить, состоитъ содержателемъ Петербургскаго театра), на имя какаго-то
Морелли, пѣвца при Лондонскомъ театрѣ. Вы желаете, чтобы я позвалъ къ
себѣ сего послѣдняго, также, какъ и другаго пѣвца, по имени Виганони, да-
бы уговорить обоихъ выполнить, чрезъ возвращеніе ихъ въ Петербургъ, тѣ
обязательства, въ какія они вошли съ этимъ Астарити. Я поспѣшилъ бы со
всею моею готовностью сдѣлать вамъ угодное, князь, если-бы могъ удовле-
творить вашему желанію; но весьма сожалею, что не въ состояніи служить
вамъ, какъ-бы хотѣлъ, въ настоящемъ случаѣ. Я очень люблю музыку и по-
сѣщаю оперу, когда живу въ городѣ; но я никогда не терпѣлъ сообщества
актеровъ, пѣвцовъ и танцовщиковъ, не любя видѣть ихъ и слышать иначе,
какъ только со сцены. Вотъ почему, будучи еще въ Венеціи, когда мои хо-
рошіе знакомые (покойный г. Елагинъ, а послѣ него г. Стрекаловъ) завѣды-
вали въ придворномъ управленіи нашими спектаклями и просили иногда меня
входить въ дѣла, подобныя тому, о которомъ вамъ угодно теперь относиться
ко мнѣ,—я, бывало, отвѣчаю имъ, что, поставивъ себѣ за правило не вмѣ-
шиваться ни въ какія театральныя дѣла, отъ которыхъ я имѣю непреодоли-
мое отвращеніе, прошу уволить меня отъ нихъ, и тѣ не принимали въ дур-
ную сторону такихъ моихъ отказовъ, по дружбѣ ко мнѣ. Я, пожалуй, пошлю
по адресу письмо, присланное на имя Морелли и велю ему передать, что онъ
можетъ прямо отъ себя отвѣчать Астарити по почтѣ, которая отходитъ въ
Россію дважды въ недѣлю; но не могу приглашать къ себѣ ни этого пѣвца,
ни другаго, называемаго Виганони, на томъ основаніи, что если они желаютъ
ѣхать въ Россію, то поѣдутъ сами-собою, а если не хотятъ этого, то ни я
и никто въ мірѣ не въ правѣ заставить ихъ насильно удалиться изъ здѣшней
страны. Англійскіе законы таковы, что никого нельзя принуждать къ отбытію
отсюда противъ собственной его воли. Если въ письменномъ договорѣ съ дву-
мя пѣвцами-буффонами есть условіе о денежной пенѣ за неустойку въ испол-
неніи договора, въ такомъ случаѣ пусть Астарити пришлетъ контрактъ сю-
да, съ довѣренностью на имя какаго-нибудь здѣшняго негоціанта, для преслѣ-
дованія нарушителей по закону и для взысканія слѣдующей съ нихъ пени;
самъ-же я и никто другой изъ чиновъ посольства не можетъ взяться за дѣло
о такомъ преслѣдованіи, въ силу извѣстныхъ условій международнаго права.
Такимъ образомъ, я не могу вмѣшиваться въ счеты, завязавшіеся между Аста-
рити и двумя буффонами. Эти господа только насмѣялись-бы надо мною,
еслибъ я скомпрометировалъ себя, пригласивъ ихъ придти ко мнѣ, чтобы увѣ-
щевать ихъ выполнить обязательство, данное содержателю Петербургскаго те-
атра, такъ какъ они хорошо знаютъ, что принудить ихъ къ этому я не могу.
Надѣюсь, князь, что вы убѣдитесь въ моей невозможности вступаться въ это
театральное дѣло и примете разъясненія, мною сообщаемыя, съ тѣмъ-же снис-
хожденіемъ, съ какимъ принимали ихъ въ подобныхъ случаяхъ гг. Елагинъ
и Стрекаловъ».

и сдѣлали-бы прориски въ характеристикѣ графа Воронцова, заключающейся въ немъ чертѣ: живой его любознательности и постоянномъ стремленіи къ самообразованію, съ-молоду до преклонныхъ лѣтъ. Любовь къ чтенію и участіе ко всѣмъ современнымъ движеніямъ умственной дѣятельности пополняли въ немъ недостатокъ школьнаго образованія, котораго значеніе понималъ онъ болѣе, чѣмъ кто либо иной, но которое давалось очень немногимъ нашимъ дѣдамъ и отцамъ во время оно, когда главнѣйшія педагогическія требованія не заходили дальше изученія на практикѣ Французскаго разговорнаго языка, да знакомства съ модными произведеніями Французской-же словесности и съ мифологіей, какъ неизбѣжнымъ атрибутомъ стихотворныхъ комплементовъ... Но братья Воронцовы по крайней мѣрѣ вынесли изъ дома дяди своего, канцлера, и изъ путешествій по Европѣ, кромѣ знанія нѣсколькихъ языковъ, уваженіе къ наукѣ въ обширномъ смыслѣ слова, сочувствіе къ успѣхамъ мысли, желаніе усвоить изъ нихъ то, что было доступно,—и не измѣнили этому направленію до конца. Графъ Семень Романовичъ слѣдилъ за всѣми видными явленіями въ области науки и словесности, разсмѣниваясь съ братомъ книжными новостями и впечатлѣніями по поводу прочитаннаго. Изъ его писемъ можно-бы подобрать цѣлый рядъ извлеченій, посвященныхъ этому предмету. Все, что выходило въ свѣтъ наиболѣе замѣчательнаго въ Европейской литературѣ, на языкахъ Французскомъ, Англійскомъ, Итальянскомъ, непременно обращало на себя его пытливое вниманіе и посылалось въ гостинецъ брату, не исключая безчисленнаго множества разнородныхъ памфлетовъ и брошюръ политическаго содержанія, которыми наводнена была тогда заграничная печать, влѣдствіе событій Французской революціи. За эти иноземные гостинцы графъ Александръ Романовичъ отплачивалъ по силѣ возможности нашими отечественными,—посылая въ Лондонъ сочиненія Ломоносова, Хераскова, изданія академическія, сборникъ Голикова о Петрѣ Великомъ и т. п.

Графу Семену Романовичу приходилось быть иногда комиссіонеромъ самой императрицы Екатерины по этой части. Изъ переписки его съ графомъ Безбородко и вице-канцлеромъ Остерманомъ, видно, что, чрезъ его посредство, получались изъ Англійи коллекціи камеевъ, книжныя библиографическія рѣдкости, оптическіе и физическіе инструменты, замѣчательные эстампы и пріискивались ученые спеціалисты, напр. по части математики. Любопытно, что когда нашъ посланникъ хлопоталъ въ Англійи о приглашеніи «искусныхъ алгебристовъ и калкуляторовъ», изъ Оксфорда отозвались, что тамъ «дивятся», какимъ образомъ въ Россіи, «имѣвъ у себя Фусса, Суворова и Никитина, еще ищутъ четвертаго алгебриста, и при семъ случаѣ, выхваляя весьма перваго, какъ уже извѣстнаго во всемъ ученomъ свѣтѣ, весьма похваляютъ тоже господъ Никитина и Суворова, кои въ Оксфордѣ межъ искусными математиками и алгебристами почитались», въ особенности послѣдній ⁶⁾. Чрезъ графа же Воронцова Англійскіе ученые и художники подносили Государынѣ въ даръ свои произведенія. Впослѣдствіи, при Александрѣ I-мъ (въ 1803 году), на него возлагалось исполненное съ успѣхомъ порученіе къ Англійскому правительству о допущеніи снять копии съ нѣкоторыхъ архивныхъ

⁶⁾ По смыслу письма, должно заключить, что «алгебристы» требовались не для цѣлей чисто-научныхъ, а «для составленія шифровъ и разобранія оныхъ».

дипломатическихъ документовъ, а именно: съ депешъ Англійскихъ посланниковъ изъ Россіи начиная отъ 1717 года. Свѣдѣнія, касающіяся новѣйшей Русской исторіи, принимали любознательнаго посланника. Онъ тщательно собиралъ въ Англіи все, что могъ добыть по этому предмету изъ старыхъ и новыхъ иностранныхъ источниковъ. Тѣмъ болѣе интересовало его все, что выходило въ Русской печати по исторіи Петра Великаго. Получивъ отъ брата экземпляръ Голиковскихъ «Дѣяній», онъ отозвался по поводу этой книги довольно-длиннымъ письмомъ, которое мы приводимъ здѣсь, какъ выраженіе его взглядовъ на великаго государя и отчасти на послѣдующее положеніе дѣлъ въ Россіи. Вотъ переводъ этого Французскаго письма писаннаго 14 Декабря 1789 года:

«Не смотря на смѣшной слогъ составителя «Дѣяній Петра Великаго», я, такъ сказать, проглотилъ эти девять томовъ и, право, былъ бы очень радъ, еслибъ ихъ было 900: до того интересенъ предметъ книги. Мы должны быть несказанно благодарны г. Голикову за то, что онъ доставилъ намъ возможность лучше узнать исторію великаго Монарха. Конечно, отъ невѣдѣнія, Петръ дѣлалъ иногда ошибки въ узаконеніяхъ по дѣламъ внутреннимъ, не проявилъ достаточной предусмотрительности въ Молдавскомъ походѣ 1711 г., часто бывалъ крайне-суровъ, въ особенности по отношенію къ своему сыну, слишкомъ податливъ передъ женою, которую короновалъ совѣтъ не кстати; извратилъ порядокъ престолонаслѣдія, установивъ, что отцу принадлежитъ право избрать себѣ преемникомъ кого онъ хочетъ (что должно было сопровождаться опасными послѣдствіями). Но за то съ какимъ избыткомъ окупаются эти погрѣшности высокимъ его умомъ, образцовою бережливостію и всеобъемлющею, непостижимою дѣятельностію! Что за мудрая осторожностъ въ политикѣ, что за дальновидностъ въ смѣлыхъ предначертаніяхъ; какая ревностъ къ пользѣ и славѣ своей страны, какое умѣнье въ выборѣ людей и величіе души,—какъ относительно тѣхъ, кто доблестно служилъ, такъ и тѣхъ, кто правдиво ему возражалъ, доказывая его ошибки! По моему, нѣтъ ничего выше знаменитаго письма его къ своимъ министрамъ изъ подъ Турецкаго лагеря, по поводу Кантемира,—письма къ сенаторамъ, въ которомъ онъ, предвидя все, что могло-бы постигнуть его въ бѣдственномъ случаѣ, повелѣваетъ имъ, въ сильныхъ словахъ, не исполнять никакихъ его указовъ, даже собственноручныхъ, какъ скоро они узнали-бы, что онъ попалъ въ плѣнъ. А поступокъ его съ княземъ Яковомъ Федоровичемъ Долгорукимъ, который не только отказывается принять къ исполненію неблагоразумный указъ, но и раздираетъ бумагу за подписомъ своего Государя? Какъ великъ онъ, когда требуетъ, чтобы ему высказывали совѣты, когда настаиваетъ, чтобы всѣ чины разныхъ присутственныхъ мѣстъ или учрежденій и всѣ командующіе въ войскахъ подавали свои отзвы и мнѣнія по каждому дѣлу, восходящему на его разсмотрѣніе! Однимъ словомъ, онъ создалъ все, и очевидно, что подъ конецъ его царствованія, было на лицо въ Россіи гораздо болѣе свѣдущихъ и умѣлыхъ людей, чѣмъ въ настоящее время, хотя мы и превосходимъ ихъ со стороны формъ внѣшнихъ. Непостижимо, какимъ образомъ съ столь малыми средствами онъ могъ творить великія дѣла. Болѣе всего изумляютъ меня его дѣйствія въ Швеціи въ 1719—1720 г., когда, не пускаясь на открытую борьбу своего флота съ сильнѣйшимъ, Англійскимъ, онъ, подъ носомъ этого послѣдняго, опустошалъ Швецію по обѣ стороны Стокгольма, имѣя двѣсти галеръ и свыше трехъ сотъ другихъ легкихъ судовъ. Онъ доказалъ Шведамъ, что, и при союзѣ съ ними Англичанъ, сумѣетъ одолѣть ихъ, и принудилъ таки своего врага просить пощады. А почти вслѣдъ за подписаніемъ мира, спустя годъ, Петръ думаетъ уже, какъ бы войска его не отвыкли отъ службы на гребныхъ судахъ

...изъ всѣхъ частей арміи...
...ключескихъ упражненій въ службѣ...
галерей. Между тѣмъ, послѣ Петра, съ 1743-го до прошлаго (1788-го) годъ у насъ не помышляли уже ни о командировкахъ въ Мальту молодыхъ морскихъ офицеровъ, ни о вооруженіи галеръ для изученія службы этого рода, такъ что у насъ не было ни одной живой души, знающей ее практически. Это совершенно все равно, какъ если бы содержать лошадей для конницы, не имѣя для нея людей; а въ случаѣ войны, набирать для ѣзды на этихъ лошадяхъ пѣхотныхъ офицеровъ и солдатъ противъ непріятельской кавалеріи. Сравни также войну, которая при Петрѣ длилась 21 годъ и не оставила за собою ни копѣйки долгу, съ тою, что происходитъ у насъ теперь; подумай, что въ Петровское время, у насъ отливали уже морскія артилерійскія орудія, тогда какъ, съ начала моего пребыванія въ Англіи до сихъ поръ, перешло черезъ мои руки болѣе 40 т. фунт. стерлинг. на заказы пушекъ, которыя дѣлаются для насъ въ Шотландіи. Наконецъ, чѣмъ болѣе я размышляю о Петрѣ I, тѣмъ болѣе нахожу его великимъ. Желательно, чтобы составили у насъ возможно-полный историческій сборникъ съ описаніемъ его дѣяній для употребленія въ школахъ и для народнаго чтенія. Желательно, чтобы государи наши знали наизусть исторію своего великаго предшественника и убѣдились, что истинное величіе главы народа выражается не въ блестящихъ празднествахъ, не въ расточительныхъ щедротахъ и не въ пышной обстановкѣ; что въ этихъ затѣяхъ суетной роскоши, ложно принимаемой за вывѣску могущества, никто не перещеголялъ покойнаго короля Польскаго, Августа, но что бѣдная Саксонія оплакиваетъ доднесь послѣдствія этихъ излишествъ. Желательно также, чтобы министры наши, при отправленіи дѣлъ, научились возражать на неудовлетворительныя распоряженія⁷⁾. Въ концѣ концовъ, скажу тебѣ, что я просто въ восхищеніи отъ этой книги, такъ нескладно написанной, и что я еще болѣе сдѣлался поклонникомъ Петра, котораго вполнѣ узналъ по милости Голикова. Бога ради, достань для меня все, что можешь отыскать у насъ объ этомъ геніальномъ царѣ; да пришли мнѣ также написанную Миллеромъ біографію фельдмаршала Шереметева. Пожалуста напиши, читаютъ ли у насъ книгу Голикова и какое впечатлѣніе она производитъ. Что касается до нашей изящно-причесанной молодежи, знающей кое-какъ Французскіе стишки и ничего болѣе, утопающей въ роскоши, не имѣющей ни убѣжденій, ни характера, то я совершенно увѣренъ, что она не унижается до чтенія чего-либо, относящагося къ исторіи отечества и, вдобавокъ, на собственномъ языкѣ. Знаю, ты скажешь мнѣ, что я чрезчуръ предубѣжденъ противъ всего Французскаго; но увѣряю тебя: я еще не встрѣчалъ никого изъ моихъ молодыхъ соотечественниковъ, пріѣзжающихъ сюда изъ Парижа, кто не оказывался бы только сущимъ франтомъ, никуда негоднымъ для родины»⁸⁾...

Высокое понятіе о Петрѣ I, какъ объ идеалѣ монарха, доходило у графа Воронцова до осужденія тѣхъ перемѣнъ въ составѣ государственнаго устройства, которыя разновремено послѣдовали при преемникахъ Петра. Всякое отклоненіе отъ заповѣданныхъ Петромъ формъ, а тѣмъ болѣе отъ основныхъ началъ какаго-либо его установленія, казалось безусловному читателю его славной памяти шагомъ не впередъ, а вспять, не къ улучшенію, а къ порчѣ благоустроеннаго дѣла. Такъ думалъ Воронцовъ, между прочимъ, и о тѣхъ многочисленныхъ измѣненіяхъ, какимъ подвергалось послѣ Петра Русское войско, вопросъ о которомъ занималъ стараго война по-

⁷⁾ Читатель вспомнить, что письмо это писано до царствованія Павла.

⁸⁾ «Воронц. Арх.», т. IX, № 74, стр. 158—161.

Долгая дипломатическая работа и
денной любви къ вѣрности
женіями по этой части, а
при Румянцовѣ, и много
устройства. Еще при Ек
(1787 г.), переписываясь
водитъ нѣкоторыя мысли
маніе своего пріятеля

на нашихъ генераловъ и
полки не для службы, а въ
отдаются; когда въ 12 лѣтъ
ковъ не помышляли, а толи
судно, безъ всякой пропорціи,
совершенное невѣжество военнаго искусства, ибо мы возвращаемся ко време
намъ Густава Адольфа, гдѣ большое число конницы нужнымъ почитали. У Прус
скаго короля она составляетъ менѣе какъ шестую часть арміи, а у насъ
почти четвертую, и сіе у насъ однихъ токмо,—все сіе вмѣстѣ не наградится
отмѣннымъ искусствомъ графа Петра Александровича (Румянцова). Что ка
сается до конницы, я на васъ ссылаюся: гдѣ она что ни есть сдѣлала? Не пѣ
хота-ли всегда постоянно всѣ побѣды одержала?.... Нынѣшнее мирное содер
жаніе нашей арміи стоитъ 17 миліоновъ рублей. Коль дорого мы платимъ
за дурную армію, когда имѣемъ всѣ способы имѣть дешевле самую лучшую
въ свѣтѣ!»

Въ царствованіе Павла нашъ старій воинъ-дипломатъ долженъ
былъ молчать, скрѣпя сердце, и съ горестью видѣлъ водвореніе въ
нашемъ войскѣ—чуждой ему системы обезличенія по непонятному
Прусскому образцу, системы кукольно-автоматической выправки,
изысканно-мудреной шагистики и всеподавляющаго капральскаго фор
мализма. Но въ первые-же годы царствованія Александра I-го, ког
да по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія поднялись во
просы о передѣлкахъ и нововведеніяхъ, гр. Воронцовъ не преминулъ
откликнуться горячимъ словомъ на одинъ изъ такихъ вопросовъ: о
пересмотрѣ воинскаго устава и переустройствѣ арміи. Въ Мартѣ
1802 г., поощряемый совѣтомъ бывшаго своего армейскаго сослужив
ца, графа Завадовскаго, онъ набросалъ на бумагу въ досужія мину
ты давно-продуманныя замѣчанія и, составивъ изъ нихъ довольно
большую записку, препроводилъ ее въ Петербургъ къ своимъ дру
зьямъ, съ тѣмъ, чтобы записка эта была предварительно ими про
смотрѣна, съ участіемъ Вязмитинова (какъ президента Военной Кол
легіи), для обсужденія, стоило-ли ее показать Государю.

Была-ли записка прочитана Государемъ, навѣрно сказать нельзя;
но можно догадываться, что содержаніе ея не осталось для него не
извѣстнымъ.

И флотъ Русскій также занималъ вниманіе нашего усерднаго па
триота. Въ нѣкоторой степени, предметъ этотъ соприкасался съ слу
жебными его заботами; во первыхъ, по возложенной на него обязан
ности быть какъ-бы попечителемъ надъ нашими молодыми моряками,
которые посылались тогда изучать практически свое ремесло на
судахъ Англійскаго флота, въ видѣ волонтеровъ; а вовторыхъ, по
безпрерывнымъ дѣловымъ сношеніямъ съ Русскими эскадрами (Ха
ныкова, Макарова), которыя отъ времени до времени имѣли пребы

знакомой славѣ мы упоминемъ
гдѣ мѣрахъ къ усовершенствованію
нѣ, въ началѣ второй Турецкой войны
афомъ Безбородкою, онъ старался про
томъ направленіи. Онъ обращаетъ вни

деровъ, какими армію нашу наполнили, когда
иву, какъ аренды любимцамъ всемогущаго
о единственномъ и согласномъ обученіи пол
одеждахъ и прикрасахъ; когда безраз
жили число кавалеріи, что доказываетъ

ибо мы возвращаемся ко време
намъ Густава Адольфа, гдѣ большое число конницы нужнымъ почитали. У Прус
скаго короля она составляетъ менѣе какъ шестую часть арміи, а у насъ
почти четвертую, и сіе у насъ однихъ токмо,—все сіе вмѣстѣ не наградится
отмѣннымъ искусствомъ графа Петра Александровича (Румянцова). Что ка
сается до конницы, я на васъ ссылаюся: гдѣ она что ни есть сдѣлала? Не пѣ
хота-ли всегда постоянно всѣ побѣды одержала?.... Нынѣшнее мирное содер
жаніе нашей арміи стоитъ 17 миліоновъ рублей. Коль дорого мы платимъ
за дурную армію, когда имѣемъ всѣ способы имѣть дешевле самую лучшую
въ свѣтѣ!»

известномъ смыслѣ, и другія обязанно-
сти. Между тѣмъ, послѣ Пужба не заглушалаго отношеніями къ
у насъ не помышляли уже нѣдѣлю. Онъ слѣхъ по этому предмету
участіяхъ офицеровъ и людей, о немъ ему
полезнымъ помощникомъ оказался посольскій священникъ Смир-
новъ, который хорошо зналъ Англійскій языкъ и имѣлъ случай
основательно ознакомиться съ морскими установленіями Великобританіи. Последнее обстоятельство доказывается тѣмъ, что онъ, по
порученію графа Воронцова, составилъ письменное на его имя пред-
ставленіе съ проектомъ разныхъ мѣръ къ улучшенію правилъ нашего
торговаго судоходства. Въ этомъ officialномъ письмѣ своемъ (отъ
19 Іюля 1801 г.), послужившемъ послу матеріаломъ для донесенія
правительству, Смирновъ, между прочимъ, оглашалъ, что, за недо-
статкомъ свѣдущихъ въ мореходствѣ Русскихъ людей, шкипера на
комерческихъ нашихъ судахъ — всѣ изъ иностранцевъ, которые,
распоряжаясь Русскими матросами, не знаютъ, да и знать не хотятъ
ни языка, ни законовъ нашихъ, отъ чего допускаются невообрази-
мыя злоупотребленія и безпорядки, подъ предлогомъ этого незнанія.
Поэтому, онъ предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) чтобы уставъ купе-
ческаго судоходства, изданный при Екатеринѣ II въ 1781 году, былъ
перепечатанъ съ паралельнымъ переводомъ Русскаго текста на
языки Нѣмецкій, Голандскій и Англійскій и чтобы экземпляръ устава
въ такомъ изданіи находился обязательно на каждомъ купеческомъ
кораблѣ, подъ опасеніемъ штрафа; 2) чтобы самый уставъ былъ
дополненъ, какъ точнымъ указаніемъ мѣръ карательныхъ относи-
тельно экипажа купеческихъ судовъ, такъ и условіемъ о качествѣ
и размѣрахъ пищеваго довольствія Русскимъ матросамъ; 3) чтобы
договоры судохозяевъ съ людьми экипажа, въ избѣжаніе всякихъ не-
доразумѣній, печатались, кромѣ Русскаго, и на иностранныхъ (вы-
шеназванныхъ) языкахъ, — и 4) чтобы въ уставѣ былъ означенъ со-
кращенно перечень матросскихъ обязанностей по примѣру того, какъ
это дѣлается на корабляхъ Англійскихъ⁹⁾.

Однимъ словомъ, графъ Воронцовъ не упускалъ случая обращать
вниманіе властей на что-либо полезное для нашего мореходства и
судостроенія, слѣды чего весьма многочисленны въ его письмахъ къ
разнымъ вліятельнымъ лицамъ. Даже незадолго до отставки (въ 1805
году) онъ не переставалъ относиться къ дѣлу съ горячимъ участіемъ,
и когда Англійскій генералъ Бентамъ (братъ знаменитаго мыслителя-
экономиста и правовѣда) ѣхалъ въ Россію, по вызову нашего пра-
вительства, для устройства верфи въ Архангельскѣ, графъ Семень
Романовичъ не преминулъ написать къ Новосильцову, что наше адми-
ралтейство могло бы выгодно воспользоваться такимъ случаемъ, что-
бы научиться кое-чему полезному въ этомъ отношеніи.

На долю комерческихъ нашихъ интересовъ удѣлялось тоже много
вниманія со стороны графа Воронцова, въ особенности когда во гла-
вѣ этого дѣла стоялъ братъ его, графъ Александръ, какъ прези-
дентъ Комерцъ-коллегіи. Рѣдкое письмо къ нему графа Семена не
развивало какихъ-нибудь соображеній по этому предмету, основан-

⁹⁾ См. «Воронц. Арх.» т. X, письмо къ адмиралу Мордвинову объ оказав-
шихъ послушеніе морскихъ офицерахъ, Муравьевѣ и Подколызинѣ, и всеподд.
о томъ же донесеніи, писанное въ Петербургѣ, въ Августѣ 1802 г. (№ 19).

ныхъ на его наблюдёнія за бойкимъ ходомъ торгово-промышленныхъ операцій въ... Всякое новое усиліе этой державы расширить свой рынокъ на Востоку... новые пути... вызывало непременно совѣты нашего посланника... въ томъ же направленіи. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы упоминали уже, какую цѣну графъ Воронцовъ давалъ сношеніямъ Россіи съ Китаемъ, и когда Англичане затѣяли снарядить туда въ 1792 г. особую дипломатическую экспедицію подъ предводительствомъ лорда Макартнея, графъ Семень Романовичъ тотчасъ забилъ тревогу, настаивая, чтобы у насъ шли на перебой этому предпріятію, посылкою туда же своей экстренной миссіи, для упроченія нашихъ комерческихъ сношеній, которымъ грозила такая сильная конкуренція. Мысль, что она сдѣлаетъ намъ неизбѣжный подрывъ, и притомъ безъ всякаго отпора, не давала покоя предусмотрительному посланнику: не было конца предостереженіямъ, совѣтамъ, увѣщаніямъ, какъ бы лучше уладить дѣло, какіе гостинцы везти въ подарокъ Китайцамъ, чьему руководству ввѣрить Русскую экспедицію... Онъ унывалъ только, встрѣчаясь съ этимъ послѣднимъ вопросомъ, предвидя всю трудность найти способныхъ для этой цѣли людей. «Я вѣдь знаю,—толковалъ онъ брату,—знаю, что у насъ обыкновенно выбираютъ людей вовсе не затѣмъ, чтобы ими двигать дѣло, а затѣмъ, чтобъ двигать ихъ самихъ, подъ вывѣскою дѣла...» И, въ своемъ мнительномъ усердіи, онъ не колебался даже рекомендовать въ составъ нашей экспедиціи Іезуитовъ, какъ образованныхъ и смысленныхъ дѣятелей, которые съумѣли бы добывать и точныя свѣдѣнія обо всемъ, что касается Небесной имперіи, и указывать самое направленіе дѣлъ съ нею, «между тѣмъ какъ наши отцы-архимандриты, Богъ вѣсть зачѣмъ привлекаемые къ персоналу Китайской миссіи, никогда не доставляли намъ ни одного дѣльнаго сообщенія».

По поводу тогдашнихъ предположеній объ этой экспедиціи, интересно то обстоятельство, что графъ Семень Романовичъ подавалъ мысль, нельзя ли включить въ ея составъ сосланнаго въ Сибирь Радищева (за его книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»), въ тѣхъ видахъ, чтобы дать случай къ скорѣйшей выслугѣ человѣку талантливому и честному, попавшему въ бѣду. Конечно, подобное предложеніе состояться не могло; но оно было внушено участіемъ къ замѣчательному человѣку. Когда надъ злополучнымъ авторомъ несвоевременной книги разразилась гроза, оба брата Воронцовы относились къ его несчастію съ самымъ теплымъ, задушевнымъ соболѣзнованіемъ, оба находили постигшую его кару слишкомъ строгимъ наказаніемъ, несоразмѣрнымъ винѣ. 1-го Окт. 1790: «Осужденіе бѣднаго Радищева безмѣрно огорчаетъ меня. Какой приговоръ за неосторожную выходку и какое скудное облегченіе приговора! Что же послѣ этого оставалось бы сдѣлать за преступленіе дѣйствительное и явный бунтъ? Десятилѣтняя ссылка въ Сибирь хуже смерти для человѣка, имѣющаго дѣтей, которыхъ онъ вынужденъ или покинуть, или, взявши съ собою, лишить воспитанія и будущности. Эта мысль наводитъ ужасъ». 19-го Сент. 1791: «Ты сообщаешь мнѣ объ опалѣ Вальца¹⁰⁾; но такъ какъ его удаляютъ лишь въ Пензу, съ остав-

¹⁰⁾ Вальцъ—чиновникъ Русской дипломатической службы (изъ иностранныхъ пришельцевъ), изобличенный въ злоумышленной нескромности по государственнымъ дѣламъ, требовавшимъ тайны.

...го... надо полагать...

...в особенности если срав...

...наказаніе свѣтѣмъ, какому подвергнуть бѣдный Ра-
дищевъ, коего вина вся заключается въ увлеченіи ума, безъ участія
сердца». 13-го Января 1792: «Мнѣ кажется, что предполагаемая
экспедиція (въ Китай) представляетъ прекраснѣйшій случай поло-
жить конецъ несчастію бѣднаго Радищева, пристроивъ его къ этой
миссіи, для дѣлъ по торговлѣ, какъ человѣка, отлично разумѣющаго
эту часть». 9-го Января 1797: «Наконецъ, я освѣдомился, что въ
числѣ прощенныхъ находится и бѣдный нашъ Радищевъ: вѣсть, чрез-
вычайно для меня пріятная, такъ какъ я твердо убѣжденъ, что
онъ никогда не былъ виновенъ въ преступленіи предумышленномъ,
но что проступокъ сдѣланъ имъ единственно по легкомыслію и не-
знанію послѣдствій, которыя могли произойти отъ его книги»¹¹⁾.

Всматриваясь въ свѣтлыя черты изучаемаго лица, мы встрѣчаемся
съ вопросомъ: сложились ли онѣ подъ исключительнымъ вліяніемъ
добрыхъ инстинктовъ и здравыхъ правилъ разсудочно-нравственной
философіи, или же, сверхъ того, образовались при участіи мощныхъ
регуляторовъ человѣческой совѣсти, какіе находитъ она въ религіоз-
ныхъ вѣрованіяхъ? Не коснуться этого вопроса, значило бы допу-
стить слишкомъ широкій пробѣлъ въ характеристикѣ, составляющей
нашу задачу, и мы имѣемъ возможность отвѣчать на такой вопросъ
положительно, ссылаясь на нѣкоторые достовѣрныя указанія. Графъ
Воронцовъ былъ добрый христіанинъ, всегда вѣрный ученію право-
славія, хотя, до наступленія старости, не отличался внѣшнею набож-
ностью. Странная двойственность въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, столь
обыкновенная въ Русскомъ барствѣ XVIII вѣка, эта пестрая смѣсь
легкомысленнаго безвѣрія съ грубѣйшими предразсудками, или съ
дѣтскою податливостью іезуитской пропагандѣ, это доморощенное
«волтеріанство» съ таковымъ же масонскимъ мистицизмомъ, всѣ эти
симптомы духовной неустойчивости нашей совѣмъ не проявлялись
у графа Семена Воронцова. Быть можетъ, они отсутствовали въ немъ
потому, что, по особеннымъ обстоятельствамъ жизни, ему посчастли-
вилось довольно рано ускользнуть изъ подъ непрерывнаго давленія
хаотическихъ понятій, въ какихъ блуждало тогдашнее высшее Рус-
ское общество, но только онъ принадлежалъ несомнѣнно къ числу
немногихъ его представителей, сохранившихъ въ себѣ цѣльность вѣ-
рованій, воспринятыхъ съ дѣтства. Однако въ немъ не замѣчалось
преувеличенной набожности и, вдобавокъ, онъ не любилъ обнажать
ни передъ кѣмъ того, что покоилось въ тайникѣ его совѣсти, не лю-
билъ до того, что даже въ дружеской перепискѣ, какъ и въ лич-
ныхъ сношеніяхъ, избѣгалъ высказываться о подобныхъ предметахъ.

Вотъ воспоминанія, записанныя одною нашею соотечественницею
со словъ дочерей посольскаго священника Смирнова и причетника
Квитницкаго:

«Живя постоянно за границей, имѣя мало сообщенія съ земляками,
графъ Воронцовъ остался вѣренъ всѣмъ установленіямъ своей церкви
и обычаямъ родины, дѣлалъ у себя обѣды и даже банкетные столы,
а самъ соблюдалъ посты: ему подавали грибной супъ, кашу, всю
нашу постную стравню... Послѣ отставки своей, онъ нарочно посе-
лился въ улицѣ, ближайшей къ Русской церкви, чтобы чаще бывать

¹¹⁾ «Воронц. Арх.», т. IX, стр. 181, 212, 213; т. X, стр. 5—6.

билъ чистоту до утон-
камердинеру чистенько вымытъ для тѣхъ
нетъ half a crown—почти тоже, что наши цѣлковыи,
карманы и, по выходѣ изъ церкви раздавалъ нищимъ направо и на-
лѣво. Полиція предлагала ему отгонять нищихъ; онъ отвѣчалъ: «У-
насъ такой обычай,—послѣ церкви давать бѣднымъ». Разъ, подъ
свѣтлый праздникъ, онъ сказалъ пѣвчимъ: «Ну, вотъ будетъ боль-
шой праздникъ; вы знаете, я люблю, чтобы все было чисто, ново,—
фраки, чулки, башмаки, галстуки». Все такъ и обомлѣли: расходъ
требовался большой. Но портной принесъ имъ все съ иголки къ
празднику, и ужъ съ той поры такъ и шло»...

Склонность къ благотворительности, всегдашняя готовность подать
руку помощи нуждающемуся, и притомъ безъ внимательнаго со-
ображенія съ своими собственными матеріальными средствами, это
свойство отличало графа Воронцова еще съ молодости, когда онъ былъ
въ военной службѣ, сопутствовало всей его долгой жизни и бывало
у него, по временамъ, чуть не главною причиною того затруднительнаго
положенія денежныхъ дѣлъ, которое вводило его въ долги за грани-
цею, на что такъ часто ворчалъ методичный и обстоятельный графъ
Александръ Романовичъ, по праву старшаго брата и распорядителя
общими хозяйственными дѣлами. Что касается преданности нашего
«англомана» Русскимъ вкусамъ и обычаямъ, то, дѣйствительно, они
какъ-то очень удобно уживались съ усвоеннымъ имъ чисто Англій-
скимъ образомъ жизни: въ распредѣленіи времени, въ домашнемъ
обиходѣ, въ условіяхъ общежитія. Только по своей необычайной воз-
держности, графъ Семенъ Романовичъ сильно отставалъ отъ народ-
ныхъ привычекъ и Англичанъ, и земляковъ своихъ, хотя собственно
въ гастрономическихъ вкусахъ болѣе придерживался родной кухни и
замѣтно жаловалъ наши яства. Во многихъ его письмахъ изъ Лон-
дона къ брату мы находимъ безпрестанныя просьбы то о присылкѣ
такихъ припасовъ, какъ напр. гречневая и манная крупа, рыжики и
грузди, соленые огурцы, паюсная икра и даже сыченый медъ,—то
объ угощеніи хлѣбосольнымъ братомъ какаго-нибудь ѣхавшаго въ
Россію иностранца однимъ изъ любимѣйшихъ у насъ блюдъ ¹²⁾.

Читатель нашъ могъ самъ видѣть, насколько существенны были
упреки, вызванные въ свое время общественною дѣятельностью графа
Воронцова, упреки за непомѣрную привязанность къ Англійскому, которая, будто бы, поглощала собою преданность его
отечеству. Еще ли нуждается онъ въ оправданіяхъ, когда дѣла его

¹²⁾ «Воронц. Арх.» т. IX, стр. 67, 127, 142, 340. Изъ этихъ писемъ приве-
демъ два образчика дословно, безъ перевода, въ ихъ подлинной своеобразной
смѣси «Французскаго съ Нижегородскимъ»:

«Je vous prie d'ordonner à votre homme d'affaires de m'envoyer dans le cou-
rant de cet été une четверть грешныхъ обыкновенныхъ крупъ et une четверть
грешныхъ же крупъ, но мелкихъ; да чтобы онѣ были просушены, не затхлы
и были крѣпко закупорены въ бочки, дабы не подмокли въ дорогѣ; также
нѣсколько боченковъ соленыхъ огурцовъ, рыжиковъ и груздей. Et je vous
prie de lui ordonner de remettre le tout au comptoir de Thomson et Peters.—
Je vous prie (объ иностранцѣ) de lui faire manger de la cuisine russe et de
lui faire goûter du sterlet accommodé à la russe, въ огуречномъ
разсолѣ».

я? Конечно, в
внутренних учрежде-
гражданства, въ выработанныхъ

Есть же иныя наконецъ, въ самыхъ климатическихъ преимуще-
ствахъ: въ этомъ отношеніи онъ былъ чистый англоманъ, и не толь-
ко по привычкѣ, но и по убѣжденію. Но мы замѣтили уже и теперь
повторяемъ свое замѣчаніе, что эта страна сдѣлалась ему мила во
имя вещественныхъ ея удобствъ: онъ могъ дать себѣ спо-
койный, сознательный отчетъ, за что именно нравилась ему Англія.
Родину же свою онъ любилъ совсѣмъ иначе, — не спрашивая себя за
что. Онъ любилъ ее за то, что она ему родина, любилъ беззавѣтно
во всемъ, что у ней было хорошаго и дурнаго, свѣтлаго и темнаго.
При своемъ дѣйствительно сильномъ сочувствіи къ Англіи, которую,
по собственнымъ его словамъ, онъ зналъ болѣе чѣмъ Россію ¹³⁾, графъ
Воронцовъ никогда не клалъ ея интересовъ на тѣ-же вѣсы, ка-
кими взвѣшивалъ интересы отечества, и послѣдніе перетягивали у
него всякіе другіе. Гдѣ задѣвались честь и польза Россіи, тамъ онъ
не ослѣплялъ глазъ ни малѣйшимъ пристрастіемъ къ чужой странѣ
и первый поднималъ вопль объ энергическомъ отпорѣ съ нашей сто-
роны всякимъ притязаніямъ Англичанъ. Даже проповѣдуя союзъ и
дружбу съ ними нашего отечества, онъ обусловливалъ то и другое
современными ему требованіями политики, въ чемъ, дѣйствительно,
не ошибался.

Россіи, одной Россіи безраздѣльно принадлежала эта Русская ду-
ша, въ лучшихъ помыслахъ ума и стремленіяхъ воли.

Д. Рябининъ.

Воронежъ. 1878.

¹³⁾ См. въ IX т. «Воронц. Арх.», стр. 228—229, послѣднія строки письма къ
брату, 1791 года.

Изъ писемъ князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову.

Жизнеописаніе князя Петра Андреевича Вяземскаго будетъ со временемъ важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ для исторіи Русской образованности. Съ раннихъ поръ своего долгаго вѣка, онъ принималъ живое участіе во всѣхъ проявленіяхъ нашей умственной и общественной жизни. Въ продолженіи почти трехъ четвертей нынѣшняго столѣтія не было у насъ сколько нибудь крупнаго событія, на которое бы онъ такъ или иначе не отозвался, и немного можно назвать историческихъ дѣятелей за этотъ періодъ времени, съ которыми князь Вяземскій не находился бы въ сношеніяхъ, болѣе или менѣе близкихъ. Его наблюдательный умъ и чуткое сердце постоянно влекли его ко всему, что выступало изъ ряду явленій обыкновенныхъ.

Чѣмъ крупнѣе жизнь, тѣмъ больше слѣдовъ ея, и чѣмъ даровитѣе человекъ, тѣмъ полнѣе и разнообразнѣе онъ выражаетъ себя для потомства. Князь П. А. Вяземскій оставилъ намъ множество указаній о себѣ въ своей «Старой Записной книжкѣ», которую безымянно печаталъ въ «Девятнадцатомъ Вѣкѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ». Подъ конецъ жизни, онъ составилъ и автобіографическую записку, которая нынѣ появилась въ печати, въ видѣ предисловія къ полному собранію его сочиненій, и относится къ первымъ годамъ его дѣятельности. Но лучшимъ источникомъ для біографіи князя Вяземскаго, безъ сомнѣнія, будутъ служить его письма, которыхъ написалъ онъ на своемъ вѣку не одну тысячу. Почтовое вѣдомство имѣло въ немъ своего неизмѣннаго данника. При стѣснительныхъ условіяхъ печатнаго слова, въ которыхъ протекла почти вся жизнь этого писателя, къ такому способу выраженія мыслей приходилось прибѣгать ему, и онъ пріобрѣлъ привычку вести непрестанную и многообразную переписку.

Къ числу лицъ, съ которыми князь П. А. Вяземскій часто переписывался, принадлежалъ Московскій почтъ-директоръ Александръ Яковлевичъ Булгаковъ. Онъ былъ издавна знакомъ съ княземъ Вяземскимъ; еще отцы ихъ, славный дипломатъ Яковъ Ивановичъ († 1809) и сенаторъ князь Андрей Ивановичъ († 1807), находились между собою въ дружескихъ отношеніяхъ. А. Я. Булгаковъ былъ лѣтъ на десять старше князя П. А. Вяземскаго. Они тѣснѣе сблизились около 1816 года, будучи оба блестящими представителями свѣтскаго Московскаго общества. Ихъ соединяло сходство вкусовъ, любовь къ словесности, къ театру и въ особенности къ музыкѣ. Переписка завязалась, когда князь Вяземскій уѣхалъ изъ Москвы на службу въ Варшаву, подъ начальство Н. Н. Новосильцова.

Письма князя Вяземскаго были переданы въ Русскій Архивъ младшимъ сыномъ Булгакова Павломъ Александровичемъ. До поры до времени они могутъ появиться въ печати лишь въ нижеслѣдующихъ выдержкахъ. П. Б.

Варшава, 15 Марта 1818 года.

Благодарю тебя, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, за твое письмо, которое перенесло меня въ Бѣлокаменную, къ ногамъ нашихъ бѣло и красно-лицыхъ прелестей. Къ сожалѣнію, не могу тебѣ отвѣчать добромъ за добро. Я претерпѣлъ столько неприятностей дорогою и теперь на мѣстѣ такъ еще не на своемъ мѣстѣ, что гляжу изъ подлобья на все и ничего хорошаго тебѣ сказать не могу ¹⁾. Дай срокъ: дай мнѣ отдохнуть, дай мнѣ приглядѣться, дай мнѣ повалясировать, и тогда будетъ что тебѣ писать. Я еще не имѣю понятія о здѣшнемъ моемъ житьѣ - бытьѣ и стою журавлемъ на одной ногѣ. Сегодня было открытіе Сейма. Государь читалъ на Французскомъ языкѣ рѣчь, которая вѣрно будетъ напечатана въ газетахъ. Вчера пожалованы кавалерами Бѣлаго орла: Новосильцовъ, Каподистрія, Волконской, Курута; Станислава: Потоцкой (Русскій генераль-адъютантъ), Меньшиковъ и Морнгеймъ. Молодой Соболевскій назначенъ флигель-адъютантомъ, а Красинскій, избранный маршаломъ Сейма, — генераломъ-адъютантомъ. Вотъ всѣ наши вѣсти, каковы ни есть! Прошу не прогнѣваться.

Въ Варшавѣ тѣломъ я, а духомъ я въ Москвѣ.

2.

1 Апрѣля 1818 года.

Я уже нѣсколько разъ танцовалъ: нашъ постъ мѣшаетъ баламъ, но сзываетъ на вечера; придетъ скрипка, другая, и пойдетъ потѣха. Даже и Великіе Князья ²⁾ вальсируютъ. Государь ѣздитъ по обѣдамъ, но на вечера до праздника ѣздитъ отказался. Въ свѣтлый Вторникъ, кажется, и у него балъ. Пріятнѣйшіе вечера здѣсь у Новосильцова. Домъ его, если не лучшій, то по крайней мѣрѣ изъ лучшихъ и просторнѣйшихъ въ городѣ; къ тому-же все устроено барскою Русскою рукою, а у коренныхъ жителей что-то пахнетъ городкомъ. Намедни Красинскій, *le maréchal de la diète* ³⁾, позвалъ весь городъ на балъ въ двѣ комнаты, въ которыхъ и Николаю Ивановичу Ильину было-бы тѣсно, при графинѣ Степанидѣ и генеральшѣ Розенъ. Варшавская роскошь—старая сказка: не только роскоши не видать, но напротивъ кое-гдѣ видны скупость, и бѣдность, и неумѣнье жить. Судя по винамъ, которыя пью здѣсь на пирахъ, заключаю, что графиня Степанида выписываетъ свое вино изъ Варшавы. У Новосильцова погребъ славный: можетъ быть, есть хорошіе

¹⁾ Князь Вяземскій заболѣлъ на пути въ Варшаву, и въ Несвижѣ его совершенно обокрали. См. Полное собраніе его сочиненій, I, XL.

²⁾ Т. е. Константинъ и Михаилъ Павловичи.

³⁾ Предводитель сейма.

и у другихъ, во для хозяевъ,
аго вина, то много старыхъ танцовщицъ
бора: ее танцуютъ поголовно. Признаться над
здѣшнія умѣютъ сохраниться: наиримѣръ, погл.
мѣстника ⁴⁾); ей шестьдесятъ пять лѣтъ, но право въ тридцатыхъ не
дашь ей болѣе тридцати. Одѣвается она мастерски, ловка и не ху-
же другой имѣетъ при себѣ обожателя, который между прочимъ
хуже всякаго другаго. За то уже что она и дѣлаетъ: мажется, на-
тирается, штукатуруется, одѣвается въ погребѣ, спитъ на льду. Ка-
ково обожателю будетъ при оттепели? Впрочемъ, она женщина ум-
ная, любезная, и едва-ли найдется здѣсь другая, которая могла бы,
какъ она, быть хозяйкою въ городѣ.

Княгиня Яблоновская, бывшая Любомирская, занимаетъ, безъ со-
мнѣнія, первое мѣсто между здѣшними красавицами и похитила яб-
локо отъ всѣхъ насъ, пріѣзжихъ. Остерманъ влюбленъ въ нее по
уши, сидитъ, хмурится и говоритъ: «Ахъ, Терезиха!» Къ сожалѣнію,
она брюхата, и потому не знаю, какво вальсируетъ. За нею идетъ
княгиня Чарторижская, жена князя Адама: прекрасные, черные гла-
за, свѣжесть, миловидность, стройный станъ, вотъ ея портретъ. Есть
еще Тулинская, жена генерала, красавица, но холодная и бездушная.
Между дѣвицами первая—Мостовская, дочь министра внутреннихъ
дѣлъ. Вообрази себѣ нашу Четвертинскую шестнадцати лѣтъ; во-
образи, что я съ нею вальсирую, и ты очутишься на вчерашнемъ
балѣ у Новосильцова. Теперь выступить на сцену, послѣ двухъ раз-
рядовъ красавицъ на уксусѣ и на молокѣ, разрядъ красавицъ на
водкѣ, то есть среднихъ лѣтъ: тутъ ты увидишь Красинскую, жену
камергера, мою обыкновенную котильонную даму, высокую, строй-
ную женщину; Лубинскую въ такомъ же родѣ, которая занесла уже
ногу за середину, но все таки еще держится, пополамъ съ грѣхомъ;
Замойскую, сестру Чарторижскаго, прекрасную и умную женщину, и
Хоткевичеву въ родѣ колоссальной красоты, которая въ свадебномъ до-
говорѣ обязалась не танцевать, но, пользуясь молчаніемъ о статѣ вѣр-
ности, имѣетъ обожателя, князя Александра Голицына. Со временемъ
представлю тебѣ галерею мужскихъ портретовъ. Здѣсь много умныхъ и
просвѣщенныхъ людей, но любезныхъ, кажется, мало: у нихъ покойно,
но все еще неясно на душѣ, и слѣды претерпѣнныхъ ими бѣдствій
такое долгое время вездѣ примѣтны. Государь здѣсь вообще любимъ;
и республиканцы гордые, и республиканки, не хуже нашихъ брига-
дировъ и попадей, толпятся вокругъ Царя и глядятъ ему въ глаза.
И подлинно, онъ много для нихъ сдѣлалъ, а можетъ быть и слиш-
комъ, когда подумаешь, что они, пріемыши, пользуются тѣмъ, по чемъ
родныя и законныя его дѣти вздыхаютъ. Впрочемъ, вы читали рѣчи
Государя: подождемъ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ! Что ска-
зали, или что проворчали объ этой рѣчи ваши бригадирскія пузы?
Я думаю, гласъ трубы страшнаго суда не болѣе напугалъ-бы ихъ.

4) Зайончека.

Варшава, 8-го Апрѣля 1818 г.

такъ пристрастился къ твоимъ письмамъ, ты меня такъ ими озауешь, что я уже начинаю побаиваться, что недолго будетъ мнѣ лакомиться. Постъ слѣдуетъ за масланицею, утрата за приобрѣтеніемъ, огорченіе за радостью, въ Польскомъ старуха за красавицею, въ государственномъ совѣтѣ десять, что я говорю: десять? двадцать пустыхъ мѣстъ (то-есть пустыхъ головъ) за одною занатою, и такъ далѣе: какъ же мнѣ думать, что я одинъ буду исключенъ изъ общаго приговора судьбы, и что курьеръ, то мнѣ письмо, и что письмо, то удовольствіе? Нѣтъ! Ожиданія мои не столько надменны, и того и смотрю, что первая почта принесетъ мнѣ письмо отъ Кашкина съ критикою на Исторію ⁵⁾ и съ подробнымъ извѣстіемъ о проигранномъ робертѣ и о картахъ, которыя цѣлый вечеръ, какъ на подборъ, приходили въ сіятельныя руки тучныхъ усовъ княгини-пугалища.

Посылаю тебѣ первыя книжки журнала Сейма, съ тѣмъ только, чтобы, прочитавши ихъ, тотчасъ доставить Ив. Ив. Дмитріеву, а послѣ дѣлай изъ нихъ, что хочешь. Слѣдующія книжки будутъ интереснѣе.

4.

Варшава, 15-го Апрѣля 1818 года.

Хочешь ли знать всѣ наши потѣхи? Читай, смотри и завидуй ⁶⁾! Сверхъ того, естъ еще прыгуны на канатѣ и на веревкѣ; сверхъ того, сегодня закрытіе Сейма, на которомъ Государь произнесъ рѣчь, которую не знаю удастся ли мнѣ сегодня прислать, да къ тому же и страшно: рѣчь царскую съ афишами!!! Ты пожалуй скажешь объ этомъ въ Москвѣ, и меня выпишутъ изъ Англійскаго клуба. Сверхъ этого, одинъ изъ зрителей палъ мертвымъ въ залѣ собранія до прихода Государя; сверхъ того, въ той же залѣ одна дама родить изволила ⁷⁾; сверхъ того, во дворцѣ сегодня обѣдъ на 200 чловѣкъ; сверхъ того, у Новосильцова пиръ на весь міръ, и первый, на коемъ Государь будетъ по пріѣздѣ своемъ въ Варшаву; сверхъ того, нѣсколько изъ Польскихъ лицъ украшены ключами, естъ одинъ Польскій флигель-адъютантъ и проч. и проч. Изъ Русскихъ Алопеусъ получилъ Бѣлаго Орла. У васъ Тургеневъ ⁸⁾, и я пишу Тургеневское письмо. Скорѣе кончу, чтобы не сбиться и, чтобы дѣйствовать по тургеневски, сейчасъ сяду обѣдать и лягу спать до бала, потому что эти два дня не спалъ я болѣе пяти часовъ. Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Ради Бога, не уморите съ голоду Тургенева. Свезите его къ Степанидѣ. Поставьте передъ нимъ кудебяку въ 40 пудовъ, т. е. для закуски.

⁵⁾ Николай Евгеніевичъ Кашкинъ критиковалъ Исторію Карамзина.

⁶⁾ Приложена Варшавская театральная афиша.

⁷⁾ Слова съ разбивкою приписаны С. П. Жихаревымъ.

⁸⁾ Александръ Ивановичъ.

Варшава, 15-го Мая 1818.

... У насъ здѣсь сухотка въ вѣстяхъ: нечего сказать. Все разбрелось по деревнямъ. На потѣху, проѣздомъ здѣсь Киселевъ⁹⁾: онъ изъ Одессы посланъ Государемъ къ Прусскому королю, пробудетъ здѣсь дня три, захватитъ его на дорогѣ и съ нимъ будетъ въ Москву. Французскій король влюбленъ въ сестру Де-Каза. Парижская карриатура представляетъ его между братомъ и сестрою. Обращаясь къ нему, онъ говорятъ: *Je bénis la constitution de ce qu'elle m'a permis de vous faire maître.* Къ ней: *Je maudis ma constitution, qui ne me permet pas de vous faire mère.* Во Франціи скоро будетъ рѣшительная минута: выходъ союзныхъ войскъ. Того и смотри, что конгрессъ разбѣжится, какъ въ тотъ разъ. Французы начинаютъ уже горячиться.

Здѣшняя засуха заставила меня поохотиться на чужихъ поляхъ, и я тебѣ напоролъ Французской дичи. Поподчивай Василья Львовича¹⁰⁾: онъ полакомится Французскимъ блюдомъ. Кстати о блюдахъ. Получилъ-ли Тургеневъ мои два письма въ Москвѣ? Долго-ли онъ у васъ пробудетъ? Ради Бога, не губите его. Я вижу отсюда:

Предъ нимъ развалины дымятся кулебяки,
Тамъ стерлядь тучная худѣетъ отъ него.

Поручаю Василью Львовичу за меня докончить картину. Я совсѣмъ отъ риѣмъ отбился.

6.

Варшава, 19 Мая (1818).

Молчаніе Жуковскаго меня не удивляетъ: я къ нему привыкъ. Ему надобно разбѣжаться, чтобы взяться за перо; онъ съ мѣста никогда не пишетъ. Тургеневъ же только тогда пишетъ, какъ ему ѣсть нечего: вообрази же, стану-ли ожидать писемъ отъ него изъ Москвы? Его не болѣе двухъ разъ въ году отбиваетъ отъ ѣды. Безъ тебя пропаль-бы я: ты поддерживаешь мою жизнь, питаешь мое сердце и лакомишь мое воображеніе; отъ твоихъ писемъ такъ слюнки изъ него и текутъ. Я тѣломъ здѣсь, но духомъ у васъ. Прошу его любить, да жаловать, а грѣшное тѣло какъ нибудь и здѣсь пригрѣю... Вообще всѣ предпріятія въ пользу общественныхъ удовольствій здѣсь не удаются. Французская труппа едва не умерла съ голоду, и только пріѣздъ Государя поставилъ ее немного на ноги. Шово, здѣшній ресторатѣръ, открылъ Salon, родъ нашего Англійскаго клуба: покои прекрасные, хорошій столъ по 6 злотовъ на человѣка (то есть 3 р. 60 коп.). Первый мѣсяцъ кое-кто съѣзжался; на второй не стали платить назначенныхъ денегъ; на третій все рушилось. Тотъ-же Шово предпріим-

⁹⁾ Графъ Павелъ Дмитриевичъ.

¹⁰⁾ Пушяина.

чивый купилъ здѣсь въ Аляхъ (прекрасной прогулкѣ у самаго, или лучше сказать въ самомъ городѣ) мѣсто съ домиками и садомъ, убралъ ихъ, какъ нельзя лучше, выписалъ изъ Парижа всевозможныя игры и чудеса, на которыя Василій Львовичъ промоталъ половину своего имѣнія и о коемъ говорить со слезами:

*Des simples jeux de son enfance
Heureux qui se souvient longtemps* ⁽¹¹⁾,

однимъ словомъ, завелъ родъ Парижскаго Тиволи. Что же? Никто не ходитъ. Все пусто. Мы намедни обѣдали тамъ съ глазу на глазъ съ Киселевымъ. По многимъ отношеніямъ вертопрашная Варшава похожа на бригадиршу Москву. Бригадирша козыряетъ, но та и того не дѣлаетъ. Богъ вѣсть что ее занимаетъ. То что я говорю, повторится тебѣ и здѣшними жителями. Старожилы не узнаютъ Варшавы. Я вчера ужиналъ у графини Гудаковской, матери флигель-адъютанта, единственно живущей здѣсь теперь открытымъ домомъ. Что же въ этомъ открытомъ домѣ? Двѣ свѣчки на столѣ, супъ изъ третьей перловой крупы съ масломъ (накорми этимъ супомъ Тургенева: авось стошнитъ его, и онъ ко мнѣ словечко напишетъ), какія-то алады и чета цыплятъ. Бутылка кабацкаго пива и бутылка бѣлаго вина, отъ котораго со стыда покраснѣла бы и Степанида. Я здѣсь смотрю въ глаза Варшавѣ и своимъ глазамъ не вѣрю.

7.

Варшава, 1-го Іюня 1818.

Мы въ своемъ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ живемъ по прежнему, то есть только что дышемъ. У васъ теперь шумъ и суета суетъ. Веселитесь, но насъ бѣдныхъ заключенныхъ не забывайте, а ты въ особенности, сдѣлай милость, ничего не умалчивай. Сказывай мнѣ все, что будетъ дѣлаться съ Бовою королевичемъ. Какъ Шульгинъ ¹²⁾ будетъ ему показывать свои пожарныя трубы, Малиновскій въ Архивѣ изъясняться съ нимъ на Французскомъ діалектѣ.

Я радъ, что меня нѣтъ въ Москвѣ: убыль бригадировъ свела-бы меня съ ума. Бригадиры мелѣютъ, Степанида можетъ похудѣть. Поди послѣ, надѣйся на чтонибудь. Дурасовъ не бригадиръ: неужели Иванъ Великій не пошатнулся? Покрайней мѣрѣ дождались-бы Прусскаго короля: что теперь ему и видѣть въ Москвѣ?

Домбровскій генераль умеръ. Мало по малу рѣдѣютъ ряды прежнихъ Поляковъ. Теперь одинъ остается нашъ намѣстникъ, который ужасно старъ. Домбровской велѣлъ похоронить себя въ свинцовомъ гробѣ, давно уже заготовленномъ, и положить въ гробъ три сабли, полученные имъ въ достопамятные случаи и три пули, пробившія

¹¹⁾ Счастливы, кто долго вспоминаетъ про невинныя игры своего дѣтства.

¹²⁾ Тогдашній Московскій оберъ-полицмейстеръ.

ь разныхъ сраженіяхъ, и мѣ

жъ Смоленскомъ; одѣтъ себя велѣлъ онъ въ парадное платье. Эти Поляки имѣютъ какую-то рыцарскую блажь. Женѣ своей въ завѣщаніи своемъ запретилъ онъ брать пенсію. Этому у насъ нескоро переймутъ.

8.

Варшава, 8 Іюня 1818.

Я сейчасъ съ торжества: сегодняшній день празднуютъ производство Герцогства Варшавскаго въ Польское Царство. Служили обѣдню на Саксонской площади; попы были подъ шатромъ, а насъ богомольцевъ и тысячъ двадцать войска жарили на солнцѣ. Полки здѣсь прекрасныя, то есть говоря техническимъ языкомъ: чудо! Михаилъ Павловичъ, въ проѣздъ свой черезъ Варшаву, спрашивалъ у меня, начинаю ли я обживатьъся и каково мнѣ? Я отвѣчалъ ему, что еще мало знаю здѣшнее общество, а то что знаю, то не очень соблазнительно. «За то войска какія!» сказалъ онъ, «чудо!» Тутъ сердце его говорило. Я признаюсь, съ своей стороны: за Василія Львовича стдалъ бы я цѣлый Литовскій полкъ. Что сказать тебѣ и чѣмъ заплатить за добрыя вѣсти о Москвѣ? По Воскресеньямъ шатаемся мы въ Bagatelle и багательничаемъ. Наконецъ начинаютъ туда съѣзжаться и барскія барыни. Женщины пьютъ здѣсь пуншъ, какъ воду, а генералы за просто водятъ подъ ручкою... Кого? Совѣстно сказать! Спроси у Василія Львова: онъ этого дѣла мастеръ и этого прихода священникъ¹³⁾. А я еще слишкомъ молодъ, чтобы говорить такія слова. Кстати: слухи о разводѣ Чернышевой вѣроятно перешли къ вамъ отъ насъ, но они неосновательны. Ревность и дурачество Чернышева подали поводъ къ этимъ сказкамъ. Онъ отъ Орлова блѣднѣлъ и краснѣлъ, какъ мѣсяцъ въ небесахъ и таялъ, какъ свѣчка отъ огня. Константинъ Павловичъ говорилъ, что онъ видѣлъ вмѣстѣ: le passé, le présent et le future, т. е. Артюра Потоцкаго, Чернышева и Орлова. Впрочемъ, будущее это не сдѣлалось еще настоящимъ. У васъ теперь Москва доживаетъ свою Масляницу. Любопытно будетъ ее видѣть по отъѣздѣ царской фамиліи: оставить ли ея пребываніе какіе нибудь слѣды на ней, или опять по старому заплыветъ она бригадирскимъ жиромъ? Петербургъ безъ двора, какъ тѣло безъ души. Москвѣ, я увѣренъ, закрытіе Англійскаго клуба было бы гораздо чувствительнѣе, чѣмъ отъѣздъ двора.

9.

Варшава, 28 Іюня (1818).

В Князь пріѣхалъ сюда весьма довольный Москвою и сравниваетъ ее съ однимъ Парижемъ, и то не зная, кому отдать первенство. Больше всего хвалитъ онъ опрятность и порядокъ города; скажи это

¹³⁾ Василій Львовичъ Пушкинъ, сочинитель «Опаснаго Сосѣда», былъ женатъ на Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславцовой, съ которой развелся въ 1802 году.

лину, но не говори Торماسову, что эль не такъ хорошо
бывается о губерніи. Сидите у княгини Голицыной¹⁴⁾, слушаєте ея мысли и чувства, и слышите ея голосъ; а я р
чего не слушаю, потому что здѣсь некого слушать и слышу толь
одну трещетку, которая объявляетъ городу, что пробило десять ча
совъ. Сдѣлай одолженіе, скажи ей мое почтеніе и еще что нибудь
такое, которое живѣе почтенія и разсудительнѣе любви. Я въ ея
бесѣдѣ провелъ часы изъ пріятнѣйшихъ и счастливѣйшихъ въ жиз
ни моей. Я боялся, что она будетъ недовольна мною; я знаю, какъ
она смотритъ на наше царство, нѣкоторое государство. Увѣрь ее,
что мое сердце не здѣсь. Для начала надобно быть слѣпымъ ору
діемъ. Я Польши не люблю, потому что въ ней нѣтъ ничего любез
наго; но кажется, и ненавидѣть ее никогда не буду, потому что она
ненависти отъ насъ не заслуживаетъ, да и не стоитъ. Любовь ихъ
къ отечеству и жажда его независимости благородна, хотя и не под
держана великими характерами. Теперь, хоть помеломъ поведи, ни
одного выше другаго не задѣнешь; все это выровнено посредствен
ностью. Въ арміи все рубаки, нѣтъ ни одного полководца. Въ пра
вительствѣ найдешь много хорошихъ работниковъ, но ни одного ма
стера. Познаній, свѣдѣній, общаго просвѣщенія болѣе, чѣмъ у насъ;
но ума безъ сомнѣнія менѣе. Надобно посмотрѣть на здѣшнюю мо
лодежь: ни въ одномъ нѣтъ твердой надежды. Разумѣется, говорю
тебѣ о томъ что вижу, т. е. о Варшавскомъ лучшемъ обществѣ; по
угламъ, можетъ быть, и есть люди, но вѣроятно немного: шила въ
мѣшкѣ не утаишь. Если-бы Государь не поддержалъ Польши, то на
вѣрно свалилась-бы она и подавлена была Жидами, прибравшими
уже въ рукавъ большую часть торговли, фортуны многихъ баръ,
однимъ словомъ жизнь государствъ.

10.

19-го Іюля, Кошики (Koszyki) 1818.

Ты подумаешь, что мы въ Америкѣ; успокойся! Мы въ загород
номъ домѣ, который въ городѣ, то есть въ Алеяхъ, примыкающихъ
къ Варшавѣ и служащихъ ей лучшимъ и почти единственнымъ укра
шеніемъ. Пыль выгнала насъ изъ города; намъ въ нашемъ садикѣ
не худо, а дѣтямъ и *bagzo dobrze*. Благодарю тебя за твое послѣднее
письмо; но ты что-то давно не мочилъ мнѣ горла, и оно засохло.
Что сказать тебѣ хорошаго? Развѣ то, что третьяго дня была здѣсь
ужасная гроза, которая зажгла нѣсколько домовъ, убила трехъ гвар
дейскихъ солдатовъ и трехъ ранила, да еще убила свинью. Какая
почетная смерть для нея! Охота грому съ свиньями связываться!
Скажу тебѣ еще, что мы на дняхъ, не смотря на жаръ, у Николая

¹⁴⁾ Княгини Авдотьи Ивановны или знаменитой *Princesse Nocturne*, которая
пріѣзжала тогда въ Москву, гдѣ умерла тогда ея свекровь, мать князя Сергѣя
Михайловича. М. А. Волкова, въ извѣстныхъ письмахъ къ В. И. Ланской,
говоритъ, что княгиня Голицына на этотъ разъ желала сойтись съ мужемъ.

Николаевича ¹⁵⁾ котильонировать завтра, а будем тоже дѣлать у здѣшней графини Макрановска, которой шестьдесятъ лѣтъ и которая брѣтается при двухъ горбахъ и одномъ обожателѣ; я чуть было не сказалъ при одномъ горбѣ и двухъ обожателяхъ. Мужъ ея, какъ сказываютъ, человекъ умный и почтенный, но удалившійся изъ общества, по причинѣ падучей болѣзни, которой источникъ дѣлаетъ ему честь. Онъ страдалъ подагрой; открылась война; онъ спрашиваетъ у доктора: нѣтъ-ли средства избавиться отъ подагры, чтобы ѣхать на войну?—Есть, надобно кровь пустить, но можно отъ того получить падучую болѣзнь.—Онъ далъ себѣ пустить кровь. Ради Бога, не сказывай этого Василью Львовичу: онъ пожалуй при первой подагрѣ и для перваго бала пустить себѣ кровь изъ всѣхъ членовъ. А ты пляшешь-ли? У васъ теперь, я думаю, не до плясокъ. Надобно воротить проплясанные деньги, и бригадиры сидятъ при сальныхъ свѣчахъ; услугу пустятъ на цѣлый годъ на босую ногу, и сами поѣдутъ до Рождества на подножный кормъ. Правда-ли, что Толстому даютъ ключъ? Знаешь-ли, это будетъ къ лицу Степанидѣ? Бѣднаго Дурасова мнѣ право жаль: двѣ смерти, одна за другою. Сперва умеръ въ немъ бригадиръ, а тамъ умеръ въ немъ Николай Алексѣевичъ. Неожиданный чинъ на старости тоже, что нечаянный мужъ старой дѣвѣ. Вѣкъ Екатерины мало по малу рассыпается; почти одинъ остается ему подвижной памятникъ, Кашкинъ. Вообрази: у меня съ мѣсяцъ какъ лежатъ стихи къ графинѣ Софій ¹⁶⁾, но не могу сладить съ послѣднимъ стихомъ: такъ въ горлѣ и першить, а выхода нѣтъ. То-ли бы дѣло въ Москвѣ: у Пушкина выпросить займы и только. Но здѣсь гдѣ взять? Еще есть и другіе стишки, которые къ тебѣ должны доставиться; но тотъ-же грѣхъ! Одинъ стихъ застоялся; какъ кнутомъ ни погоняй, а онъ ни съ мѣста: только что лягаетъ.

II.

(1818).

Здравствуй! Мы по отпуску сего письма живы и здоровы, а впрочемъ уповаю на милость Божию. Но ты живъ-ли? Я ужъ сто лѣтъ какъ отъ тебя не имѣю ни привѣта, ни отвѣта. Если любишь, такъ скажи, а не любишь—откажи. А я къ твоимъ письмамъ какъ Филиппъ къ тѣсту прилипъ; а какъ недѣля пройдетъ безъ грамотки, я и говорю: сухая ложка ротъ деретъ. Впрочемъ ты на мои пѣни не гнѣвайся: и у курицы сердце есть, да и собака помнитъ, кто ее кормитъ. Какъ ты писалъ ко мнѣ, я былъ радъ; какъ не пишешь, ежучаю: изъ одного рта и холодно, и тепло. Ты скажешь мнѣ, что ты виноватъ; но вѣдь мнѣ изъ вины твоей не шубу шить. Вотъ кстати сказать о твоёмъ непостоянствѣ: избалуется овца не хуже козы.

¹⁵⁾ Новосильцова.

¹⁶⁾ Графиня Софія Алексѣевна Мусиной-Пушкиной, вышедшей вскорѣ за князя И. Л. Шаховскаго и недавно скончавшейся.

Верно во всем! Это правда; но
бѣ скажу: кто кого любитъ, тотъ того и слушаетъ. Было время
былъ и на нашей улицѣ праздникъ: по три письма на недѣлѣ; и
жилось Ермаку, по три чирья на боку. Брюхо какъ злодѣй, старе
го добра не помнить.

Уфъ! Я усталъ! Силы нѣтъ далѣе продолжать; а если хочешь, ищи
продолженія въ Собраніи 4291 древнихъ Россійскихъ пословицъ, на-
печатанныхъ въ Москвѣ въ 1787. Ты знаешь того любовника, кото-
рый послалъ своей красавицѣ письмо, выписанное изъ какаго-то ро-
мана; она ему отвѣчаетъ: переверотите листъ, и вы найдете отвѣтъ.
Но ты, прошу покорно, не перенимай этого примѣра, а напиши мнѣ
добрымъ порядкомъ. О себѣ сказать нечего: мы по старому пожи-
ваемъ въ своихъ корзинахъ, то есть Koszykach. А ты каково жи-
вешь? Если будешь въ Валувѣ, заѣзжай въ Остафьево на покло-
неніе: тамъ лежатъ мощи моего сердца. Здѣсь гниетъ мое тѣло, ос-
тавленное на пищу червяку скуки. На дняхъ хочу ѣхать, то есть
пробѣжаться въ Краковъ. Новосильцовъ ѣдетъ въ свой Слонимъ, а
я хочу воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы поглядѣть на бѣ-
лый свѣтъ. Бью челомъ всѣмъ православнымъ. Отцу Василю мой
смирный поклонъ въ поясъ. Графинямъ въ Венериномъ поясѣ мой
сердечный вздохъ.

12.

Варшава, 22 Августа 1818 г.

Я весьма доволенъ своею прогулкою: старикъ-Краковъ напомнилъ
мнѣ о старушкѣ-Москвѣ. Тѣже почтенныя сѣдины древности, тоже
добродушіе, тоже гостепріимство. Меня тамъ на рукахъ носили.
Не принимаю всѣхъ ласкъ единственно на себя, но болѣе въ знакъ
признательности республики къ нашему Государю и ненависти ея
къ Прусакамъ и Австрійцамъ. Вообще тамъ Русскихъ любятъ. Окре-
стности Кракова прекрасны. Я видѣлъ Швейцарскія горы и спускал-
ся въ соленыя бездны Wielicki. Я говорю, что у Кракова отняли
хлѣбъ съ солью. Этотъ вольный городъ умретъ отъ воли невольной.
Онъ не довольно богатъ, чтобы жить самъ собою: ему нужна кор-
милица. А изъ трехъ покровителей у него два притѣснителя.—По-
дышавши свѣжимъ воздухомъ, еще болѣе скучаю въ этой Варшав-
ской темницѣ.

Заговоръ во Франціи, какъ нарочно поспѣлъ, чтобы придать любо-
пытства къ послѣдствіямъ свиданья ¹⁷⁾. Выйдутъ ли союзныя войска,
или нѣтъ? Парижъ еще не потухъ, а ужъ вывозятъ трубы. Впро-
чемъ что же дѣлать? Не быть же Европейскимъ войскамъ, будочни-
ками Французскаго короля! Пусть его возится, какъ хочетъ и бо-
рется съ своимъ народомъ. Скорѣе одному ошибаться, чѣмъ миллі-
онамъ. Если Магницкій въ самомъ дѣлѣ такъ поступилъ, какъ го-
ворятъ, то онъ достоинъ примѣрнаго наказанія. Можно идти къ

¹⁷⁾ Т. е. Ахенскаго конгресса.

убей меня такъ я не откажусь. Въ томъ дѣлѣ, въ такихъ случаяхъ
дѣйствуй. Кому нѣтъ терпѣливо и соглашаться съ повсемѣстнымъ
виженіемъ. Такая частная мѣра есть опасное разстройство; мѣра
общая есть преобразование. Не будь оно и благодѣтельно, но по
райней мѣрѣ послѣдствія его будутъ однообразны. Во всемъ ну-
женъ порядокъ: при немъ и бѣдствія сносишь. Можно разчесть что
будетъ, придумать, какъ что отвратить, гдѣ чѣмъ помочь. Бѣжавши
по большой, хотя и дурной дорогѣ, можно почти положительно ска-
зать, когда прѣдешь, и особливо же куда. Проселочныя Богъ знаетъ
куда заведутъ: путаешься, путаешься и, потерявши цѣлый день,
возвращаешься часто на то мѣсто, откуда выѣхалъ, съ изломан-
ною повозкою, съ измученными лошадьми, — и голоднымъ брюхомъ,
прибавляетъ Тургеневъ. Законъ есть большая дорога, на коей исчи-
лены версты и исправлены мосты (ты видишь, я не говорю здѣсь о
дорогахъ Московскаго уѣзда). Самовластные предписанія — тѣ окол-
ныя дороги, отъ которыхъ избави насъ Боже ¹⁸⁾.

13.

Варшава, 27-го Сентября (1818).

Мы съ тобою, мой благодѣтель, сто лѣтъ, какъ не видались и не
болтали. Ты, Богъ знаетъ, отъ чего, а я отъ хлопотъ: у насъ была
Матушка Царица и цѣлую недѣлю держала насъ на ногахъ. Праздни-
ки были прекрасныя, а особливо же у Николая Николаевича. Госу-
дарыня здѣсь всѣхъ очаровала, и въ самомъ дѣлѣ она умница. Со
всѣми была ласкова и привѣтлива, такъ что любо. Впрочемъ здѣш-
ніе республиканцы любятъ кланяться въ поясъ и вытягиваться: от-
сутствіе двора въ Варшавѣ для нихъ несносно, и они такъ уже
рады, когда встрѣтится законная причина поподличать. Женщины
въ этомъ смыслѣ мужественнѣе мужчинъ. Александръ Львовичъ ¹⁹⁾
былъ не въ голосѣ и только что ѣлъ. Онъ говоритъ объ Альбедилѣ,
что онъ такъ тяжелъ, что если-бы продавать его на вѣсъ, то не
станеть Шереметевскаго имѣнія купить его.

14.

Варшава, 7 Декабря 1818.

Ты меня любишь; въ этомъ былъ я увѣренъ, не смотря на твое
молчаніе. Ты меня хвалишь; я и отъ этого не прочь. Впрочемъ будь
увѣренъ, что я и краснѣю, и глаза потупляю, и бормочу: помилуй-
те! И однимъ словомъ, дѣлаю все, что дѣлать уговорились въ та-
кихъ случаяхъ. Намѣреніе ваше ²⁰⁾ для весны очень мнѣ по сердцу,
ибо вѣроятно и я пойду пошататься, если только транзитный торгъ
не слишкомъ коротко подкоситъ мнѣ ноги. *Ce diable de transit me tran-*

¹⁸⁾ Тогдашній поступокъ Магницкаго намъ неизвѣстенъ.

¹⁹⁾ Нарышкинъ.

²⁰⁾ А. Я. Булгаковъ съ пріятелемъ своимъ А. А. Волковымъ собирались за
границу, куда и ѣздили въ 1819 году.

sit на отрада. и доу... Это правда, могут быть очень полезны. За что же слушаешь. Было время музыка? Польской хороша. Тутъ кусочекъ Танкреда: чего же болѣе? Ваша Бернарделли была здѣсь: она попрыгунька-стрекоза, ободранная кошка. Нѣсколько дней по прїѣздѣ своемъ сюда, видѣлъ я ее въ Русской пляскѣ: я думалъ, что умру съ досады. У насъ здѣсь женская подтяжка вытягивается мастерски; но балетъ вообще нехорошъ. Здѣсь мы въ тысячи верстахъ отъ васъ на дорогѣ искусствъ. Есть одна прыгунья Polichnowska, дѣвочка лѣтъ семнадцати, не умѣетъ пройти на сценѣ, правда не дурна собою; надобно видѣть, какъ ее публика принимаетъ. И эти дураки ставятъ въ томъ свой патриотизмъ! Куда они глупы, мои Сарматы! Комедія Французская поправится возвращеніемъ Grandville; хорошій, очень хорошій актеръ. Ѣдетъ еще родъ Ginet. То-то сообщать вамъ буду глупости въ Васманской комитетъ²³⁾. Готовьтесь смѣяться. Я здѣсь разучился смѣяться: если бы не для васъ, то разучился бы и смѣшить. Для здѣшнихъ языкъ мой не воротится. Я какъ ножикъ: тупою стороною лежу къ Варшавѣ, а острою къ Россіи. Но за то какъ невыгодно толкую я здѣсь Русское мнѣніе! По преданію я слышу здѣсь умникомъ, а на дѣлѣ они видятъ, что я дуракъ и стою болванъ болваномъ. По крайней мѣрѣ народная гордость должна бы расщекотать меня; но нѣтъ, сударь, ничего не беретъ.

Скажи Василью Львовичу, что я получилъ письма его и сказку и буду отвѣчать въ слѣдующій разъ; Алексѣю Михайловичу²⁴⁾, что кое-что помѣшало привести мнѣ къ окончанію его дѣло на этой недѣлѣ, но все будетъ сдѣлано на той; сенатору Кушникову, что буду отвѣчать ему по первой эстафетѣ и займусь его дѣломъ. А себѣ скажи, что ты добрый малый и потому долженъ, не откладывая въ долгій ящикъ моихъ порученій, исполнить ихъ тотчасъ. Государь проѣзжаетъ черезъ царство, но не черезъ Варшаву около 14 Декабря по нашему счисленію. Великій Князь ѣдетъ къ нему въ Замосць, здѣшнюю крѣпость; повидаться съ нимъ ѣдетъ и Николай Николаевичъ въ Устилугъ на Русской границѣ. Вотъ всѣ наши вѣсти. Малышева здорова въ Вѣнѣ, мы на дняхъ получили отъ нея поклонъ. Она Австрійцевъ сводитъ съ ума; ее любятъ безъ памяти. Меньщикова давала на дняхъ балъ въ Вѣнѣ. Одинъ офицеръ здѣсь застрѣлился на дняхъ въ трактирѣ по любви къ трактирщицѣ. Зимы, то есть снѣга, у насъ нѣтъ. Сегодня морозитъ, а завтра таетъ; вотъ какъ проводимъ мы время. Прощай, мой милый. Получила ли твоя жена мои кожи? Я всегда изъ кожи вонъ полѣзу, чтобы служить ей. Ты отвѣчаешь мнѣ на то, что я сказалъ о садовникѣ, а хотъ

²¹⁾ Непереводаемая игра словъ; буквально: этотъ дьявольскій транзитъ прорѣзаетъ мнѣ сердце. У князя Вяземскаго, въ подмосковной его Остафьевѣ, была суконная фабрика.

²²⁾ Князя Хованскаго.

²³⁾ Т. е. въ домъ графини Мусиной-Пушкиной.

²⁴⁾ Пушкину же.

васъ здѣсь обнять. Не зачтется у меня и эту; а то придется давить-убей меня такъ я вѣрю, что сѣльской арміи застрѣлились. ²⁵⁾ Тайны. Кстати о ключѣ: что дѣлаетъ изъ Барбары. жена эта? Счастливецъ! Ты это все видишь, а мнѣ ²⁶⁾ Счастливецъ! Ты это все видишь, а мнѣ ²⁷⁾ Счастливецъ! Ты это все видишь, а мнѣ ²⁸⁾ Счастливецъ! Ты это все видишь, а мнѣ что мерещится. Послѣ того вранья грѣшно спросить о Разумовскомъ? ²⁶⁾ Но сдѣлай милость, скажи, каковъ онъ, а если умеръ, то увѣдомь: сдѣлалъ-ли онъ чтонибудь для Подчацкаго?

Скажи Василью Львовичу, чтобы онъ бросилъ въ огонь всѣ свои штаны: въ Европѣ при башмакахъ носятъ широкіе черные панталоны. А послѣ того говорятъ, что мы не умѣе нашихъ отцовъ, которые затягивались какъ мученики. *Vive la libéralité! Vive les libérales! Vive les sanculottes!* ²⁷⁾.

15.

Варшава, 4-го Апрѣля 1819.

Какъ подумаешь, что ты теперь разѣзжаешь въ своей Волчьей Пещерѣ и что ножки Разгуляевскихъ красавицъ ²⁸⁾ не смѣютъ носу показать на дворъ, а что здѣшнія красавицы, до которыхъ сердцу моему дѣла нѣтъ, мимо открытыхъ моихъ оконъ ходятъ въ лѣтнихъ платьяхъ, такъ признаюсь, дрожь такъ и беретъ меня. Я чувствую: Италія меня убила бы совершенно. Теплый воздухъ, красная погода такую разливаютъ по мнѣ нѣгу и тоску, что я не въ состояніи дѣлать ничего: цѣлый день хожу, какъ шальной. А я все вздыхаю по Тверскомъ бульварѣ, Нечаевѣ, Бардаковѣ, этимъ розамъ Московскихъ садовъ. Сдѣлай милость, увѣдомляй меня подробно о преніяхъ палаты Московской. Кто ультра, кто министеріалисты, то есть экономисты, и полно не всѣ-ли глуписты?

16.

Варшава, 5 Іюля (1819).

(Писано въ Карлсбадѣ).

Ты *bardzo* смѣшенъ, мой милый, пѣняя мнѣ за мою молчаливость. Да, ради Бога, скажи: о чемъ тебѣ говорить? Когда ты былъ въ Азіи, я говорилъ тебѣ о Европѣ: теперь ты въ Европѣ, а я противъ тебя въ Азіи; мнѣ слушать, и я слушаю. У насъ комета, а у васъ ихъ можетъ быть пять, если не болѣе; у насъ: *co rap mōwi* въ одинъ голосъ, а у васъ: *Was beliebten Sie?* въ десять голосовъ. У насъ только что мувятъ, а у васъ на дѣлѣ белибензируютъ. Къ тому-же, я на все смотрю не старыми глазами: вы были мои калейдоскопы. Все при васъ играло и свѣтилось; а теперь сумерки.

Людямъ солнце, людямъ ясно,
А со мною все туманъ.

²⁵⁾ Т. е. камергерскій ключъ, полученный графомъ Ѳ. А. Толстымъ (тестемъ графа Закревскаго).

²⁶⁾ Графъ Львѣ Кириловичъ.

²⁷⁾ Да здравствуетъ либерализмъ. Да здравствуютъ либералы. Да здравствуютъ безштанники.

²⁸⁾ Т. е. графиня Мусиныхъ-Пушкиныхъ, жившихъ въ Москвѣ на Басманной или на Разгуляѣ.

на отрада, и ~~этом~~ ~~мы~~ ~~не~~ ~~вмѣстѣ~~ слушаемъ *Borgondio*, Вѣн-
скую пѣвицу, ~~онъ~~ ~~очень~~ ~~полезенъ~~ ~~и~~ ~~хорошъ~~. Тургенева поетъ и играетъ божественно.
Что за чистота, твердость и притомъ что за переливы! То суровый напѣвъ, то вѣжливый до лакомства. Лунинъ²⁹⁾, слушая ее вчера у Николая Николаевича, уморилъ насъ: хвалилъ не кстати, говорилъ, что слышалъ ее во Флоренціи, гдѣ она съ роду не была. До Варшавы доѣхалъ онъ, если можно говорить о какой-то смѣси жизни съ смертію, о бродящемъ трупѣ; но Богъ вѣсть, какъ доѣдетъ эта смертельность до Петербурга. Онъ точно Эдипъ, который тащится до мѣста, для могилы его назначеннаго, какою-то таинственною и сверхъ-естественною силою. Это все такъ говорится; а можетъ быть, еще ему придется забрать память нашу кутьею.

Ив. Ив. Дмитріевъ получилъ 1-го Владиміра; Тургеневъ обѣлся ботвиньею, Офросимовъ сгорѣлъ было съ бричкою своею въ послѣднюю ночь своего пребыванія въ Варшавѣ и написалъ какіе-то стихи, такъ кончающіеся:

И внутренно сгорѣвъ, наружно былъ-сгорѣлъ.

Великій Князь поѣхалъ осматривать Литовскій корпусъ; съ уланами на послѣдкахъ заключена была мировая; Ожаровскій въ Петербургѣ съ коляскою попалъ въ ровъ и чуть не убитъ: теперь ему лучше. Въ Сынѣ Отечества читалъ я объявленіе о запискахъ Метаксы. Василій Львовичъ все собираетъ продавать свое имѣніе. Ну, довольно ли съ васъ? Евдокимъ Давыдовъ, съ коимъ пишу, болѣе расскажетъ, если у васъ охота слушать. Отправлено послѣднее мое письмо съ Кіскі, адъютантомъ Его Высочества, добрымъ малымъ и мужемъ миленькой жены. Сдѣлай милость, привези мнѣ все, что выйdetъ новаго о знаменитомъ колодникѣ³⁰⁾. Я недавно устроилъ пикникъ въ Bagatelle: довольно удался. Къ вашему пріѣзду еще состроимъ. Простите, мои великіе Александры.

7 Іюля.

Я только что не плачу: глаза сухи, а сердце, право, мокро. На ниточкѣ висѣлъ мой отъѣздъ къ вамъ. Я было уже вовсе сговорился отправиться съ Давыдовымъ и мысленно радовался вашими криками и удивленіями. Но разныя обстоятельства свыше меня держатъ за полу. Мнѣ служащему нуженъ-бы паспортъ изъ Россіи; есть работа, которую должно кончить къ пріѣзду Государя. Нечего дѣлать: рабу должно повиноваться. Какъ молнія блеснула во мнѣ мысль и надежда посмотреть на бѣлую Европу; какъ громъ палъ на меня приговоръ остаться въ черной Польшѣ. Теперь покрывъ меня мракъ ночи, и я ложусь спать; нѣтъ, сажусь обѣдать и съ горя напьюсь пьянъ. За ваше здоровье, мои Македонскіе! Пожалуйте обо мнѣ. Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Теперь одна надежда:

²⁹⁾ Извѣстный въ послѣдствіи декабристъ Михаилъ Сергѣевичъ.

³⁰⁾ Т. е. Наполеонъ.

васъ здѣсь обнять. Не зачтите у меня и эту; а то придется давиться. На этой недѣлѣ два офицера Польской арміи застрѣлились. В Карлсбадѣ есть теперь m-me St.-Суг изъ Варшавы, жена здѣшняго купца: познакомься съ нею и поклонись ей отъ меня и скажи, что княгиня Зайончекъ очень похорошѣла и плѣняетъ своихъ обожателей болѣе прежняго.

Сейчасъ отобѣдалъ, но пьянъ не напился: съ горя и вино въ горло нейдетъ. Никогда такъ надежда изъ рукъ моихъ не выпадала, какъ нынѣ. Умомъ я былъ уже въ Карлсбадѣ: съ вами говорилъ, вралъ, разговаривалъ, видѣлъ лица невиданныя, слышалъ рѣчи неслыханныя. А теперь что? Завтра то, что сегодня, сегодня то, что вчера, а что за мертвая стужа во вчерашнемъ и сегодняшнемъ!!! Далеко кулику до Петрова дня. Ахъ, я куликъ, куликъ! Вообрази положеніе мое: крылья были привязаны къ ногамъ моимъ, волшебный жезлъ былъ въ моихъ рукахъ, въ Воскресенье я былъ съ вами. Судьба тупыми ножницами раскрошила мнѣ крылья, кандалами опутала ноги, вмѣсто поэтическаго прута вложила прозаическое перо, которое слабо изъясняетъ вамъ, что въ душѣ моей дѣлается. Если однакоже пало на него нѣсколько искръ, оно таинственными, но яркими гіероглифами растолкуетъ тебѣ темную грамоту моей души.

17.

Варшава, 4 Января 1820 г.

Поздравить ли тебя съ переменною назначенія брата? ³¹⁾ Вѣроятно, это и тебя изъ Москвы вызоветъ. Мнѣ больно будетъ искать васъ въ Петербургѣ, какъ-бы я еще не выѣзжалъ изъ Москвы. Вы отъ того не выигрывали въ сердцѣ моемъ, что жили въ Москвѣ, но Москва выигрывала: мнѣ грустно ее будетъ разлюбить, а что въ ней, когда загниваются въ ней одни бригадиры? Кто станетъ говорить мнѣ объ Урусовой, о Киселевой; кто за меня станетъ плясать съ ними? Шутки въ сторону: ты былъ та цѣпь таинственная, которая связывала меня съ Москвою; на тебѣ сидели мои воспоминанія, ты былъ средоточіемъ, отъ коего мысль моя предомлялась на Разгуляй, на Прѣсенскіе пруды и на всѣ концы Бѣлокаменной; теперь, негдѣ будетъ мысли пристать, не обо что опереться. Я скажу:

Москва ужъ не въ Москвѣ, въ Булгаковѣ она.

18.

С.-Петербургъ, 28 Января (1820 г.)

Проживу здѣсь не болѣе недѣли, или съ небольшимъ недѣлю. Петербургъ помолодѣлъ и ребячится: на здѣшнихъ вечерахъ начина-

³¹⁾ Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ изъ Московскихъ почтъ-директоровъ былъ переведенъ на ту же должность въ Петербургъ. Братъ его, къ которому писаны эти письма, получилъ ее въ Москвѣ гораздо позже; въ это же время онъ числился въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

жили весь годовой доходъ денегъ и веселій. Выѣзжаемъ — и про-
 ѣдемъ грѣ, и то ѣзда плохая. Вы тѣмъ о вѣволу. Здѣшній
 городъ — чтецъ плещеевъ, а вашъ будетъ Василій Львовичъ; мыш-
 кою любой изъ Ефимовичевыхъ, а кошкою которая нибудь изъ ста-
 рыхъ Московскихъ барышень. Но вотъ забава не невивная: Евста-
 фій Станевичъ, до сего времени извѣстный по своимъ неизвѣстнымъ
 стихамъ, написалъ книгу противъ мистицизма, книга его напеча-
 та на съ одобренія цензуры; вдругъ велѣно схватить всѣ экземпляры
 и самого автора, котораго въ двадцать четыре часа выслали изъ
 Петербурга.

19.

Варшава, 21 Февраля (1820 г.)

Что скажешь ты о Парижскихъ проказахъ? Смерть Берри—преступ-
 ление ужасное, но послѣдствія его еще ужаснѣе будутъ. Мы видимъ
 уже, какія принимаютъ мѣры притѣснительныя правительство опу-
 ганное. Честные люди захотятъ-ли платить за грѣхи убійць? Чуть-ли
 Ростопчину не придется укладывать свой чемоданъ, а Чичагову
 ѣхать съ поклономъ въ Тюлерійскій замокъ. Жаль! Я Франціи ввѣ-
 рилъ было всѣ свои надежды: на ней, думалъ я, устроится зданіе
 свободы мудрой, и другимъ народамъ придется только учиться у нея
 и перенимать не слѣпо, но сходно съ мѣстнымъ положеніемъ каж-
 даго домостроителя. Неужели все это разрушится отъ шила су-
 мазброднаго каретника? Сдѣлай милость, скажи Василю Львовичу,
 что я былъ въ перепискѣ съ Лувелемъ и вѣроятно попадусь тоже
 въ просакъ, потому что шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Здѣсь маріонетки есть чудесныя. Одна бѣда—играютъ въ пятомъ
 часу, въ самый часъ обѣда, чтобы не мѣшать директору народнаго
 театра. Ты видишь, всѣ директора такіе же Майковы³²⁾, и это меня
 бѣситъ. Я хотѣлъ бы всякій день тутъ быть, а нельзя.

20.

Варшава, 1-го Марта (1820).

Вчера вечеромъ кормили мы всѣхъ здѣшнихъ дамскихъ тузовъ: у
 васъ тузы мужескаго рода ѣздить по пирамъ, а у насъ женскаго.
 Здѣсь зажги три восковыя свѣчи въ гостиной, а одну сальную въ
 передней, то попадешь и въ великіе господа, и будутъ говорить о
 блескѣ твоего житья. А у насъ Степанида зажигала по цѣлому пуду
 сала, да другой пудъ отдавала на кухню для заправки кушанья...
 Право, содержаніе одного дома въ Петербургѣ достаточно было бы
 на содержаніе всей Варшавы. Въ Петербургѣ слишкомъ надѣются на
 себя и выѣзжаютъ на однихъ картахъ и ужинахъ; но здѣсь уже
 слишкомъ много надѣянности и мало издержекъ постороннихъ; а все
 на разговорахъ и любезности.

³²⁾ Майковъ, тогдашній директоръ Московскаго театра.

Варшава, 7-го Марта (1820).

Что говорятъ въ Англійскомъ клубѣ о Англійскомъ заговорѣ противъ министровъ? На министерскомъ обѣдѣ должны они были быть зарѣзаны всѣ до одного; но заговоръ открытъ былъ до времени, и большая часть заговорщиковъ схвачена, между прочими и начальникъ Arthur Chistlewood. Скажи Василью Львовичу, что я ему на время не совѣтовалъ бы ѣздить въ Англійскій клубъ и носить сапоги съ отворотами. Шутки въ сторону, что изъ всего этого будетъ? Пиво крѣпко бродить: насиліемъ не поможешь, а правители только и умѣютъ, что силою брать. Оно и легче: неискусный лѣкарь, чѣмъ рану лѣчить, отрѣзываетъ ногу. Въ Гишпаніи все еще нѣтъ рѣшительныхъ дѣйствій; но по осторожности и робости королевскихъ войскъ судить можно, что силы инсургентовъ не такъ малозначущи. Фердинанду VII нуженъ былъ урокъ; даромъ, что король, а все совѣсть надобно имѣть. Болвана народъ, твердостью и великодушными пожертвованіями, встали на престолъ, а онъ вмѣсто спасибо жарить его. Что же сказать тебѣ о нашемъ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ? Разводы идутъ своимъ порядкомъ, а нынче разводы другаго рода: M-elle Alexandrow идетъ замужъ за В..., адъютанта Великаго Князя, брата княгини Трубецкой, Петербургской и, какъ говорятъ, все остается по старому, то есть на старомъ положеніи, ибо состоянія уже давно не было. Признаться, долго этому никто вѣрить не хотѣлъ. В-а мы всѣ знали за добраго малаго, но никто не угадывалъ въ немъ такой отваги и рѣшительности. Со всѣхъ сторонъ онъ въ дуракахъ: если сдѣлалъ по расчетамъ денежнымъ, то и тутъ ошибка. Ей, кажется, даютъ по 15-ти тысячъ злотыхъ въ мѣсяць, кромѣ того, что она успѣла уже забрать. Это такъ, но она баба себѣ на умѣ и скупа, какъ чертъ. Когда умѣла прибрать въ руки NN., то этого сожметъ, какъ клюкву. У насъ въ Варшавѣ чудеса дѣлаются: общее мнѣніе вовсе не уважено, и каждый живетъ, какъ будто у себя въ деревнѣ.

22.

10 Нолбря (1820).

Я въ монологахъ не мастеръ, руку мою заводить надобно, а безъ того она стоитъ. Въ пребываніи Государя минуты досужной не было. А ты, преподобный игумень Бѣлокаменной обители, за какими недосугами молчалъ? Прошу оправдываться или лучше покаяться и смиренно ожидать моего великодушнаго прощенія. Къ тому же о чемъ тебѣ говорить изъ Варшавы? Газеты говорятъ за меня о Польшѣ и Европѣ, при границѣ которой стоимъ; но газеты не говорятъ ни о Поварской, ни о Басманной, а сердце жаждаетъ сплетней вашихъ. Вы знаете что дѣлаетъ Али-паша, а я не знаю, что дѣлаетъ Юсуповъ. Здѣсь все пусто, тихо, скучно! Съ Государемъ мы про-

жили весь годово́й доходъ денегъ и веселій.. Чѣвъзжсѣмтѣ на одномъ
трубѣ, и то ѣзда рѣшайа.

23.

Варшава, 31 Декабря (1820).

Европейскія сплетни держатъ меня здѣсь подъ стражею. Добро-бы, что хорошаго вышло изъ ихъ стряпанья. Вѣроятно однакоже все это ничѣмъ кончится; тѣмъ лучше. Стыдъ приложенъ, а отъ убытка Богъ избавить. Война съ Наполеомъ была-бы злодѣйство. Съ королемъ Сицилійскимъ переговорають, объявляютъ Европѣ, что хотѣли на опытѣ увѣриться, нѣтъ-ли насильства со стороны народа и добровольно-ли дѣйствуетъ король, и всѣхъ распустятъ по домамъ. Вотъ какъ многіе думаютъ и, кажется, нѣтъ иного средства выпутаться изъ хлопотъ этимъ всемірнымъ опекунамъ, которые обо всемъ пекутся, кромѣ домашнемъ. Что можетъ быть смѣшнѣе этихъ хлопотуновъ, которые, какъ угорѣлые, бѣгають по чужимъ домамъ тушить свѣчи, а свои кидаютъ на жертву пламени. Конечно у насъ мало на лице горючихъ составовъ, но не прочищивай трубъ, не думай о будущемъ, то рано, или поздно загорится и въ потьмахъ. Неужели на то Петръ Великій пустилъ Россію въ Европу, чтобы преемникамъ его было всегда въ чужомъ пиру похмѣлье, а домочадцамъ сочельникъ? Онъ хотѣлъ Россію объевропить, а не Европу помощію Россіи окамчадалить. Дострой свой домъ, а потомъ иди чинить чужіе дома. Образуй, просвѣти, разрѣши Россію, и тогда она сама, не сучась ни въ Тропаву, ни въ Лайбахъ, существенною, нравственною силою своею будетъ безапелляціоннымъ посредникомъ Европейскихъ судебъ.—Вог-голдю въ Берлинѣ и восхищаетъ Прусскія уши. Catalani въ Вѣнѣ. Къ намъ сюда на театръ ѣдетъ пѣвица изъ Франціи. Здѣшніе Французскіе актеры желали-бы въ Москву съѣздить весною мѣсяца на два. Какъ думаешь, выгодно-ли имъ будетъ? Распусти это извѣстіе и пощупай умы или головы Московскихъ меценатовъ, Авраксина и Юсупова. А я на дняхъ пришлю тебѣ программу актеровъ. Между ими есть отличные.

(Продолженіе будетъ).

U R V I.

(ГРАДУ).

Стихотвореніе К. С. Аксакова.

Большому кораблю большое и плаванье

Бездѣйствіемъ тебя безумно упрекая,
Не вѣдая судебъ страны своей родной,
Смѣется надъ тобой толпа людей пустая;
Но жалкій смѣхъ ея ничтоженъ предъ тобой.
Лишь тамъ, гдѣ вѣчный блескъ и шумъ безъ смысла бродятъ,
Гдѣ красокъ пестрота, смѣняющихся въ мигъ,
Тамъ жизни яркое присутствіе находятъ,
Кто жизни таинства прямого не постигъ!
Но не понять толпѣ свободнаго творенья,
Движенья тихаго глубоко-скрытыхъ силъ;
Безъ шума возстаетъ изъ сѣмени растенье,
И вотъ ужъ гордый дубъ все поле осѣнилъ!
Невидно въ тишинѣ творится все живое,
Чтобъ послѣ въ красотѣ могущества предстать,
И взоръ лишь разума иль сердце молодое
Его до времени умѣютъ угадать.

*
* *

Такъ не понять толпѣ великаго молчанья,
Великаго труда въ тебѣ живущихъ силъ;
Чудесъ условныхъ блескъ, отъ простоты созданья,
Ея безсильный взоръ давно ужъ отвратилъ.

*
* *

Но ты молчишь теперь,—затѣмъ, что къ высшей цѣли
Тебя назначила всеильная судьба,
Затѣмъ, что времена, быть можетъ, не созрѣли,
И вокругъ тебя еще не рѣшена борьба.
Твой часъ придетъ: падутъ всѣ ломкія строенья—
Громады страшныя, незыблемый оплотъ.
Всѣ жизни будто бы роскошныя явленья
Ты обличишь во дни, и призракъ пропадетъ.

Изъ контракта заключеннаго въ Декабрѣ 1780 г., видно, что для помещика Ф. Ф. Модного въ 1780 г. арестантъ (а не крестьянинъ) ка-
 и силы тихія въ груди своей питая,—
 Грядущихъ славныхъ дней торжественный удѣлъ..

*
* *

Такъ иногда корабль, царь гордый океана,
 Толпы покорныхъ волнъ выдавшій предъ собой,
 Въ бездѣйствіи стоитъ, какъ остовъ великана,
 На мелкой отмели заброшенный судьбой...
 Пускай вокругъ него, скользя, мелькаютъ чѣлны,
 Подъема за собой чуть видныя струи;
 Онъ будетъ недвижимъ,—пока иныя волны
 Не примутъ вновь его въ объятія свои!...
 Но небосклонъ надъ нимъ опять необозримый,
 Подъ нимъ опять темна пучины глубина,
 Вновь океанъ его объялъ неизмѣримый,
 И парусовъ его надулась ширина.
 Онъ двинулся.... идетъ... Шумите, непогоды!
 Вдали за нимъ исчезъ оставленный имъ берегъ,
 Во слѣдъ за нимъ кипятъ взволнованныя воды,
 И царственный его далеко видѣнь бѣгъ.

1842.

Къ столѣтнему юбилею Московскаго Дворянскаго клуба.

Въ виду приближающагося столѣтняго юбилея Московскаго Дворянскаго клуба, любопытно въ точности прослѣдить, кѣмъ именно, когда и на какихъ первоначально основаніяхъ онъ былъ учрежденъ. Случайно и, можетъ быть, кстати, попалась мнѣ подъ руку въ дѣлахъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина (хранящихся въ Московскомъ отдѣленіи общаго Архива Главнаго Штаба 1781 г. оп. 194-й, св. 208-й, № 22) переписка о членахъ Московскаго благороднаго клуба и о содержателяхъ онаго.

Французскій подданный Карлъ Антоновъ сынъ Лефобюръ, записавшійся въ Москвѣ, временно, въ купечество 2-ой гильдіи, подалъ, 11 Октября 1781 года, Императрицѣ Екатеринѣ жалобу на первыхъ двухъ членовъ вновь учреждавшагося Московскаго Дворянскаго клуба: гвардіи полковника князя Николая Одоевскаго и генераль-поручика Степана Ржевскаго. Въ ней Лефобюръ объяснялъ, что Московское дворянство прошлою зимою, т. е. съ 1780 на 1781 годъ, предложило ему устроить клубъ, для приличныхъ въ ономъ развлеченій. Согласясь на это, онъ нанялъ большой и удобный домъ, сдѣлалъ въ немъ значительныя поправки, снабдивъ всѣми припасами, мебелью и утварью. Наконецъ, въ теченіе менѣе трехъ недѣль, онъ по подпискѣ имѣлъ до 800 абонентовъ. Общество дворянъ, по обычаю, избрало въ старшины клуба названныхъ выше лицъ, по предложенію которыхъ были составлены на Французскомъ языкѣ и условія, на основаніи коихъ Лефобюръ желалъ управлять всѣми дѣлами клуба; но потомъ сіи условія были ими взяты для перевода ихъ на Русскій языкъ, и вмѣсто ихъ будто-бы были составлены ими еще другія условія въ интересахъ не его лично, а старшинъ и членовъ клуба. Эти условія Лефобюромъ, по незнанію Русскаго языка и самаго содержанія ихъ, были подписаны, при чемъ онъ вовсе не подозрѣвалъ сдѣланной въ нихъ перемѣны. Спустя недѣлю, дѣло ему объяснилось, когда князь Одоевскій и генераль Ржевскій объявили, что ему нечего болѣе дѣлать и помогать въ домѣ клуба. Посему, считая себя обиженнымъ и увлеченнымъ въ издержки на устройство клуба до 10,000 р., онъ обращаясь съ жалобою къ Московскому генераль-губернатору князю Василію Михайловичу Долгорукову-Крымскому и къ губернатору Архарову, но удовлетворенія отъ старшинъ дворянскаго клуба не получилъ. Такое положеніе и личныя обиды, старшинами клуба ему причиненныя, заставили Лефобюра искать правосудія у самой Императрицы.

Не входя подробно въ разбирательство этого казусаго дѣла, состоящаго въ пререканіяхъ съ обѣихъ сторонъ, ограничусь изложеніемъ того, какъ основался Московскій Дворянскій клубъ.

Изъ контрактъ заключеннаго въ Декабрѣ 1780 г., видно, что для помѣщенія клуба Французомъ Лефобюромъ арендованы ка шесть лѣтъ у жены капитанъ-поручика лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка князя Петра Черкаскаго, Александры Петровой дочери Черкаскаго, состоявшія въ Бѣломъ городѣ, на Тверской улицѣ, въ приходѣ церкви Василия Кесарійскаго, каменные палаты о двухъ этажахъ, съ платежемъ въ годъ по 1300 р. асс. и со взносомъ сихъ денегъ впередъ по третямъ года. А ежели, сказано въ контрактѣ, въ теченіи прежде означеннаго срока, домъ перейдетъ въ другія руки по волѣ владѣльцевъ его, то княгиня Черкаская обязана ему, Лефобюру, заплатить за остальные годы по тысячѣ рублей; въ случаѣ же бытности въ Москвѣ Императрицы, она, княгиня Черкаская, должна ему платить за оныя годы по двѣ тысячи рублей.

Въ двухъ особыхъ контрактахъ, заключенныхъ Лефобюромъ съ директорами клуба 23 Февраля 1780 и въ Мартѣ 1781 г., изложены особыя и подробныя правила, на основаніи которыхъ Лефобюръ обязывался содержать клубъ, съ наймомъ на его счетъ самаго лучшаго въ городѣ Французскаго повара, а также кондитера, музыки и всей прислуги, и съ приготовленіемъ кушаньевъ въ его же продуктовъ и пр.

При этомъ ограничено, какія въ нижней части дома должны быть имъ заняты помѣщенія и какія въ верхнемъ этажѣ собственно собраніемъ клуба, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ на его же счетъ. Эти-то собственно условія и побудили Лефобюра обратиться съ жалобой на то, будто старшины клуба его обманули. Между тѣмъ эти два контракта подписали слѣдующіе директора клуба: Степанъ Ржевскій, князь Василій Долгоруковъ, князь Одоевскій, князь Александръ Урусовъ, князь Иванъ Тюфякинъ, князь Василій Долгоруковъ. Чѣмъ дѣло было рѣшено, намъ неизвѣстно. Можетъ быть, найдутся о томъ свѣдѣнія въ дѣлахъ бывшей Московской Губернской Канцеляріи.

По объясненію Лефобюра онъ считалъ себя основателемъ и полнымъ хозяиномъ клуба, а членовъ онаго гостями, обязанными извѣстною платою за право посѣщенія собранія; члены, напротивъ, считали себя хозяевами и распорядителями клуба, а Лефобюра не болѣе какъ ихъ наемнымъ слугою, обязаннымъ исполнять все приказанія старшинъ клуба; а какъ онъ былъ въ исполненіи такой своей обязанности неисправнымъ, грубымъ и нетрезвымъ, то поэтому онъ и устраненъ вовсе отъ дѣлъ клуба.

Наконецъ, изъ имѣющейся въ дѣлѣ особой о очистки къ оборонѣ старшинъ опроверженіемъ господъ директоровъ по Лефобюровой челобитной видно, что Московскій Дворянскій клубъ былъ членами онаго открытъ двадцать третьяго Декабря 1780 года. Слѣдовательно въ будущемъ 1880 году, съ основанія его, исполнится ровно столѣтѣ.

Григорій Александровъ.

5 Марта 1879 года.
Москва.

Письмо князя В. Ө. Одоевскаго къ пріятелю-помѣщику.

Выборгъ, 20 Августа 1850.

Спасибо, любезный другъ, что вспомнилъ обо мнѣ, тѣмъ болѣе спасибо, что обо мнѣ обыкновенно помять только тѣ, которые во мнѣ нуждаются и пока нуждаются; а тебѣ слава, Богу, я, кажется, ни на что не годенъ. Извини, что не отвѣчалъ до сихъ поръ. Скажу тебѣ откровенно: письмо твое пришло ко мнѣ въ минуту такой суматохи (см. Петербургскія Вѣдомости) и по Обществу ¹⁾, и по отъѣзду Великой княгини ²⁾, что отвѣчать было невозможно, развѣ двумя словами, чего я не хотѣлъ, совѣсти ради. Измученный, вырвался я въ мою блаженную Чухландію, но получилъ такое отвращеніе къ перу и чернилицѣ, какаго не испытывалъ тотъ маленькій скрипачъ (забылъ его имя), который, достигнувъ совершеннолѣтія, разбилъ свою скрипку объ уголь. Боже мой! Когда же достигну я совершеннолѣтія? Твое литературное направленіе мнѣ очень понравилось; вижу, что ты съ успѣхомъ изучаешь мои сочиненія и что они приносятъ тебѣ большую пользу; это очень похвально. Продолжай, моя душа: читай, изучай Русскую литературу и, сдѣлай милость, доставь мнѣ вѣсточку, гдѣ пребываетъ эта пожилая дама, хотя беззубая, въ пластыряхъ и очень воняетъ отъ безпутной жизни. Того, о чемъ ты пишешь, я не читалъ вовсе; ибо лучше не хочу ничего не читать, нежели надсѣдаться съ досады; а у меня ея и безъ того довольно. Однавоже увѣдомь, гдѣ все это напечатано, въ какихъ журналахъ? Вы, земледѣлы-помѣщики, на то и созданы, чтобы находить золото въ навозѣ. Тургеневу сообщу твои замѣчанія; они не дурны, а онъ—человѣкъ съ большимъ талантомъ, хотя и не ко времени, которое вовсе не литературно, а больше ростбифно. Читалъ ли ты комедію, или лучше трагедію Островскаго: Свои люди сочтемся, и которой настоящее названіе: Банкрутъ? Пора было вывести на свѣжую воду самый развращенный духомъ классъ людей. Если это не минутная выпышка, не грибокъ, выдавившійся самъ собою изъ земли, просоченной всякою гнилью,—то этотъ человѣкъ есть талантъ огромный. Я считаю на Руси три трагедіи: Недоросль, Горе отъ ума, Ревизоръ; на Банкрутѣ я поставилъ номеръ 4 й. Эта комедія напечатана въ Москвитянинѣ нынѣшняго года, въ первыхъ мѣсяцахъ. Отдѣльно ея нѣтъ.

¹⁾ Посѣщенія бѣдныхъ.

²⁾ Елены Павловны.

Отсюда я не могу достигать къ себѣ ни одного письма въ тюленяхъ, но этихъ Петербуржскъ я могути свидѣться. Тѣмъ болыше же у здѣсь, тѣмъ болыше увѣраюсь въ моихъ способностяхъ—жить съ тюленями, и только съ тюленями. Петербургская молотильная надоѣла мнѣ, замучила меня выше мѣръ терпѣнія человѣческаго, и единственное мое занятіе съ нѣкотораго времени: обрывать разныя бичевки, которыя держатъ меня на привязи въ Петербургѣ. Все къ тому нудить: и душевныя, и тѣлесныя силы. Вольно же было природѣ вмѣсто благороднаго чувства чиноманіи вставить въ меня любовь къ козявкамъ подъ микроскопомъ, а особливо къ одной весьма неблагоприличной вещи, а менно къ цвѣточной семенной пыли (Pollen, le foultre des fleurs); только и грежу, чтобъ основать на нихъ (прошу не шутить) новую, полную безъ исключеній систему ботанической классификаціи; да вотъ бѣда: нужны пять лѣтъ ежедневныхъ наблюденій, чтобъ убѣдить въ этомъ другихъ такъ, какъ я самъ убѣжденъ; а между тѣмъ на дворѣ Сентябрь, ступай снова въ чернорабочіе. Что ты дѣлаешь, милостивый государь? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, все подписываешь заемныя письма, какъ ты говоришь? Проваль возьми эту литературу! А я было хотѣлъ тебѣ позавидовать; если бы я имѣлъ малѣйшія способности быть помѣщикомъ, то предался бы этому ремеслу всею душою, а у тебя на это есть и способность, и охота. Напиши мнѣ, какъ ты земледѣльствуешь. О Соболевскомъ самыя противорѣчащія извѣстія: кто говоритъ въ Мадридѣ, кто—въ Пекинѣ, кто—на лунѣ; послѣднее, думаю, вѣрнѣе. Кстати: Венгерское зѣло истощается, а найти такаго же негдѣ, на вѣсь золота; въ катавасіи послѣднихъ годовъ всѣ погреба были разорены, и придется дожидаться 1950 года.

Изъ смысла твоего письма заключаю, что ты намѣренъ заглянуть въ Петербургъ; милости просимъ: только Субботъ уже не найдешь: дорого стодать, а я начинаю дѣлаться скупъ; пора помыслить о безжалованномъ житіи въ Чухландіи.

Твой Одоевскій.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ на Никитскомъ
бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать:

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ I. Рескрипты и письма им. Екатерины II къ графу А. Г. Орлову.—Бумаги о самозванкѣ Таракановой.—Письма им. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ и къ г-жѣ Жоффренъ. Цѣна 2 р.

Томъ II. Сношенія Россіи съ Швеціею при Александрѣ I.—Новые документы по дѣлу Новикова.—Автобіографическая записка графа Поццо ди Борго.—Депешы графа Литты.—Изъ бумагъ князя Г. Г. Орлова.—Записка Димслея о пребываніи его въ Россіи. Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Трощинскаго о министерствахъ.—Записка графа Каподистрія о его служебной дѣятельности.—Инструкція Екатерины II-й фонъ-Ребиндеру.—Письма им. Александра I-го къ княгинѣ З. А. Волконской. Цѣна 3 р.

Томъ IV. Екатерининская Комиссія для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Цѣна 3 р.

Томъ V. Письма им. Александра I къ Ф. Ц. Лагарпу.—Бумаги князя Н. В. Репнина.—Документы изъ дѣлъ Саксонскаго архива.—Письма гр. Петра Ивановича Панина къ сыну его. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ им. Александру I.—Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ.—Записка князя А. А. Чарторыйскаго им. Александру I.—Документы изъ Саксонскаго архива. Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги Екатерины II-й. 1744—1764 г. Часть I. Ц. 3 р.

Томъ VIII. Екатерининская Комиссія. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ IX. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ.—Переписка о бракѣ Густава IV съ Александрою Павловною.—Письма кн. А. А. Чарторыйскаго къ Н. Н. Новосильцову. Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги Екатерины II-й, 1765—1771. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го. Цѣна 3 р.

- Томъ XII. Бумаги Екатерины II, 1771—1774. Часть III. Цѣна 3 р.
- Томъ XIV. Екатерининская Комиссія. Часть III. Цѣна 3 р.
- Томъ XV. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ. — Донесенія барона Мардефельда. Бумаги князя Репнина. Цѣна 3 р.
- Томъ XVI. Бумаги князя Н. В. Репнина за время управленія его Литвою. Цѣна 3 р.
- Томъ XVII. Переписка Екатерины II-й съ Фальконетомъ. Ц. 3 р.
- Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи, 1762. Часть I. Цѣна 3 р.
- Томъ XIX. Переписка Англійскихъ пословъ. Часть II. Цѣна 3 р.
- Томъ XX. Переписка Екатерины II-й съ Фридрихомъ II-мъ. Письма Маріи Ѳеодоровны и Павла Петровича къ барону Сакену. — Записка А. Н. Оленина о 14 Декабря 1825 г. — Сотрудничество Екатерины II-й въ «Собесѣдникѣ». Цѣна 3 р.
- Томъ XXI. Донесенія А. И. Чернышева и князя А. Б. Куракина изъ Парижа (1811 и 1812 гг.). Цѣна 3 р.
- Томъ XXII. Депеши Пруссаго посланника Сольмса 1763—1766 г. Цѣна 3 р.
- Томъ XXIII. Письма Екатерины II-й къ барону Гримму. Цѣна 3 р.

Пересылка каждаго тома 40 копѣекъ.

А З В У Ч Н Ы Й У К А З А Т Е Л Ъ

ЛИЧНЫХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1879 Г.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).

- Абаза Хивинецъ. 439.
Абасъ. 262.
Абрамовъ, Ив., сотникъ. 440.
Августъ, императоръ. 396.
Августъ, король Польскій. 496.
Аггей, еписк. Бѣлоградскій. 355.
Адамовъ, Ив., стрѣлецъ. 50.
Аделунгъ. 265.
Адемаръ, графъ. 88, 89.
Адріанъ, патріархъ. 13.
Азовскій, Вас., казакъ. 403, 429.
Акимовъ, Ив. 412.
Аксаковъ, бригадиръ. 276.
Аксаковъ, Констан. Серг. (стихотвор.)
215, 218, 220, 250, 277, 521.
Аксаковъ, С. Т. 248.
Акутинъ, Ив. 283.
Акутинъ, Никита. 439.
Акутины. 289.
Алекбей, Калмыкъ. 415.
Алекинъ, маіоръ. 440, 441.
Алексаandroва. 519.
Александровъ, Гр. Никол. 524.
Александръ II. 254, 381.
Александръ I. 58, 59, 61, 255, 258,
309, 341, 345, 371, (воцареніе) 444—
446, 448—451, 453—466, 469, 471—
481, 486, 494, 497, (рѣчь на Польш-
I, 34.
- скомъ Сеймѣ) 505—507, 510, 512, 514,
516, 519.
Алексѣй Михайловичъ, царь. 8, 14,
24, 33, 297, 298, 432.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, (его
рожденіе) 8, 10, 12, 41, 57, 413.
Алонеусъ. 506.
Альбрехтъ, герц. Бранденбургскій. 258.
Альвенслебенъ, баронъ. 89, 199.
Алькудія, герцогъ. 188.
Ангальтъ-Цербтская княгиня, мать
Екатерины II, (кончина) 305.
Андреевъ, Вас., атаманъ. 431.
Анкудиновъ, Ив. 283.
Анна Іоанновна, импер. 58, 98, 105,
227, 402.
Анна, королева Англійская. 17.
Анна Леопольдовна, арестъ. 59.
Анучинъ. 303, 401.
Аншинахскій маркграфъ. 89.
Апраксинъ, Петръ Матв. 402.
Апраксинъ, въ Варшавѣ. 520.
Апраксинъ, Ѳеодоръ Матв. 22, 31,
36, 41, 42, 47, 48, 49, 50, 52.
Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андр. 300.
308, 406.
Араповъ, Ѳеодоръ, каз. атаманъ. 303,
433.

- Артуа (д.), гр. 181, 182.
 Архаровъ, Н. П. 523
 Ассемблея (Фонъ), гр. 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

- Бородинъ, Никиф., казакъ. 403, 407, 410.
- Бородицынъ. 289.
- Брадке (фонъ), дѣвица. 75.
- Брауншвейгская принцесса. 112.
- Брауншвейгскій герцогъ. 112, 213.
- Брайко, Григор. Леонтьев. 84.
- Бредихинъ. 63, 107.
- Бриггенъ, (фонъ-деръ). 265.
- Бристольская, графиня. 81.
- Броденъ. 337, 338, 340.
- Брокетъ, Елисавет., Англичанка. 61.
- Броцевскій. 303.
- Брюггенъ, (фонъ-деръ). 258.
- Бугенвиль, 110, 111.
- Будановъ, Вас., казакъ. 403.
- Букингамъ. 106.
- Булгаковъ, Ал—дръ Як. (письма кн. П. А. Вяземскаго). 503—520.
- Булгаковъ, Пав. Александр. 503.
- Булгаковъ. 86.
- Булгаковъ, Я. И. 160, 503.
- Булгария. 139, 387.
- Бульджеръ. 261.
- Бунге, профессоръ. 258.
- Бурбонскій, герц. 342.
- Бурго-Дюкудре. 264.
- Бурнашевъ, Ив. Андр. 36.
- Буртледъ, Фани. 70.
- Бутурлина, гр. Марья Ром. 59, 490.
- Бутурлинъ, Ив. Ив. 20, 36, 46, 51, 56.
- Бутурлинъ, гр. Петръ Александр. 59.
- Бухаревъ, Федоръ. 412.
- Бушъ, Андр. 23.
- Бьерингъ, Никол., священникъ Русской церкви въ Нью-Йоркѣ. 264.
- Бѣлобородовъ, казакъ. 275.
- Бѣлоусовъ, Ив., каз. атам. 303.
- Бѣлоусовъ, Осипъ, каз. атам. 303.
- Бѣляевъ, И. Д. 275.
- *
- Вавиловъ, Ив., есаулъ. 403, 411.
- Валійская, принцесса. 165.
- Валійскій, принцъ. 106, 148, 149, 157, 199.
- Вальцъ. 191, 499.
- Вамбери. 264.
- Варди. 256.
- Василій, вел. кн. 220.
- Василій, свящ. 512.
- Васильевъ, Ал—сѣй Ив. 348.
- Васильевъ, гр. 468.
- Васильевъ, Петръ, крестовый свящ. Петра В. 36, 41, 43, 52.
- Васильевъ, Як. Коз., атам. 303.
- Васильяновъ, Петръ, (наказаніе кнутомъ) 321.
- Ванъ-Келлеръ, баронъ. 17, 18, 22, 23, 30, 31, 32, 48.
- Верженъ, графъ. 95, 102, 103, 167, 207.
- Веріесъ. 23.
- Ветошикова, Татьяна Александр. 234.
- Ветошиковъ, Мих. Никол. 231.
- Вейсъ. 519.
- Виганони, пѣвецъ. 493.
- Вигель. 216.
- Вильбуа. 244, 245.
- Вильгельмъ, король Англ. 17, 18, 26, 30, 32.
- Вильгельмъ III-й. 92.
- Вильямсъ. 257.
- Виндгемъ. 171.
- Виніусъ, Андр., начальникъ почты. 7, 36, 56.
- Виншъ, фельдъ-егерь. 322.
- Виньоль-Бароціо. 243.
- Витвортъ, Англ. послан. въ СЦбургъ. 181, 315, 323, 326, 329, 330, 343, 346, 353.
- Витевскій, Владим. Никол. 279.
- Витзенъ, Амстердамскій бургомистръ, 18, 23, 24, 45.
- Витошновъ, Дм. казакъ. 275, 405.
- Вюмениль, гр. 326, 327, 329, 343.

- Гурьевъ, гр. 258.
 Гурьевъ, Мих. купецъ. 300.
 Густавъ, Адольфъ. 36.
 Воейковъ, Петръ Петр., секундъ-маіоръ. 64.
 Воейковъ, маіоръ, Сызранскій комендантъ. 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 422.
 Волкова, М. А. 510.
 Волковъ, А. А. 513, 516.
 Волковъ, Тихонъ. 404, 406, 408, 413, 422.
 Волконская, кн. Зин. Александр. 138, 139.
 Волконскій, кн., генер.-аншефтъ. 364, 365.
 Волконскій, князь. 299, 300.
 Волконскій, кн. 504.
 Волконскій, кн. Мих. Ив. 36.
 Волконскій, кн. Никол. Серг. 68.
 Волстовкрофъ. 109.
 Волчковъ. 107.
 Воынскій, Артемій. 304, 407, 410, 412.
 Воынскій, кн. Дм. Владим. 36.
 Вольней. 265.
 Вольтеръ. 344.
 Войновъ, Мих. Алексѣев., дьякъ. 36.
 Войновъ, секундъ-маіоръ. 65.
 Воронинъ, Екимъ. 28.
 Воронцова, гр. Анна Карл. 67.
 Воронцова, гр., Екат. Алексѣевна (кончина) 77, 84, 339.
 Воронцова, гр. Екатер. Семен. 78, 333, 339, 340.
 Воронцова, Елисавет. Ром. 59, 65, 68, 364, 368, 369.
 Воронцова, Марѳа Ив. 58.
 Воронцовъ, графъ, Ал—дръ Ром. 59, 60, 67, 69, 76, 77, 79, 175, 176, 183, 185, 186, 191—196, 201, 214, 275, 305, 306, 308, 309, 311, 312, 317, 319, 321, 323, 329, 332, 334, 337—
- Дмитрій, архіеп. Тульскій. 246, 247.
 Добжа. Рубинъ,
 Гавриловъ, Сергій. 81.
 Воронцовъ, гр. Артемій Ив. 67.
 Воронцовъ Дашковъ, гр. Ив. Илар. 67.
 Воронцовъ, Ив. Илар. 58, 67.
 Воронцовъ, гр. Ив. Илар. внукъ 67.
 Воронцовъ, Илар. Гавр. 58, 59.
 Воронцовъ, гр. Илар. Ив. 67.
 Воронцовъ, гр. Мих. Илар. 58, 59, камергеръ 60, 61, 65, 367, 369.
 Воронцовъ, кн. М. С. фельдмаршалъ. 58, 75, 78, 173, 182, 196, 317, 332, 334, 446, 464, 472, 478, 479, 482, 483, 487—489.
 Воронцовъ, гр. Ром. Илар. 58, 59, 65, 67, 68, 73.
 Воронцовъ, гр. Сем. Ром. 58—111, 145—169, 197—214, 305—354, 444—502.
 Вортлей. 490.
 Вышеславцова, Капитолина Мих. 509.
 Вяземскій, кн. генер.-прокуроръ. 337.
 Вяземскій, кн. Андр. Ив. 503.
 Вяземскій, кн. Пав. Петр. 398.
 Вяземскій, кн. П. А. 114, (последнія стихотворенія). 132—137, 387—398, (письма къ Булгакову) 503—520.
- *
- Гавриилъ, митропол. 232.
 Гавриловъ, Петръ, старшина. 431.
 Гагарины. 460.
 Гакинсъ, капит. 211.
 Галактионова, Дарья Егор. 231.
 Галеди, врачъ. 345.
 Галилей. 119.
 Галлець, Теофилъ. 244.
 Гамильтонъ. 490.
 Гамовъ. 347.
 Ганка. 241.
 Гантвигъ. 107.
 Гарновскій. 371.

- императрица 59, 61 (кончина) 62, 66, 67, 241, 242, 264,
 Гаугвицъ, гр. 346, 468.
 Гаутманъ. 23.
 Гвоздевъ, Александръ Александр. 252, 253, 254.
 Гегель, 215.
 Гекерихъ, баронъ. 396.
 Геннади. 68.
 Генрихъ, принцъ Прусскій. 149.
 Генрихъ IV. 182, 209.
 Георгъ III. 80, 81, 89, 98, 112, 145, 148, 149, 158, 160, 168, 318, 332, 334, 453, 475, 477.
 Георгъ IV. 168.
 Гербертъ, лордъ. 478.
 Гервасъ. 265.
 Германъ. 326.
 Герцбергъ, гр. 105, 147, 148, 150, 159, 168, 171.
 Герье, В. И. 265.
 Гей. 256.
 Гильфордъ. 171.
 Гири. 256.
 Глочестеръ, герц. 199.
 Глѣбовъ, Леонтій Мих. 36.
 Глѣбовъ, Ѳеодоръ Мих. 36.
 Говъ, адмиралъ. 101.
 Годуновъ, (стих. А. С. Хомякова). 220, 262.
 Голголсенъ, Голландскій капитанъ 39.
 Голиковъ, 428, (о Петръ В.) 488, 494, 495, 496.
 Голицына, княгиня Авд. Ив. (Princesse Nocturne). 510.
 Голицына, кн. Нат. Петр. 488.
 Голицынъ, кн. вице-канцл. 368.
 Голицынъ, кн. Ал-дръ. 505.
 Голицынъ, кн. Андр. Ив. 6.
 Голицынъ, кн. Ал-дръ Мих. 70.
 Голицынъ, кн. Бор. Алексѣев. 12, 17, 22, 27, 31, 33, 36, 37, 43, 44, 46.
 Зайончекъ, жена намѣстника. 505, 517.
 Зблудинъ, кн. 51.
 Голицынъ, кн. Ив. Ѳеодор. 308.
 Голицынъ, кн. Серг. Мих. 510.
 Головинъ, Автамонъ генер. 21, 51.
 Головинъ, Ѳ. А. 24.
 Головкинъ, Гавр. Иванов. 36, 43, 410, 413.
 Гольденбергъ, врачъ. 248.
 Гольдернесъ, леди. 81.
 Гончарова, Нат. Ив. 394.
 Гордонъ, Петръ Ив., контръ-адмир. 7, 56.
 Горшковъ, Мих. казакъ. 275, 403.
 Готфоръ, маркизь. 85.
 Грантъ, Джемсъ 326,
 Гревиль, лордъ. 171, 177, 179, 181, 204, 314, 319, 322, 327, 346, 349—352, 490.
 Грей, 171.
 Грейгъ, лейтенантъ Ал-ѳй Сам. 345.
 Грейгъ, адмиралъ Самойл. Карл. 108, 163, 200, 210, 345.
 Григорьевъ, Ив. старшина. 440.
 Гриммъ, баронъ. 55, 56, 96, 112, 468, 469.
 Гротъ, Я. К. 265.
 Грузиновъ, Евгр. Осиповичъ, полковникъ 321.
 Грузиновъ, Петръ Осипов. поручикъ гвардіи. 321.
 Губернатисъ, (де). 263.
 Гугна, Вас. козакъ. 284.
 Гугниха, 284, 286, 287.
 Гудаковская, гр. 508.
 Гудовичъ, 490.
 Гудовичъ, Андр. Вас. 308.
 Гузиковъ, Денисъ. 417, 428—431, 434, 438.
 Гульстъ, фонъ-деръ Ив. Ив., докторъ Петра В. 20, 55.
 Гумбольтъ, 372, 373.

*

Давыдовъ, В. Д. 242, 243.
Давыдовъ, Евдокимъ. 516.
Даламберъ. 92.
Дантесъ-Гекервъ, 387.
Дантонъ. 447.
Даржинъ, Калмыкъ. 407-
Дартуръ, герцогъ. 181.
Дашкова, кн. Екатер. Ром. 59, 60,
66, 305, 312, 362, 365, 490.
Дашковъ. 72.
Дашковъ, кн. Пав. Мих. 312.
Дашковъ, кн. Петръ Ив. 36.
Дашковъ, кн. Ѳедоръ Ив. 36.
Девн. 120.
Девисъ, алгебраистъ. 101.
Девіеръ, генер. 366, 367, 368.
Девлетъ Гирей. 287,
Девонширскій, герцогъ. 149, 152,
153, 158, 206.
Дегинъ. 288.
Де-Грассъ, адмир. 111.
Де-Казъ. 507.
Делла-Сомилля, кардиналъ. 255.
Дельвигъ, (кончина). 387.
Дементьевъ, Мих. 411.
Дементьевъ, Ст. казакъ. 403.
Деонъ. 94.
Державинъ. 396, 445, 470, 471.
Дехтеревъ, Ив. 410.
Джаборъ, Бухарець. 439.
Джаксонъ, негоціантъ. 173, 457.
Дибичъ. 242, 243.
Дилонъ, Ирландецъ. 99. 188, 189.
Дилькъ, Аттонъ. 264.
Димитрій Довской. 143.
Димедаль, баронъ. 170, 173.
Дицъ. 159.
Дмитріевъ, Ив. Ив. 506, 516.

Долгоруковъ, 245.

Долгоруковъ-Крымскій, кн. Вас. Мих.
523. 524.

Долгорукій, кн. Ив. Дм. 22.

Долгорукій, кн. Юр. Алексѣев. 22.

Долгорукій, кн. Як. Ѳедор. 420, 495.

Домбровскій, генер. 508.

Донауроръ, Мих. Ив. 308.

Донсковъ, Ѳедотъ, атаманъ. 403.

Дорсетъ, герцогъ 82.

Досноей, патриархъ. 23, 24.

Дугласъ, кавалеръ. 94, 110.

Дувканъ, адмир. 314, 349—351, 353.

Дурасовъ. 508, 511.

Дурмановъ, Сидоръ атам. 431.

Дуровъ, Н. П. 245.

Дюшилью. 72.

*

Евдокимовъ. 404, 405.

Евдокія Ѳедоровна, царица. 5.

Екатерина I. 14, 425, 432, 435.

Екатерина II. 58—71, 74—86, 90—
99, 105, 107, 112, 145—196, 202—
214, 231, 233, 256, 263, 265, 266,
273, 297, 305, 306, 309, 313—318,
348, 355, 359, 361, (восшествіе на
престолъ) 362—369, 371, 396, 413,
445, 450, 451, 462, 466, 469, 471,
485, 494, 497, 498, 511, 523, 524.

Екинъ. 210.

Елагина, Авд. Петр. 138.

Елагинъ. 493.

Елагинъ, И. П.; сенаторъ. 67.

Елачичъ, банъ. 373, 376, 383.

Елена Павловна, великая княгиня.
383, 384, 525.

Еліотъ. 94.

Елисавета Алексѣевна, императрица.
465, 466, 478.

Елисавета Петровна, цесаревна 58,

Елисѣевъ, Ив. казакъ. 410.
Ельчаиновъ, Богд. Егор. 70.
Епинусъ. 100.
Ергольскій, 418.
Ермакъ Тимоѣевичъ. 296.
Ермолай, Карлъ. 36.
Ермоловъ, (арестъ), 312, 485.
Ерокинъ, генер.-маіоръ. 434, 435.
Ерофеевъ, казакъ. 275.
Ефимовичевы. 518.
Ефремовъ. 266.
Ечесь, 104, 105, 109, 110.
Ешевекій. 298.
*
Желѣзновъ, Юсафъ Игнатъев. 276—
278, 289, 299, 300, 302, 426.
Жеребцова, О. А. 491.
Жеребцовъ. 339.
Жихаревъ, С. П. 506.
Жоли, секретарь гр. С. Р. Воронцова.
109, 173, 174, 205, 210, (губернеръ
гр. М. С. Воронцова) 488.
Жуковский, В. А. 139, 387, 507.
Жуковъ, В. Г. 232.
*
Завадовскій, гр. П. В. 68, 71, 74,
76, 171, 182, 186, 194—196, 309, 311, 482,
312, 315—317, 319, 321, 323, 324,
329, 334, 344, 355, 444—448, 461,
463, 469—472, 475, 478, 479, 481,
490, 497.
Загряжская, Елисавет. Александр. 394.
Закревскій, гр. 251, 376, 515.
Залукмени, Стефанъ Какажъ. 262.
Замойская. 505.
Заровскій, Меркурій, казакъ. 403.
Заруцкій, Ив. 299.
Захарій, докторъ. 36.
Захаровъ. 285, 288, 291, 293, 401—
443.

эельмира. 112.
Землянушиновъ. 440, 441.
Зотовъ, дьякъ Никита Моисеев. 36,
43, 37.
Зубовъ, кн. 181, 182, 184, 193—
Зубовъ. 491.
Зубовы. 448, 460.
Зуевъ. 266.
Зѣвакинъ, купецъ. 229.
Зѣвакинъ, Никита казакъ: 403, 412.
*
Ивановъ, дьякъ Автомонъ Ив. 23.
Ивановъ, Вас. комисаръ. 311.
Ивановъ, Ив., каз. атам. 303, 412, 416.
Ивановъ, Матв., атаманъ. 402.
Иванъ Васильевичъ, царь. 252.
Игельстромъ, баронъ. 169.
Игнатъевъ, Р. Г. 275.
Иденъ, кавалеръ. 347.
Измаилъ. 286.
Измаилъ-Ферукъ-ефенди. 354.
Измайловъ, капит. Петръ Ив. 63,
65, 308.
Иксуль. 258.
Иловайскій, Дм. Ив. 144.
Ильинъ, Никол. Ив. 504
Инглисъ, литейно-пушечный мастеръ.
182.
Исбраитъ-Идесъ, Елизарій. 22, 24.
*
Іаковъ, герцогъ Курляндскій. 15.
Іаковъ II-й. 17.
Іоаннъ Алексѣевичъ, царь. 5, 10, 13,
42, 297.
Іоаннъ III-й. 143, 286.
Іоаннъ Грозный. 220, 286—289, 444.
Іоакимъ, патріархъ (кончина), 10,
11, 13.
Іоркскій, герцогъ. 168, 326.
Іоркъ, кавалеръ. 81.
Іосифъ II-й. 83—90, 92, 93, 199, 306.

Калмыковъ, Ал—Вй, атаманъ. 429,
431, 433.
Кальяръ. 346, 347.
Камденъ, лордъ. 106.
Камельфордъ, лордъ. 81.
Канкринъ. 394.
Кантемиръ, кн. 476, 495.
Каподистрія. 504.
Канустинь, купецъ. 231.
Карабановъ, П. Ѳ. 68.
Карамзинъ. 132, 286, 387.
Карбонари, докторъ. 7.
Каргинъ, казакъ. 275.
Карлъ I. 180.
Карлъ, эрцгерцогъ. 268, 347.
Кармановъ, Григ. казакъ. 404.
Кармартенъ, маркизъ. 81, 83, 87,
89, 90, 91, 94, 106.
Карновичъ. 67.
Карповъ, Андр. атаманъ. 441.
Карстенъ-Брайтъ. 26, 28, 29.
Карташовъ, Ив. 402, 443.
Карцовъ. 490.
Касимовъ, Вас. 301.
Касмынинъ, казакъ. 321.
Кастельчккала. 490.
Каталани, пѣвица. 520.
Катковъ, М. Н. 277.
Кашкинъ, Никол. Евг. 506, 511.
Кайсарова. 138.
Кайтомбриджъ (де), Карлъ Альфредъ. 419,
70.
Квитницкій, дьячокъ въ Лондонѣ. 483.
Кегоръ. 120.
Кельбель, дѣвица. 82,
Кембаль. 257.
Кеніонъ, лордъ. 326.
Кетлеръ, Курл. герцогъ. 258.
Кикинъ, генер.-аудиторъ. 408, 409,
411, 412.

Кирѣвская, Марія Алексѣевна. 246
Кирѣевъ. 138.
Киселева. 517.
Киселевъ, гр. Пав. Дм. 507, 508.
Кицки. 516.
Кларксонъ. 188.
Клаузенбургъ. 262.
Клементьевъ, Петръ. 411, 416.
Клинтонъ, генер. 72, 267.
Князевъ, генер.-инженеръ. 300.
Кобенцель, гр. 346.
Козляиновъ. 107.
Кокерницъ. 468.
Колесниковъ, казакъ. 321.
Коловертинцевъ, Макаръ. 410, 412.
Колпаковъ, Яв. 283.
Колычовъ, Богд. Семен. 36.
Колычовъ, Мих. Семен. 36.
Колычовъ. 337, 339, 341.
Колычовъ. 152.
Колычовъ. 490.
Кольманъ, строитель кораблей. 163.
Комаровскій, гр. Е. Е. 385.
Конде, принцъ. 342.
Коновницынъ, курьеръ. 96.
Консидеранъ. 130.
Константиновъ, Вас. 410.
Константинъ Павловичъ, великій князь.
85, 371, 504, 509, 519.
Копѣчкинъ. 440.
Корбъ. 16.
Коробовъ, Никита, капитанъ. 418,
419, 421, 422.
Коссовичъ, Кэрт. Андр. 375, 379, 380.
Костомаровъ. 263.
Кочаровъ, Никиф. казакъ. 404.
Кочубей, кн. В. П. 307, 319, 320,
445, 459, 460, 463, 486, 490.
Красивская. 505.
Красинскій. 504.
Краснополяскій Ив. 492.
Краснощековъ, купецъ. 230.

- Крашенинниковъ, Никита (Федоръ Ру-
 авишниковъ) 282, 411, 412.
 Кремневъ, (Лжепетръ). 274.
 Кретовъ, Никол. Вас. 346.
 Крейкъ, полковн. 20.
 Криднеръ, бар. 86, 109, 110.
 Кротковъ, Егоръ. 404, 405, 406, 414.
 Круглый, А. О. 266.
 Крузъ, адмир. 211.
 Крыловъ, А. 226.
 Кузнецовъ, Петръ, казакъ. 275.
 Кукляевъ, Мих. 439.
 Кукъ. 111.
 Кульманъ, Квиричъ. 7.
 Куряевъ, Мих. атаманъ. 431, 434,
 435.
 Купъ. 256.
 Куракинъ, кн. А. Б. 308, 316, 318,
 337, 341, 448, 459.
 Курилинъ, М. К. 278.
 Куроѣдовъ, Мих. 50.
 Куртисъ, кавалеръ. 351.
 Курута. 504.
 Кустовъ. 406, 407, 408, 409, 410,
 411, 412, 413.
 Кутайсовъ. 329, 486.
 Кутузовъ, адмиралъ. 101.
 Кушелевъ, Гр. Гр. 308.
 Кушниковъ, сенаторъ. 514.
 Кюстинъ. 212.
 *
 Лавуазье. 120.
 Лагарпъ, воспитатель Александра I.
 460, 462.
 Лагранжъ. 127.
 Ламаркъ, генер. 397.
 Ланге. 254.
 Ландсдаувъ. 106.
 Ланская, В. И. 510.
 Ланской, гр. Серг. Степ. 251—254.
 Лаферрьеръ. 306.
 Левенфельдъ, полковникъ. 20.
 Левшинъ, А. И. 285, 288.
 Легкобытовъ. 254.
 Ледюкъ. 92.
 Лекомбеевъ, Калмыкъ. 407.
 Леопольдъ I. 7, 119.
 Леопольдъ, герцогъ Тосканскій. 85,
 306.
 Леруа Боалье. 263.
 Лерхенфельдъ. 264.
 Лессенсъ. 191.
 Лестокъ. 58, 59.
 Летемъ. 256.
 Лефобюръ. Карлъ Ант. 523, 524.
 Лефортъ, генералъ. 12—56.
 Лейбницъ. 265.
 Лейфель, полковн. 20.
 Ливень, кн. 491.
 Лядскій, герцогъ. 81, 169, 179, 198,
 199.
 Лизакевичъ, Вас. Гр. 110, 173, 183,
 210, 310, 318, 322, 331, 338, 349.
 Линде, состав. Рус. Словаря. 241.
 Ливдеманъ. 264.
 Ливдесей. 208, 211.
 Линицкіе, (Смирновы). 355.
 Линицкій, Іоаннъ протоіер. въ Бого-
 духовъ. 355.
 Линицкій, Степ. Ив. 355.
 Лияъ, (де) принцъ. 99, 189, 190.
 Листонъ. 169, 174.
 Литцъ, (де) дюкъ. 106.
 Лобжай, Ибай. Калмыкъ 415.
 Лобинъ, Ив. 439.
 Логиновъ, Герас. казакъ. 403.
 Логиновъ. Ив. войск. старш. 439—
 442.
 Лонгфело. 264.
 Ломоносовъ, М. В. 35, 60.
 Лопухинъ, Петръ Абрам. 15.

Донухины. 460.
Досіусь. 258.
Доундонъ, маркизъ 79.
Лубинская. 505.
Дувель. 518.
Лузи, гр. 106.
Лукьяновъ, Ив. казакъ. 408.
Луничъ, Мих. Серг. 516.
Лыковъ, кн. Мих. Ив. 12, 36, 42.
Львовъ, кн. Ал—ѣй Ив. 36.
Львовъ, кн. Вас. Степ. 36.
Львовъ, кн. Матв. Степ. 36.
Львовъ, кн. Мих. Никит. 36.
Львовъ, Никол. Александр. 84.
Льбвицынъ, В. 227.
Любомирская, княжна. 505.
Людовикъ XIV. 15, 17, 19, 25, 26,
101, 396.
Людовикъ XV. 130.
Людовикъ XVI. 178, 179.
Ляпуновъ, (стих. А. С. Хомякова).
220.

*

Магницкій. 512, 513.
Мазена, 303.
Макаровъ, Дм. 405.
Макаровъ, адмиралъ. 313, 314, 490,
497.
Макаровъ, контръ-адмиралъ, Мих.
Кондр. 344, 349, 352.
Макартней. 499.
Макензи. 72, 81.
Макрановская, гр. 511.
Макъ-Гаханъ. 256.
Макъ-Колль. 256.
Малювскій. 508.
Мальмсбери, лордъ. 79, 82, 159,
354, 457.
Мальсонъ. 261.
Мансуровъ. 404.
Манфердоній. 347.

Марія Терезія. 256.
Марія Федоровна, великая княгиня,
306, импер. 312, 313, (письмо къ По-
темкину) 369—371, (императрица) 465,
478, 513.
Маркелъ, митрополитъ Псковскій.
13.
Марковъ, Никиф. 404.
Маскелинъ, 101.
Матвѣевъ, Андр. Артамон. 15, 36,
38, 41, 48.
Матвѣевъ, Артамонъ. 240.
Матвѣевъ, Силавій, есауль. 431.
Матюшинъ, Ив. Афанас. 49.
Мацѣевскій, 263.
Майеръ, граверъ. 244.
Майковъ, директ. Моск. театра. 518.
Майковъ, Л. Н. 363.
Меверель, корреспондентъ Гордона.
49.
Мелентьевъ, Мих. 410.
Мельниковъ, Пав. Ив. 140, 251—
254.
Менгденъ (фонъ). 57.
Мейгли-Гирей. 286.
Менезіусъ, генер. 20, 30.
Меньщикова. 514.
Меньщиковъ. 504.
Меньщиковъ, кн. А. Д. 14, 64, 403,
406, 415, 419, 420.
Меркурьевъ, Андр. 438, 439.
Меркурьевъ, Григ., атаманъ. 283—
286, 303, 401—443.
Меркурьевъ Ив. 438.
Меркурьевъ, Елья атаманъ. 284,
285, 432, 439.
Мерси, гр. 95.
Мещиковъ, Левъ. 264.
Мещерская, кн. М. А. 267.
Мещеряковъ, Андр. 411.
Мейеръ. 23.

- миллеръ. 200.
- Миллеръ, историкъ. 496.
- Милютинъ. 254, 326.
- Мирабо. 188.
- Мироновъ. М. каз. атам. 303, 403—405, 410.
- Михаилъ, императоръ. 279, 281.
- Михаилъ Павловичъ, великій князь. 387, 504, 509, 514, 516, 519.
- Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь. 296—298, 417, 426.
- Михельсовъ. 275.
- Мишкель, Марина. 299.
- Мокъевъ, Як. старшина. 440.
- Молендорфъ. 109.
- Монкальмъ, генер. 110.
- Монморевъ, графъ. 103.
- Моисъ, Анна дѣвица. 23, 33.
- Моисъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ. 23.
- Мордвиновъ, гр. Н. С. 460, 462, 485, 490, 498.
- Морелли. 493.
- Морей. 213.
- Морковъ, гр. Арк. Ив. 195, 197, 200, 445, 453, 460, 466, 490.
- Моригеймъ. 504.
- Морозини. 87.
- Мостовская. 505.
- Мотлей, историкъ. 259.
- Моцениго, гр. 76, 84, 85, 490.
- Муловскій. 193.
- Муравьевъ. 498.
- Мусатовъ, Игнатій. 410.
- Мусина-Пушкина, гр. Софья Алексѣевна. 511, 514.
- Муханова, Марія Казиміровна. 238, 239, 240, 242.
- Мухановъ, Ипать Калин., 240.
- Мухановъ, Никол. Алексѣев. 239.
- Мухановъ, Пав. Александр. 236—245, 400.
- Мухинъ, Андр. казакъ. 441.
- Мюллеръ, Максъ. 265.
- Назаровъ, Аѳанас. казакъ 406, 410.
- Наполеонъ I. 255, 263, 324, 520.
- Нарышкинъ, А. Л. 513.
- Нарышкинъ, Андр. Ѳеодор. 15.
- Нарышкинъ, Вас. Ѳеодор. 36.
- Нарышкинъ, Кирилла Алексѣев. 36, 41, 46.
- Нарышкинъ, Левъ Кирил. 12, 14, 15, 22, 27, 29, 31, 34, 51, 56.
- Наталья Кириловна, царица. 5, 8, 13, 20 (болѣзнь) 26, 29, 31, 33, 34, 40, 41, 42, 43, 45, (кончина) 48.
- Наумовъ. 406.
- Нельсонъ. 448.
- Непиръ, Чарльзъ, адмир. 260.
- Неплюевъ, Ив. Ив. 283, 285, 287, 299, 366, 367, 443.
- Нессельродъ, гр. 105, 106, 255.
- Нечаевъ. 515.
- Нечай, казакъ. 293, 294, 295, 296.
- Никитинъ, (алгебристъ). 494.
- Никифоровъ, Перфілій, казакъ. 404.
- Никласъ. 50.
- Николаи, бар. 312, 313, 339, 490.
- Николай I. 61, (спасеніе жизни) 140, 243, 275, 313, 373, 381, 383, 385, 386, 393—397.
- Ноайль, (де) виконтъ. 188.
- Новикова, О. А. 257.
- Новиковъ. 243.
- Новиковъ, Триф. 410, 412.
- Новосильцовъ, Н. Н. 307, 336, 355, 445, 449, 450, 460—463, 467, 474—476, 478, 480, 486, 490, 498, 503—506, 511—514, 516.
- Нолькенъ, баронъ. 204.
- Нольсъ, адмиралъ. 111, 163.
- Нортумберландъ, герцогъ. 72.
- Нортъ, лордъ. 81.
- Ньютоуъ. 120, 127.
- Нѣмцевичъ, Юліанъ. 244.

Обрѣзковъ. 319.
Овчинниковъ, казакъ. 275, 404.
Одоевскій, кн. В. Ѳ. 525, 526.
Одоевскій, кн. Никол. 523, 524.
Ожаровскій. 516.
Озаниъ. 256.
Оптонъ, генер.-маіоръ. 260.
Оранжевая, принцесса. 103, 212.
Оранжескій, принцъ. 110.
Оржевскій. 254.
Орловъ, гр. Валер. Григ. 69, 73.
Орловы, братья (восшествіе Екатерины II). 362—369, 509.
Орловъ, кн. 148.
Освальдъ 188.
Осиновъ, Гр. подъячій. 411,
Осипъ, солдатъ. 411.
Остерманъ, гр. И. А. 77, 83, 88,
189, 198, 346.
Островскій, А. Н. 377, 525.
Отто. 339.
Офросимовъ. 516.

*

Навелъ I. 61, 78, 170, 214, 305—
314, 317, 322—356, 365—369, 448—
453, 455, 458, 476, 480, 486, 496,
497.
Паккъ. 259.
Паленъ (фонъ-деръ), гр. Петръ Алек-
сѣев. 341, 342, 447—450, 452, 486.
Палласъ. 292.
Пальмерстонъ. 377, 380.
Панина, гр. С. Вл. 447.
Панинъ, Н. Е. 242.
Панинъ, гр. Н. И. 79, 98, 102, 178,
(восшествіе на престолъ Екатерины)
362—369, 396, 452.
Панинъ, гр. Никита Петр. 267, 275,
307, 316, 324, 328, 330, 335, 448—
460, 463, 464, 481.

Парри, Джонъ. 326.
Пассекъ. 364, 365.
Пайцъ, леди. 82.
Пелагея, кормилица гр. Воронцовыхъ.
492.
Пеларино, Яковъ, докторъ. 7.
Пемброкъ, леди. 81.
Пемброкъ, гр. Екат. Сем. 444, 478,
479, 483, 489.
Пемброкъ, лордъ, Гербертъ. 81.
Пемброкъ-Монгомери, гр. 478, 480
Перепелкинъ, сержантъ. 74.
Перовскій, гр. 251, 252, 261.
Перовскій, гр. Левъ Алексѣев. 140.
Перри. 16.
Перро. 268.
Перскій, поручикъ, (наказаніе кну-
томъ) 321.
Перфильевъ. 249.
Пестовъ, С. 357.
Петерсъ, банкиръ. 501.
Петровъ, Семенъ. 411.
Петръ, герцогъ Курляндскій. 15.
Петръ Великій, (первые годы единодер-
жавія) 5—57, 61, 70, 73, 115, 175,
240, 261, 265, 267, 287, 297, 298, 303,
397, 401—443, 450, 460, 465, 471, 472,
476, 488, 494, 495, 496, 520.
Петръ III. 59, 61—67, 70, 98, 107,
231, 274, (низложеніе) 362—369.
Пизаній, ассесоръ. 354.
Пиль. 380.
Пименовъ, Митроф., казакъ. 404.
Пинто, кавалеръ. 187, 490.
Писемскій. Пав. Петр. 383.
Питтъ, Вилліамъ младшій. 80, 81,
87—91, 93, 95, 96, 101, 103, 106,
152, 157, 161—165, 168—176, 179,
187—189, 197, 201—206, 347, 474,
476.

- я. 79, 93
- Пишель, банкиръ. 337, 338, 340.
- Плещеевъ, Серг. Ив. 308, 518.
- Плещеевъ, Ѳедоръ Ѳедор. 31, 51.
- Повалишинъ, адмиралъ. 184, 211, 490.
- Погадаевъ, Герас., атаманъ. 403, 419.
- Погенполь, курьеръ. 90.
- Погодинъ, М. П. (посмертное соч. о Петръ I) 5—57, 277.
- Погребининъ, казакъ. 442.
- Подкользвинъ, 498.
- Подчаккій, 515.
- Поль-Жонесъ, 109, 111.
- Польманъ. 113.
- Полянская. Елисавет. Ром. 59, 369, 490.
- Поляискій, дьякъ Еремей Леонтьев. 6.
- Поляискій. 369.
- Понятовскій, кн. Станисл. 362.
- Поповъ, А. Н. (стих. К. С. Аксакова) 215, 263, 376.
- Поповъ, Вас. Ст. 348.
- Поповъ, казакъ. 321.
- Поповъ, подъячій. 469, 410.
- Поповъ, Сем. 422
- Порошинъ, Сем. Андр. 65, 365, 369.
- Портландъ, герцогъ. 92, 149, 152, 153, 158, 206.
- Потановъ, генер.-маіоръ. 277.
- Потемкинъ, Г. А., кн. 67, 71, 74, 76, 79, 99, 103, 104, 171, 184, 190, 192, 197, (письмо вел. кн. Маріи Ѳеодоровны) 369—371, 491, 523.
- Потемкинъ, Мих. Серг. 72, 76, 107.
- Потемкинъ, Пав. Серг. 72, 74, 76, 107, 266.
- Потоцкій, гр. 470, 504, 509.
- Прикащиковъ, Матв., казакъ. 404.
- Притвицъ. 109.
- Прозоровскій, кн. 72.
- Проккофъ, Сем. каз. атам. 303.
- Протасовъ. Яв. маіоръ. 395, 418—424.
- Прытковъ, атаманъ. 441.
- Пряишквинъ, Ив. 410.
- Псаро, кавалеръ. 84, 85.
- Пугачевъ. 273, (Яицкое войско) 401—443.
- Пудовкинъ, Сем., казакъ. 403.
- Путловъ, Мих. 404, 405, 406, 414, 418, 423.
- Путятинъ, кн. Н. 112, 113.
- Пуффендорфъ, 288.
- Пушкина, (мать поэта), 396.
- Пушкина, Нат. Никол. 394.
- Пушкинъ, А. С. 273, 274, 294, 385, (кончина) 387—398, 401, 414, 485.
- Пушкинъ, Алексѣй Мих. 514.
- Пушкинъ, Вас. Львов. 507—509, 511, 514—519.
- Пушкинъ, гр. 104.
- Пушкинъ, Ив. Ив. 36.
- Пыпинъ. 462.
- *
- Радичевъ. 499, 500.
- Раевскій, М. Ѳ., свящ. 375.
- Разинъ, Стенька. 287, 292, 299.
- Разумовскій, гр., А. Г. 69, 107, 213.
- Разумовскій, гр. гетман. 364, 365.
- Разумовскій, гр., Л. К. 515.
- Рамбо, Альфредъ. 257, 263.
- Рахчинецъ, атаманъ. 429.
- Раяничъ. 376.
- Райковскій, А. И. 140.
- Ретгеръ. 259.
- Рейнгольдъ, фотографъ. 240.
- Рейнсдорпъ, Оренб. губернаторъ 300.
- Ржевскій, генер.-поруч., Степ. Матв. 357—362, 523, 524.
- Рибасъ. 335.
- Ригеръ, баронъ. 354.

- Риббертъ, 258.
 Риль, 257, 263.
 Рихтеръ, 254.
 Ричмондъ, герцогъ. 82, 106.
 Ришелье, кардиналъ. 209.
 Робеспьеръ. 447.
 Родней, адмиралъ. 100, 107, 110.
 Рожалинъ, Никол. Матв. 138.
 Рожерсовъ, врачъ. 309, 317.
 Рожновъ, прапорщикъ, (наказаніе кнутомъ) 321.
 Розень, генеральша 504.
 Розень. 257.
 Рокингамъ, маркизъ. 153, 206.
 Романовичъ-Славатинскій. 462.
 Ромодановскій, кн., Ѳед. Юрьев. 12, 14, 20, 21, 26, 33, 36, 46, 50, 51, 56.
 Ранцовы. 62.
 Ростовцовъ, Я. И. 378.
 Ростопчина, гр., Елисавет. Ѳедор. 482.
 Ростопчинъ, гр., Андр. Ѳедор. 482.
 Ростопчинъ, гр. Ѳ. В. 74, 196, 263, 306 — 314, 317, 319, 320, 322, 323, 328 — 332, 336, 339, 354, 356, 447, 451, 458, 471, 480—483, 490, 518.
 Ротъ. 262.
 Рудольфъ II. 262.
 Рукавишниковъ, Ѳед., атаманъ. 282, 283, 287, 288, 409—417, 421.
 Румянцовъ, гр., Н. П. 187, 306, 309, 324, 396, 424, 463, 467 — 469, 479, 486, 490, 497.
 Румянцовъ, гр., Петръ Александр. 62, 63, 70, 71, 72, 74, 75, 83, 102, 103, 497.
 Румянцовъ, гр., С. П. 463, 467, 490.
 Рыжичекъ, Прох. Дм., казакъ. 279, 280, 281, 282, 287.
 Рындицъ, Кирил. Степ. 340.
 Рычковъ, П. И. 279, 283, 284, 285, 286, 287, 294, 300, 414.
- Рюминъ. 401.
 Рябининъ, Д. Д. 502
 *
 Савеловъ, Ант. Иван. 36.
 Савинъ. 120.
 Салтыковъ. 371.
 Салтыковъ, Казанскій губернаторъ. 409.
 Салтыковъ, Ал—ѳий Петр. 11, 15.
 Салтыковъ, Петръ Самойл. 401.
 Салтыковъ, Юр. Ив. 29, 33, 36.
 Самборскій, Андр. Аван., протоіер. 97, 355.
 Самойловъ, гр. А. Н. 371.
 Себастьяни, генер. 469.
 Севрюгинъ, Вас. старшина. 440.
 Сегюръ, (Записки) 67, 80.
 Секадорфъ, баронъ. 89, 92.
 Сѣмениковъ, Ѳедоръ, атаманъ. 429.
 Семенова, Варвара. 405.
 Семенъ, священ. 404.
 Сентъ-Эленъ, лордъ. 452.
 Сентъ-Жерменъ (де). 363.
 Севъ-Пріестъ. 102
 Сенявина, Екатер. Алексѣевна. 75.
 Сенявинъ, Ал—ѳий Наумов., адмиралъ 75, 84, 107, 348.
 Сенявинъ, Гр. Алексѣев. 193.
 Сенявинъ, И. Г. 141.
 Сергѣевъ, Серг. Григ., стольникъ. 36.
 Сергѣевъ, Варооломей, каз. атам. 303.
 Сейданъ. 109.
 Сиверсъ, гр. Я. Е. 112, 349.
 Сидней, лордъ. 79, 91.
 Силишниковъ, Ѳедоръ, казакъ. 403.
 Симолицъ, И. М. 78, 95, 176.
 Сицилійскій, король. 520.
 Скавроиская, графиня, Анна Карловна. 59.
 Скавроисскій, гр. 67, 213.
 Скайлеръ 264.

- Смартъ, издатель.
- Смирнова, А. О. 483, 484, 491.
- Смирновъ, Ив. Ив. 349, 355.
- Смирновъ, Як. Ив., посольскій священникъ въ Лондонѣ. 173, 183, 210, 336, 338, 354, 356, 483, 488.
- Смитъ, Адамъ. 344, 467.
- Синькинъ, посынокъ Гордона. 52, 56.
- Собакинъ, Ив. Афанасьев. 6.
- Собакинъ, Левъ, механикъ. 96, 97.
- Соболевскій, Серг. Александр. 237, 239, 504, 526.
- Соболевъ. 404.
- Сожи. 98.
- Соковнинъ, Ал—ѣй Ив. 19.
- Солицевъ-Засѣкинъ, князь. 297.
- Соловьевъ, С. М. 250, 255, 362, 448, 451, 454, 456, 457, 459, 474.
- Солодовниковъ, Ст. 408.
- Соломонія, царица, жена вел. кн. Василія. 220.
- Сольмсъ. 69.
- Сорель. 256.
- Софія Алексѣевна, царевна. 5, 6, 31, (правительница) 297, 298.
- Соймоновъ, Вас. 40.
- Спенсеръ, лордъ. 350, 490.
- Сперанскій. 485.
- Стадионъ. 490.
- Стакельбергъ, гр. (поединокъ) 73, 102, 213.
- Станевичъ, Евстафій. 518.
- Станлей. 257.
- Старембергъ, гр. 346, 489, 490.
- Старцевъ, Гавр., есаулъ. 410.
- Старченковъ, казакъ. 402.
- Степановъ, Никиф. 411.
- Стивенсъ, лейт. 260.
- Столыпинъ, генер. 278.
- Стасбургъ, Рудольфъ, пасынокъ Гордона. 22.
- Строгонова, баронесса Софія Никол. 357.
- Строгоновъ, гр. 277.
- Строгановъ, гр. Ал—дръ Сергѣевичъ 60, 69.
- Строгоновъ, гр. Гр. Александр. 394, 395, 445.
- Строгоновъ, гр. П. А. 445, 476, 486.
- Струнышевъ, Вас. 277.
- Стуэнзе. 467.
- Стрѣкаловъ. 493.
- Стрѣшневъ, Ив. Родіон. 46.
- Стрѣшневъ, Род. Матв. 29.
- Стрѣшневъ. Тих. Никит. 55.
- Стюартъ. 457.
- Стяговъ, казакъ. 417.
- Суворовъ, (алгебристъ). 494.
- Суворовъ, А. В. 267, 327, 329.
- Сумкинъ, Ст. 407, 408, 411.
- Сурмина, Марѳа Ив. 59.
- Суриинъ, оружейный мастеръ. 203.
- Сутбору. 171.
- Сутерландъ, Ал—дръ. 337.
- Сутерландъ, банкиръ. 337.
- Сухаревъ. 14.
- Сухаревъ, Ал—ѣй. 404.
- Сухаревъ, Ѳедоръ. 404, 423, 424.
- Съменинковъ, Ѳедоръ, каз. атам. 303.
- Талейранъ, кн. 188, 476.
- Талызинъ, Петръ Ѳедор. 65, 366, 368.
- Тамбовцевъ, Вас. 283.
- Тамерланъ, 284, 287.
- Тарабынинъ, Илья 418.
- Тарасъ, прикащикъ. 14.
- Татнищевъ, В. Н. 438, 441, 442.
- Таубертъ. 23.
- Твороговъ, казакъ. 275.
- Тектондеръ. 262.

- Терскій, казанъ. 289, 290, 291, 295, 296, вѣнъ 264.
- Тейльсъ. 30.
- Тизигеръ. 111.
- Тиммерманъ, Францъ. 22.
- Тимоосевъ, Антипъ, кормчій. 54.
- Тимоосей, Карлъ. 36.
- Титовъ, Сер., крестьянинъ. 140, 141.
- Тлюибетъ, Татаринъ. 419.
- Толкачева, Анна Петровна, казачка. 275.
- Толкачевъ, казакъ. 275.
- Толоконниковъ, Ив., сотникъ. 440.
- Толстая, гр. Степ. 504, 506, 508, 518.
- Толстой, гр. А. П. 246.
- Толстой, гр. Д. А. 255.
- Толстой, гр. Д. Н. 252.
- Толстой, гр. Л. Н. 264.
- Толстой, Петръ Андр., воевода. 51.
- Толстой, гр. Ѳ. А. 511, 515.
- Томачковъ, Матвѣй, казакъ. 293.
- Томсонъ, банкиръ. 338, 339, 340, 501.
- Томсевъ, Оксфордск. профессоръ. 259.
- Тормасовъ. 510.
- Торшиловъ, Ив. 439, 440.
- Тоусонъ. 79.
- Трачевскій. 87.
- Тревеневъ. 108, 109, 111, 163, 210, 211.
- Трипольскій, курьеръ. 162, 163.
- Троскуровъ, кн. Ив. Ив. 14, 51.
- Троскуровъ, кн. Ѳедоръ Ив. 36, 51.
- Троянъ. 87.
- Трофимовъ, Евст., казакъ. 404.
- Трошинскій, Д. П. 98, 309, 311, 316, 317, 445, 490.
- Трубенская, нягня. 519.
- Трубянкова, прапорщица. 321.
- Тукъ, Англ. пасторъ. 355.
- Тулинская. 505.
- Тургеневъ, А. И. 506 — 508, 513, 516, 525.
- Туриавиль, капитанъ. 55.
- Турьбригъ, Ив., атаманъ. 431, 439.
- Тутолминъ, Ив. Вас. 183, 312.
- Туфанова, Пелагея Александр. 227, 234, 235.
- Туфановъ, Петръ Як. 227, 231, 233.
- Тюиль, бар. 255.
- Тютчевъ, Ѳ. И. 385, 386.
- Тюфякинъ, кн. Ив. 524.
- *
- Убри. 477.
- Уваровъ. 214.
- Ульяновъ, казакъ. 275.
- Унгеръ Штернбергъ, бар. 308.
- Уольслей, генер. 260.
- Урусова. 517.
- Урусовъ, кн., Ал—дръ. 524.
- Урусовъ, кн., Ѳедоръ Семен. 8.
- Урусъ, князь. 286.
- Устинья, казачка, жена Пугачева 275.
- *
- Фадѣевъ, Петръ, казакъ. 403.
- Фаминцынъ, Ал—ѣй Арист. 36.
- Фаукнеръ. 174, 202.
- Фаціусъ. 109.
- Фердинандъ VII-й. 519.
- Филатьевъ, Ал—ѣй. 47.
- Филимоновъ. 406.
- Филипова, Анна. 405.
- Финнъ. 260.
- Фирсовъ, Н. Н. 325, 457.
- Фицъ-Вильямъ, лордъ. 153, 171, 206.
- Фицгербертъ. 93, 95, 96, 98, 161, 163, 164, 202.
- Флавицкій (Флавіановъ), студентъ. 356.
- Фоксъ. 80, 88, 89, 92, 149, 152,

Фовкохенъ, Шведскій резидентъ.
Форбсъ. 256.
Форстеръ, леди. 81.
Фоскарп. 87.
Фраксомъ. 47.
Фридрихъ Великій. 62, 178, 187,
256, 257, 468.
Фридрихъ-Вильгельмъ III. 455, 468.
Фростевъ, полковникъ. 15.
Фуссъ, алгебристъ. 494.
*
Хабаровъ, Лука. 27.
Ханенко. 339.
Хавинъ, (Лжепетръ) 274.
Ханыковъ, вице-адмиралъ. 213, 345,
497.
Харитоновъ, Ант. казакъ. 404.
Хлопуша, казакъ. 275, 414.
Хмѣльницкій, Ив. 14.
Хованскій, кн. 514.
Хомякова, Марія Алексѣевна. 248.
Хомяковъ, А. С. (объ общественномъ
воспитаніи въ Россіи) 114, 217, 218,
220, 246, (письма къ гр. Блудовой)
372—382, (къ его письмамъ) 383—385.
Хомяковъ, Дм. Алексѣев. 382.
Хоткевичева. 505.
Храмовъ, Ст. казакъ. 441.
Храповицкій, (Зап) 68, (Дневникъ)
145, 147, 190, 191, 206.
Хрущовъ. 254.
*
Цвейбрикскій, герцогъ. 88.
Циціановъ, кн. 472.
*
Чаадаевъ, чиновникъ. 6.
Чадаевъ. 396.
Чарторижская, княгиня. 505.
Чарторижскій, кн., Адамъ. 445, 459,
465, 466, 475, 476, 505.
Чатамъ, лордъ. 106.

I; 35.

Черкасскъ.
Черкасскій, кн., В. А. 263.
Черкасскій, кн., Петръ. 524.
Чернова, Елена. 405.
Черноноговъ, Аванас. 439.
Чернышева, графиня. 488, 509.
Чернышевъ. 509.
Чернышевъ, Андр. Львов. 308.
Чернышевъ, гр. 275.
Чернышевъ, гр., З. Г. 69, 70, 71.
Чертковъ. 237.
Четвертинская. 505.
Чижовъ, Ѳ. В. 375.
Чика, казакъ. 275.
Чировъ, Борисъ, сотникъ. 440.
Чистльвудъ, загов. 519.
Чичаговъ, адмиралъ. 108, 109, 200,
518.
Чичаговъ, геодезистъ. 299.
Чичеринъ. 250.
Чувашевъ, сотникъ. 429.
Чулакъ, воинъ. 280.
Чумаковъ, Мих. 410.
*
Шакловитый. 6.
Шакъ, гр. 94.
Шамай, казакъ. 293, 295.
Шафировъ. 476.
Шаховская, кн., С. А. 511.
Шаховской, кн., И. Л. 511.
Швалембергъ. 92.
Шевыревъ, Ст. Петр. 138, 139, 249.
Шельбурпъ. 79, 106.
Шереметевъ, Бор. Петр. 33.
Шереметевъ, Петръ Вас. 12, 14, 15,
46.
Шереметевъ, фельдмарш. 496.
Шериданъ. 157, 347.
Шигаевъ, казакъ. 275.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1879.

Шовелень. 180.
Шово, Варш. рес.
Штакельбергъ,
Штида. 259.
Шуазель, герцогъ. 111.
Шуваловъ. 72.
Шулембургъ, гр. 467.
Шульгинъ, Моск. оберъ-полиціймейст. 508, 510.
Шумихинъ, Федоръ. 439.
*
Щербаковъ, Ив., каз. атам. 303.
Щербатый, кн., Вас. Григ. 36.
Щербатый, кн., Конст. Осип. 36.
Щербатовъ, кн. 60.
Щолкинъ, Ив., атам. 431, 434, 435.
*
Экаръ, (д'). 490.
Эліотъ. 149, 159, 188, 261.
Эльдонъ, лордъ. 326.
Эминъ, Никита Осип. 399.
Энсли. 148, 159.

Эрскинъ, лордъ. 326.
Эрстедъ, майоръ. 326, 334.
Вн) стергази; гр. 181, 182.
Эйнерлингъ, издатель. 236.
Эйръ, Сельвинъ. 262.
*
Ювартъ. 199.
Юлія, королева Прусская. 94.
Юсуповъ, кн. Никол. Борис. 213, 492, 519, 520.
*
Яблоновская, княгиня. 505.
Языковъ, Н. М. 399, 400.
Якоби, Прусск. посолъ въ Англии. 212, 347.
Яковлевъ, Андр. казакъ. 403.
Якубъ-Бегъ. 261.
Янъ. 50.
*
Оедосѣевъ, Ив. подпоручикъ (наказаніе янутомъ) 321.
Оеодоръ Алексѣевичъ, царь. 41, 297, 298.
Оирсовъ, Н. А. 275, 298, 300.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1879 ГОДА.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).

<p>Яицкое войско до появленія Пугачева. Изслѣдованіе В. Н. Витевскаго. Глава 1-я (Первоначальная исторія). Глава 2-я и 3-я (до царствованія Елисаветы Петровны). 273 и 401</p>	<p>Переписка Екатерины Великой съ графомъ С. Р. Воронцовымъ по поводу враждебныхъ замысловъ Пруссіи и Англии противъ Россіи. 1788 — 1791 годы 145 и 206</p>
<p>Петръ Первый. Первые годы единодержавія (1689 — 1694). Сочиненіе М. П. Погодина 5</p>	<p>Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Безбородкѣ изъ Венеціи и Лондона (1784—1797). 83, 197, 205, 208, 345, 348 и 350</p>
<p>С.-Петербургскій городской голова въ прошломъ столѣтіи. Жизнь А. П. Березина 226</p>	<p>Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Остерману 83 и 346</p>
<p>Разсказъ графа Н. И. Панина о воцареніи Екатерины Великой (изъ Записокъ барона Ассебурга), съ предисловіемъ Л. Н. Майнова 362</p>	<p>Письма графа С. Р. Воронцова къ вице-адмиралу Макарову и императору Павлу 345</p>
<p>Донесеніе князя Путятина Екатерины II о разговорѣ съ Брауншвейгскою герцогинею 112</p>	<p>Письма графа С. Р. Воронцова къ неизвѣстному лицу (графу Моркову?). 200</p>
<p>Еще о филологическихъ занятіяхъ Екатерины Великой. Замѣтка А. О. Круглаго. 265</p>	<p>Изъ рѣчи Фокса въ Англійскомъ парламентѣ 18 Марта 1791 противъ войны съ Россіею 207</p>
<p>О Русской арміи во вторую половину Екатерининскаго царствованія. Современная записка генерала-поручика С. М. Ржевскаго. 457</p>	<p>Записка Екатерины Великой о бюстѣ Фокса 206</p>
<p>Біографія графа Семена Романовича Воронцова. Глава I-я (1744—1785). Глава II-я (1785—1796). Глава III-я (1797—1801). Глава IV-я (1801—1832). Глава V-я (общіе выводы). Д. Д. Рябинина, съ гравированнымъ на стали портретомъ (работы Р. Эванса). 58, 168, 305, 444 и 484</p>	<p>Лондонскій священникъ Я. И. Смирновъ (автобіографическое показаніе). 454</p>
	<p>Письмо Великой Княгини Маріи Феодоровны къ князю Потемкину (1786) объ ея дѣтяхъ 367</p>
	<p>Записка Суворова подполковнику Клинтону (1799) 267</p>
	<p>Къ столѣтнему юбилею Московскаго дворянскаго клуба. Историческая замѣтка Г. Н. Александрова 525</p>

барону Твилю въ Римъ (1816) касательно соединенія церквей. Сообщено С. М. Соловьевымъ	255	Градъ, гр. 181 (Градъ)	215 и 521
Спасеніе жизни императора Николая Павловича, записка Н. И. Надеждина, съ предисловіемъ П. И. Мельникова.	140	Черлингъ, и ^ю "Сербія" (1844), стихотвореніе Н. М. Языкова	399
Графъ Сергій Степановичъ Ланской. (Изъ воспоминаній П. И. Мельникова).	251	Письмо князя В. О. Одоевскаго къ другу-помѣщику (1850)	523
Изъ писемъ князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову. 1818 — 1820 (Жизнь въ Варшавѣ)	503	Общественное воспитаніе въ Россіи. Статья А. С. Хомякова	114
Изъ письма С. П. Шевырева къ А. П. Елагиной о свиданіи съ Гете (1829).	138	Письма А. С. Хомякова къ графу А. П. Толстому и къ С. Т. Аксакову.	246
„На взятіе Варшавы“ (1831), стихотвореніе О. И. Тютчева	385	Письма А. С. Хомякова къ графинѣ А. Д. Блудовой (1849—1855)	372
Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ великому князю Михаилу Павловичу, по поводу кончины и похоронъ А. С. Пушкина, съ переводомъ и примѣчаніями	387	Къ письмамъ Хомякова. Замѣтка графини А. Д. Блудовой	383
Стихотворенія Константина Сергѣевича Аксакова (1842—1850): А. Н. Попову, Союзникамъ, Первое Мая, Поэ-		Знакомство съ П. А. Мухановымъ. Изъ воспоминаній Я. Ф. Березина-Ширяева.	235
		Три предсмертныя стихотворенія князя П. А. Вяземскаго	132
		Пятисотлѣтіе Куликовской битвы. Замѣтка Д. И. Иловайскаго.	142
		Книжныя заграничныя вѣсти 1878 года.	256